

ДИАНА ГЭБЛДОН

Чужестранка

18+

История,
ставшая культовым
сериалом XXI века

Чужестранка. Сериал по романам
Дианы Гэблдон в одном томе

Диана Гэблдон

Чужестранка

«ЭКСМО»

1991

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Чужестранка / Д. Гэблдон — «Эксмо», 1991 — (Чужестранка. Серил по романам Дианы Гэблдон в одном томе)

ISBN 978-5-04-158216-6

1945 год. Юная медсестра Клэр Рэндолл возвращается к мирной жизни после четырех лет службы на фронте. Вместе с мужем Фрэнком они уезжают в Шотландию, где планируют провести второй медовый месяц. Влюбленные хотят узнать больше о семье Фрэнка, но одно прикосновение к камню из древнего святилища навсегда изменит их судьбы. Клэр необъяснимым образом переносится в 1743 год, где царят варварство и жестокость. Чтобы выжить в Шотландии XVIII века, Клэр будет вынуждена выйти замуж за Джейми Фрэзера, не обделенного искрометным чувством юмора воина. Только так она сможет спастись и вернуться в будущее. Но настоящие испытания еще впереди.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-158216-6

© Гэблдон Д., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	63
Часть 2	67
Глава 6	67
Глава 7	80
Глава 8	90
Глава 9	100
Глава 10	111
Часть 3	123
Глава 11	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Диана Гэблдон Чужестранка

© 1991 by Diana Gabaldon

© Зайцева В., перевод на русский язык, 2021

© Черташ А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ДИАНА
ГЭБЛДОН
Чужестранка

Москва
2021

*Памяти моей матери Жаклин Сайкс Гэблдон, которая научила
меня читать*

*Люди исчезают постоянно. Спросите об этом у любого
полицейского. Или лучше у журналиста. Для журналистов
исчезновения – их хлеб. Молодые девушки убегают из дома. Дети
уезжают от родителей и не возвращаются. Экономки поддаются*

искушению и, прихватив хозяйские деньги, прыгают в такси до вокзала. Биржевые игроки меняют имена и скрываются в клубах сигаретного дыма. Многие из пропавших находятся. Так или иначе. Живыми или мертвыми. Исчезновения в конце концов получают объяснение. Как правило.

Часть 1

Инвернесс, 1945 год

Глава 1

Новое начало

Это было не особенно подходящее место для исчезновения, по крайней мере на первый взгляд. Апартаменты миссис Бэйрд не отличались от тысячи других пансионов в горной Шотландии 1945 года, опрятных и тихих: обои в цветочек, полы, натертые до блеска, в ванной надо опустить монетку, чтобы пошла горячая вода. Сама миссис Бэйрд оказалась маленькой и очень подвижной пышкой; ее нисколько не беспокоило, что Фрэнк разбрасывает книги и газеты – без которых не мыслит своей жизни – по ее крошечной гостиной с обоями в мелкую розу.

Я встретила миссис Бэйрд в передней перед выходом. Она ухватила меня за рукав и потянулась к моим волосам.

– Миссис Рэндолл, это возмутительно – показываться на люди с такой головой! Подождите, я немного приведу вас в порядок. Ну вот, уже лучше. Моя кухня рассказывала, что сделала перманентную завивку по новой технологии, выглядит великолепно и держится как надо. Может, и вам стоит попробовать...

У меня не хватило духу признаться, что мои непокорные каштановые кудри – каприз природы, а не результат небрежности парикмахеров. Волосы миссис Бэйрд, уложенные аккуратными волнами, свидетельствовали о том, что к ее прическе отнеслись со всей серьезностью.

– Я непременно так и сделаю, миссис Бэйрд, – соврала я. – Я иду в деревню, мы договорились встретиться там с Фрэнком. Вернемся к чаю.

Высочив за дверь, я быстро зашагала по дорожке, пока хозяйка не нашла в моем внешнем виде еще какие-нибудь недочеты. Четыре года прослужив медсестрой в Королевской армии, я радовалась отсутствию формы и с удовольствием носила светлые хлопчатобумажные платья, совершенно неподходящие для прогулок по вересковым пустошам. Не то чтобы прогулки подобного толка были мне очень интересны; мечты мои устремлялись совсем к другому: утром спать подольше, а вечера проводить в постели с Фрэнком, но уже не спать. Однако этот романтический план раз за разом проваливался из-за рвения и постоянства, с каким миссис Бэйрд пылесосила прямо у нас под дверью.

– Должно быть, это самый грязный ковер во всей Шотландии, – к такому выводу пришел Фрэнк этим утром, когда в прихожей спозаранку взревел пылесос.

– Почти такой же грязный, как воображение нашей хозяйки, – согласилась я. – Может, нам стоило поехать в Брайтон.

Нам выпал шанс отдохнуть перед тем, как Фрэнк вступит в должность профессора истории в Оксфорде, и выбрали Шотландию из-за того, что ее меньше других областей Британии коснулись ужасы войны, а лихорадочная веселость послевоенного времени охватила ее не в той степени, как многие другие курортные места. Кроме того – хоть мы и не произносили этого вслух, – для нашего брака горы Шотландии имели некое символическое значение; мы поженились семь лет назад и именно в Шотландии успели провести два дня медового месяца, перед тем как разразилась война. Мирное прибежище, где мы вновь обретем друг друга, – так мы думали, несколько упустив из виду, что если гольф и рыбалка – наиболее популярные виды спорта на открытом воздухе, то в закрытых пространствах здесь предпочитают сплетни и пересуды. Поскольку в Шотландии дождливо, люди проводят в последних больше времени.

– Ты куда собираешься? – спросила я, когда Фрэнк спустил ноги с кровати.

– Страшно не хочется разочаровывать старушку, – ответил он и, усевшись поудобнее на краю древней кровати, принялся раскачиваться взад-вперед.

Кровать пронзительно заскрипела. Пылесос в прихожей резко умолк. Поскрипев минуту или две, Фрэнк театрально застонал и с размаху откинулся назад, так что пружины зазвенели. Я захихикала и уткнулась в подушку, чтобы не спугнуть притаившуюся за дверью слушательницу. Фрэнк нахмурил брови.

– Ты должна биться в экстазе, а не хихикать, – прошипел он. – Иначе она решит, что любовник из меня никудышный.

– Тебе следовало бы уделить этому больше времени, чтобы услышать экстатические стоны. За две минуты ничего, кроме хихиканья, не получишь.

– Бессердечная ты развратница! Прошу не забывать, что я приехал отдыхать.

– Ты лентяй! Если не будешь работать, на твоём генеалогическом древе никогда не вырастет новая ветвь!

Страсть Фрэнка к генеалогии стала еще одной причиной, по которой мы выбрали Шотландию. Если верить одному потрепанному клочку бумаги – Фрэнк везде носил его с собой, – то один из его занудных предков чем-то занимался в этих местах то ли в восемнадцатом, то ли даже в семнадцатом веке.

– Если я превращусь в засохший сучок на моем фамильном древе, то повинна в этом будет наша неутомимая хозяйка. Ведь мы женаты почти восемь лет. Фрэнк-младший может быть зачат на вполне законных основаниях и без свидетелей.

– Если он вообще будет зачат, – мрачно добавила я, вспомнив о разочаровании, которое мы пережили за неделю до отъезда.

– Воздух здесь бодрящий, а питание регулярное. Чем еще можно помочь делу?

Позавчера на обед подавали жареную сельдь. Вчера на ланч – соленую, а сегодня на завтрак, судя по запаху из кухни, должны были подать копченую.

– Если не хочешь дать миссис Бэйрд еще один повод для нотации, – сказала я, – то тебе, пожалуй, пора одеваться. Ты ведь, кажется, должен встретиться с пастором в десять?

Достопочтенный доктор Реджиналд Уэйкфилд, местный викарий, обещал дать Фрэнку изучить невероятно увлекательные записи о крещениях, не говоря уже о блестящей перспективе откопать в архивах какие-нибудь ветхие офицерские списки или хотя бы упоминание о пресловутом предке.

– А как звали твоего прапрапрадедушку, который ошивался в этих краях во время одного из восстаний? – спросила я. – Не могу вспомнить: Уилли или Уолтер...

– Вообще-то его звали Джонатан.

Фрэнк в целом спокойно относился к тому, что я не проявляю интереса к истории его семьи, но постоянно был наготове, чтобы воспользоваться малейшим любопытством с моей стороны для сообщения фактов о генеалогическом древе Рэндоллов. Он застегивал рубашку, а в глазах уже зажегся фанатичный блеск увлеченного преподавателя истории.

– Джонатан Уолвертон Рэндолл – Уолвертоном его назвали в честь дяди по матери, рыцаря из Суссекса. Но он был известен под лихим прозвищем Черный Джек, которое он получил в армии, думаю, как раз во время службы в этих местах. Я упала ничком на постель и изобразила храп. Фрэнк, не обращая на меня внимания, продолжил свою лекцию:

– Он купил патент на офицерский чин в середине тридцатых годов, я имею в виду тысяча семьсот тридцатых, и стал драгунским капитаном. Судя по тем старым письмам, которые отправила мне кузина Мэй, он нес службу отлично. Недурной вариант для второго сына. Младший из троих братьев, согласно традиции, стал викарием, но о нем мне пока не удалось много узнать. Во всяком случае, Джек Рэндолл получил похвалу от герцога Сандрингема за свои действия накануне и во время событий сорок пятого года, то есть второго якобитского

восстания. – И добавил снисходительно, чтобы убедиться, что невежественная аудитория в лице меня владеет контекстом: – Ну ты же знаешь, Красавчик принц Чарли и вот это все¹.

– Не уверена, что шотландцы до конца осознали, что они проиграли в тот раз, – заметила я, усаживаясь на постели и пытаясь привести в порядок волосы. – Вчера в пабе слышала, что бармен называл нас «сассенах».

– А почему нет? – благодушно отозвался Фрэнк. – Это всего-навсего означает «англичанин» или, в крайнем случае, «чужак», а мы и есть чужаки.

– Я знаю, что это означает. Мне не понравился его тон.

Фрэнк порылся в ящике стола в поисках своего ремня.

– Он просто обиделся. Я сказал, что эль у них слабый. Потому как, видишь ли, в бочку с настоящим шотландским элем полагается бросить для крепости старый башмак, а готовый продукт процедить через хорошо поношенную единицу нижнего белья.

– А-а, так вот что повлияло на сумму счета!

– Я выразился даже более деликатно потому, что в гэльском языке² нет слова для штанов или трусов.

Я потянулась за собственными трусиками, заинтригованная.

– А почему нет? Разве шотландцы в старину не носили нижнего белья?

Фрэнк покосился на меня.

– А ты никогда не слышала песенку о том, что носит шотландец под своим килтом?

– Надеюсь, что не панталоны до колен, как настоящие джентльмены, – сухо заметила я. – Может, мне, пока ты развлекаешься с викарием, поискать местного любителя национальной одежды и спросить у него?

– Пожалуйста, только постарайся, чтобы тебя не арестовали, Клэр, декан колледжа Святого Гилберта вряд ли это оценит.

Я не встретила ни одного шотландца в килте, который слонялся бы по городской площади или посещал местные магазины. Но там были другие люди, в основном домоправительницы вроде миссис Бэйрд, совершающие покупки. Они громко болтали и обменивались сплетнями; их дородные фигуры, облаченные в платья из набивного ситца, делали атмосферу в магазинах какой-то особенно уютной и теплой на контрасте с холодной моросью снаружи.

Поскольку собственного дома у меня не было, то покупать мне было почти нечего, но разглядывание товаров, вновь в изобилии появившихся на полках, доставляло удовольствие. Мы так долго жили по карточкам, обходясь даже без таких необходимых вещей, как мыло и яйца, а уж о малейшей роскоши вроде одеколona «Голубой час» и говорить нечего.

Я задержалась у витрины магазина товаров для дома: там были вышитые чайные скатерти и салфетки, кувшины и бокалы, комплект форм для выпечки и набор из трех ваз.

Ваз у меня никогда не было. Во время войны я жила в общежитии для медсестер, сначала в госпитале Пемброк, позднее – в полевом госпитале во Франции. А до войны мы нигде не жили подолгу и потому собственного жилья у нас не появилось. Купи я себе вазочку, дядя Лэмб наполнил бы ее своими древними черепками еще до того, как я оказалась бы рядом с букетом маргариток.

Квентин Лэмберт Бошан. Кью – для студентов-археологов и для друзей, доктор Бошан – в ученых кругах, которые были для него всем. Но для меня всегда только дядя Лэмб. Единственный брат моего отца и мой единственный живой родственник, я свалилась на его голову пятилетней девочкой, когда мои родители погибли в автокатастрофе. В то время он как раз

¹ Красавчик принц Чарли – одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720–1788), или Младшего претендента, возглавлявшего якобитское восстание (1745–1746). Якобиты – сторонники короля Якова II (правил в 1685–1688 гг.) и его наследников. (Здесь и далее прим. пер.)

² Гэльский (гаэльский, шотландский, эрский) язык – один из кельтских языков; распространен в Северо-Западной Шотландии. По происхождению – диалект ирландского языка.

планировал путешествие на Средний Восток, все отложил, чтобы устроить похороны, продать имущество родителей, а меня поместить в хорошую школу-интернат для девочек. «Помещаться» в эту школу я отказалась наотрез. Дядя Лэмб ненавидел личные конфликты любого рода; столкнувшись с необходимостью отдирать мои пухлые пальчики от двери автомобиля и насильно волочить меня по ступенькам в школу, он устало вздохнул, пожал плечами и выбросил из окна машины свои благие намерения вместе с моей новой соломенной шляпкой.

– Жуть какая, – пробормотал он, глядя в зеркало заднего вида на то, как шляпка весело катится по дороге, пока мы набираем скорость, удаляясь в противоположном направлении. – Всегда ненавидел дамские шляпки. Любые. – Он сурово посмотрел на меня и добавил: – Запомни одно: ты не будешь играть моими персидскими резными статуэтками. Все что угодно, только не это. Поняла?

Я удовлетворенно кивнула. И поехала с ним на Средний Восток, потом в Южную Америку, а потом еще в самые разные уголки мира. Я научилась читать и писать по заголовкам в журналах, научилась копать уборные, кипятить воду и делать еще множество вещей, совершенно не подходящих для девицы хорошего происхождения, и занималась всем этим, пока не встретила красивого темноволосого историка, который приехал к дяде проконсультироваться по поводу возможных связей между французской философией и египетскими религиозными обрядами.

Но и после нашей свадьбы с Фрэнком мы вели кочевой образ жизни, типичный для молодых ученых, которым приходится жить либо в гостиницах во время научных конференций, либо в съемных квартирах. Потом началась война, Фрэнк попал в офицерскую школу, а оттуда в разведгруппу МИ-6, а я поступила в школу медсестер. И хотя мы женаты почти восемь лет, нашим первым собственным домом будет новый дом в Оксфорде.

Крепко зажав сумку под мышкой, я вошла в магазин и купила вазы. Я встретила Фрэнка на Хай-стрит, у поворота на Джирисайд-роуд, по которой мы пошли вместе. Увидев мои покупки, он приподнял брови.

– Вазы? – улыбнулся он. – Замечательно. Наконец-то перестанешь засовывать цветы в мои книги.

– Это ведь не одно и то же, в книгах у меня образцы, нечто вроде гербария. Ты же сам предлагал, чтобы я занялась ботаникой. Раз уж я больше не медсестра, нужно найти себе какое-то увлечение.

– Верно. – Фрэнк одобрительно кивнул. – Но я не предполагал, что каждый раз, как открою справочник, мне на колени будет сыпаться сушеная зелень. Что это за сорняки ты положила в Таскама и Бэнкса?

– Горец перечный. Помогает при геморрое.

– Готовишься к моей близкой старости? Как это предусмотрительно с твоей стороны, Клэр!

Смеясь, мы вошли через калитку во двор, и Фрэнк остановился, чтобы пропустить меня вперед по узкой лесенке к входу.

Внезапно он схватил меня за руку.

– Постой! Не наступи.

Я остановилась, занеся ногу над большим коричнево-красным пятном на ступеньке.

– Странно, – сказала я. – Миссис Бэйрд скоблит и моет эти ступеньки каждое утро, я видела. Как думаешь, что это?

Фрэнк наклонился пониже и опасливо принюхался.

– В общем-то, кажется, это кровь.

– Кровь! – Я отступила на шаг. – Чья? – И с беспокойством заглянула в дом. – Думаешь, с миссис Бэйрд могло что-то произойти?

Я не могла себе представить, чтобы наша чистюля-хозяйка добровольно оставила кровавые пятна сохнуть на ступеньках возле двери. Исключение – произошло нечто чрезвычайное. На секунду представила, что в гостиную ворвался маньяк-убийца с топором в руках, готовый на нас наброситься.

Фрэнк покачал головой. Приподнявшись на цыпочки, заглянул через забор в соседний дворик.

– Вряд ли. У Коллинзов на пороге точно такое же пятно.

– Правда?

Я подошла к Фрэнку – во-первых, мне и самой хотелось посмотреть через забор, а во-вторых, я нуждалась в моральной поддержке.

Трудно представить себе Шотландию в качестве сцены для серийных убийств, но преступники такого рода вряд ли руководствуются логикой при выборе места.

– Это все как-то... неприятно, – заметила я. На соседнем участке тоже не было никаких признаков жизни. – Как ты думаешь, что случилось?

Фрэнк сдвинул брови и задумался. Вдруг его осенило, и он с досадой хлопнул себя по ноге.

– Кажется, я понял! Подожди секунду.

Он бросился к калитке и выбежал на дорогу, оставив меня в полном недоумении стоять возле крыльца. Вернулся он очень скоро, просветленно сияя.

– Да, пожалуй, я прав, так и есть. Такие же пятна возле каждого дома на нашей улице.

– Ну и что это значит? Визит маньяка?

Я говорила резковато: разнервничалась, оставшись наедине с огромным кровавым пятном.

Фрэнк засмеялся:

– Нет, это ритуальная жертва.

Он опустился на четвереньки и уставился на пятно с большим интересом. Его объяснение звучало не намного утешительнее, чем маньяк-убийца. Я присела на корточки рядом с Фрэнком и понюхала пятно. Для мух было еще рано, но возле высыхающей лужи сидели два больших шотландских комара.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. – Миссис Бэйрд добропорядочная христианка и исправно ходит на службу, ее соседи тоже. Здесь все-таки не жертвенный холм друидов.

Фрэнк поднялся и отряхнул брюки.

– Все-то ты знаешь, милая моя. А между тем нет другого такого места на земле, где магия и колдовство так прочно входили бы в повседневную жизнь, как здесь, в горной Шотландии. Церковь церковью, но миссис Бэйрд все равно верит в Старый Народец, и ее соседи тоже.

Кончиком начищенного ботинка он показал на пятно.

– Это кровь черного петуха, – объяснил он. – Дома совершенно новые. Сборные, фабричного производства.

Я посмотрела на него довольно холодно.

– Если ты считаешь, что все объяснил, то ты заблуждаешься. Какая разница, старые это дома или новые? И куда все люди пропали?

– Думаю, они в пабе. Пойдем посмотрим?

Фрэнк взял меня за руку и повел к калитке, а потом вниз по Джирисайд-роуд.

– В старые времена, – начал он по дороге, – при закладке дома убивали какое-нибудь живое существо и закапывали под фундаментом как ритуальную жертву местным духам. Обычай древний, как эти холмы. «И зароет он первенца своего в основании дома, а младшего сына под воротами».

Я вздрогнула от этой цитаты.

– Слава богу, что в наше время они ушли от варварства и приносят в жертву всего лишь петухов. Хочешь сказать, что, поскольку дома новые и при постройке никто ничего под ними не закапывал, их владельцы теперь исправили ошибку?

– Именно так. – Фрэнк, явно довольный моей сообразительностью, похлопал меня по спине. – По словам викария, многие местные верят, что война была послана в наказание за то, что люди отказались от старинных обычаев, забыли о корнях, например, перестали закапывать жертвы под фундаментом и сжигать рыбы кости в камине, за исключением костей пикши.

Он так и сиял, углубившись в интересную тему.

– Кости пикши сжигать никак нельзя. В противном случае ты больше никогда ни одной не поймашь. Кости пикши надо закапывать в землю.

– Я запомню, – пообещала я. – Скажи мне, что сделать, чтобы больше не видеть сельдь, и я тут же последую инструкции.

Фрэнк рассеянно покачал головой, погружившись в одну из своих ученых медитаций, в ходе которых он собирал с мысленных полок все сведения на нужную тему, полученные из самых разнообразных источников, – в такие минуты он совершенно терял связь с реальностью.

– Насчет селедки не знаю, – ответил он с отсутствующим выражением лица. – Но от мышей надо повесить пучки травки под названием «дрожащий джок» и произнести заклинание: «Дрожащий джок повесим тут, и мыши в доме пропадут». Кажется, так. А что касается зарытых под фундаментом жертв, то из этой традиции вышли все легенды о призраках. Помнишь большой дом в конце Хай-стрит? Он называется «Маунтджералд». Так вот, в нем обитает призрак одного из рабочих, которые строили этот дом. Рабочего, как гласит предание, зарыли под домом в качестве ритуальной жертвы. Это случилось в восемнадцатом веке, не так уж давно.

Фрэнк немного помолчал, потом продолжил:

– Говорят, что по приказу владельца одну из стен возвели первой, а потом сбросили каменный блок на голову рабочему – скорее всего, тому парню, который всем докучал и потому был избран жертвой. Его похоронили там же, а потом над ним возвели дом. Он появляется в чулане, под полом которого его зарыли, но только в годовщину своей смерти или в один из четырех Старых Дней.

– Старых Дней?

– Это старинные кельтские праздники, – объяснил Фрэнк, все еще блуждая по лабиринтам памяти. – Хогманай, канун Нового года, Иванов день, потом Белтейн, или Праздник кельтских костров, и День Всех Святых. Друиды, древние пикты, да и вообще все древние народы Британии устраивали празднества огня и солнца. В такие дни призраки получают свободу бродить по окрестностям и творить злые или добрые дела на свое усмотрение.

Он в задумчивости потер подбородок.

– Белтейн как раз подходит, его отмечают незадолго до весеннего равноденствия. Когда в следующий раз будешь проходить мимо кладбища, держи ухо востро.

Глаза у Фрэнка весело заблестели, и я поняла, что он вышел из транса. Я засмеялась:

– И много здесь знаменитых призраков?

Фрэнк пожал плечами.

– Право, не знаю. Давай спросим викария, когда увидим его в следующий раз, согласна?

Викария мы увидели очень скоро. Он, как и большинство его прихожан, сидел в пабе и потягивал лагер в честь нового освящения домов. Он казался смущенным: ведь его застали на том, что он сквозь пальцы смотрит на языческие ритуалы, однако он тут же свел все к наблюдению за местным фольклорным колоритом, вроде ирландской традиции с клевером.

– Это невероятно увлекательно, – доверительно сообщил он, и я тут же, мысленно вздохнув, опознала песенку ученого, столь же узнаваемую, как трели лесного дрозда.

Распознав родственную душу, Фрэнк подсел к нему, и оба тотчас погрузились в разговоры об архетипах и параллелях между древними верованиями и современной религией. Я пожалала плечами, протолкалась сквозь толпу к стойке и вернулась назад с двумя бокалами бренди с водой.

Зная, как трудно отвлечь Фрэнка от подобных дискуссий, я просто сунула рюмку ему в руку и оставила их наедине. На широкой скамейке у окна я нашла миссис Бэйрд, где она пила пинту горького пива в обществе мужчины средних лет, который был мне представлен как мистер Крук.

– Я говорила вам о нем, миссис Рэндолл, – заявила она с горящим от алкоголя и присутствия мистера Крука глазами. – Это тот самый, кто знает все растения. Миссис Рэндолл ужас как интересуется травами, – немедленно поведала она своему приятелю, наклонившему к ней голову отчасти из вежливости, отчасти из-за неважного слуха. – Она их засовывает в книжки и сушит.

– В самом деле? – Мистер Крук изогнул косматую правую бровь, совершенно седую. – У меня есть специальные гербарные сетки для засушивания и всякого такого. Остались от племянника, он в университете учится, приезжает сюда на каникулы. Он привез их для меня, а у меня не хватило духу сказать ему, что я таким не пользуюсь. Травы надо сушить в пучках или на раме, а потом хранить в мешочках из марли или в кувшинах. Зачем расплющивать эти маленькие создания, ей-богу, не могу понять.

– Но быть может, – мягко вмешалась миссис Бэйрд, – миссис Рэндолл хочет составить из сушеных фиалок или мальв красивые картинки, чтобы повесить на стену в рамке?

– Ммхм... – По морщинистому лицу мистера Крука нельзя было определить, как он отнесся к этому сообщению. – Ладно, миссис, ежели эти сетки вам нужны, вы можете их забрать, с радостью отдам. Грешно выбрасывать добро, а мне от них никакого проку.

Я завершила мистера Крука, что с удовольствием приму в дар решетки, но еще больше меня обрадует, если он покажет мне, где здесь можно найти кое-какие редкие растения. Несколько секунд он пристально смотрел на меня, склонив голову набок, словно потрепанная жизнью пустельга, но, внутренне убедившись, что интерес мой не таит в себе никакого подвоха, назначил встречу на утро, чтобы провести мне экскурсию по местным зарослям. Фрэнк, насколько я помнила, собирался в Инвернесс на весь день, чтобы просмотреть какие-то записи в городской ратуше, и я была рада предложению не ехать вместе с ним. Мне все эти записи казались скучными и ничем не отличающимися одна от другой.

Вскоре Фрэнк оторвался от викария, и мы отправились домой в обществе миссис Бэйрд. Я постеснялась обсуждать с ней пятно крови на крыльце; что же до Фрэнка, то он застенчивости не испытывал и начал подробно расспрашивать ее о природе этого обычая.

– Он, наверное, очень древний? – спросил он, похлестывая прутом придорожную траву.

Уже распустились желтые примулы, зацвели первые анемоны, а почки на раkitнике набухли; еще неделя – и появятся сережки.

– О да, – отозвалась миссис Бэйрд, шагая рядом с нами вперевалочку. – Никто и не знает точно, когда он появился. Наверное, это случилось еще до великанов.

– Великанов? – удивилась я.

– Да, великаны Фьонн и Фейн, разве вы не слышали?

– Это герои гэльских сказок, – подхватил Фрэнк. – Вероятно, они имеют скандинавское происхождение. Влияние викингов здесь можно обнаружить повсюду, вдоль всего западного побережья. Даже названия некоторых мест скандинавские, а не гэльские.

Я округлила глаза, опасаясь негативной реакции со стороны миссис Бэйрд, но она только улыбнулась и согласилась с Фрэнком: да, все так и есть, она сама, когда ездила на север, видела камень, который называется Два Брата. Он ведь скандинавский, верно?

– Скандинавы появлялись в этих краях на протяжении сотен лет, начиная примерно с пятисотого года от Рождества Христова и до тысяча трехсотого, – ответил Фрэнк, мечтательно посмотрев на облака у горизонта, словно их очертания напоминали ему драконоподобные ладьи викингов. – Викинги! Они привезли с собой множество преданий и мифов, которые здесь легли в благодатную почву. В этом краю будто видишь начало вещей.

В это я могла поверить. Спускались сумерки, и вместе с ними надвигалась гроза. Какой-то неземной, волшебный свет разливался под облаками, и даже свежестроенные дома вдоль дороги казались такими же древними и мрачными, как источенный ветрами пиктский столб в сотне футов от нас, вот уже тысячу лет маркирующий перекресток. В такой вечер лучше всего сидеть дома и держать ставни закрытыми.

Тем не менее Фрэнк решил зайти на стаканчик шерри к местному адвокату мистеру Бейнбриджу, который интересовался стариной и архивами, вместо того чтобы остаться в уютной гостиной миссис Бэйрд и полюбоваться при помощи стереопроектора на гавань Перта. Освежив в памяти предыдущую встречу с мистером Бейнбриджем, я выбрала Перт.

– Постарайся вернуться до грозы, – попросила я, целуя Фрэнка на прощание. – Передай мистеру Бейнбриджу мои извинения.

– Ммм, да. Да, разумеется.

Старательно избегая встречаться со мной взглядом, Фрэнк набросил пальто и ушел, прихватив зонтик из стойки у порога.

Я закрыла за ним дверь, но не стала опускать защелку, чтобы он мог войти, никого не разбудив. Я вернулась в гостиную, по пути размышляя, что сейчас Фрэнк охотно сделал бы вид, что жены у него нет, а мистер Бейнбридж столь же охотно ему подыграл. И все это совершенно справедливо.

Во время нашего вчерашнего визита к адвокату поначалу все шло хорошо. Я вела себя скромно, деликатно, разумно, очень благопристойно, оделась прилично и неброско – словом, воплощала собой идеал супруги профессора и члена совета колледжа. Это длилось ровно до того момента, как подали чай. Вспомнив об этом, я повернула руку ладонью вверх и посмотрела на продолговатый волдырь под основанием сразу четырех пальцев. Но это же не моя вина, что мистер Бейнбридж, будучи вдовцом, пользовался дешевым жестяным чайником вместо фарфорового. И не моя вина, что он любезно попросил меня разлить чай. И тем более не моя вина, что прихватка оказалась дырявой и раскаленная ручка чайника оказалась прямо на моей коже.

Нет, решила я. Бросить чайник – совершенно естественная реакция. Чайник упал на колени мистеру Бейнбриджу, но это просто досадная случайность: куда-то же я должна была его уронить. Однако кульминация этой сцены случилась, когда я что есть мочи заорала: «Чертов, мать его за ногу, чайник!» – этот вопль слился и даже перекрыл крик мистера Бейнбриджа, а Фрэнк кинул на меня уничтожающий взгляд поверх блюда со сконами.

Придя в себя, мистер Бейнбридж повел себя как истинный джентльмен; он хлопотал над моей обожженной рукой и никак не реагировал на Фрэнка, рассыпавшегося в извинениях за мои ругательства, которых я, с его слов, нахваталась за два года службы в военно-полевом госпитале.

– Боюсь, моя жена узнала там некоторое количество, э-э, крепких выражений от янки и подобной публики, – пояснил Фрэнк, нервно улыбаясь.

– Так и есть, – подтвердила я, сжимая зубы от боли и обматывая руку мокрым полотенцем. – Мужчинам свойственно выражаться крепко, когда из них достают осколки шрапнели.

Мистер Бейнбридж тактично попытался перевести разговор в русло истории: он заявил, что его всегда интересовали бранные выражения и их эволюция. Вот хотя бы фраза «какого черта» первоначально подразумевала «какой именно черт вам нужен» и использовалась для того, чтобы различать обитателей преисподней, у которых была своя жесткая иерархия.

– Да-да, конечно, – подхватил Фрэнк. – Клэр, сахара мне не клади, пожалуйста... Или вот, например, местное «Gadzooks». Что думаете? Первая часть, видимо, относится к богу. А вот вторая...

– Знаете, – отозвался адвокат, – мне приходило в голову, что это может быть искаженное гэльское слово «yeuk». Оно означает щекотку или чесотку. Похоже на правду, так ведь?

Фрэнк кивнул, и легкомысленная для профессора прядь упала ему на лоб. Он машинально отвел ее назад.

– Да, вся эволюция обценной лексики крайне любопытна.

– И она все еще продолжается, – вклинилась я, осторожно подхватив щипчиками кусок сахара.

– В самом деле? – отозвался мистер Бейнбридж. – Вы слышали какие-нибудь особенно интересные варианты за время вашей... мм... службы?

– О да, – ответила я. – Особенно мне понравилось одно, я узнала его именно от янки. Некто по фамилии Уильямсон, родом, кажется, из Нью-Йорка. Он использовал это выражение каждый раз, когда я меняла ему бинты.

– Какое же это выражение?

– Иисус твою Рузвельт Христос! – ответила я и опустила кусок сахара в чашку Фрэнка.

После вполне мирного и даже приятного вечера с миссис Бэйрд я поднялась к себе, чтобы подготовиться к возвращению Фрэнка. Я знала его норму – две порции шерри, так что он должен был вернуться уже скоро.

Ветер крепчал, и даже в спальне воздух был будто наполнен электричеством. Я провела щеткой по волосам – и они защелкали и встопорщились, встав вокруг головы. Но я решила, что сегодня ночью мои волосы себе такого позволить не могут. Я вознамерилась во что бы то ни стало зачесать их назад, но они упорно лезли в лицо.

В кувшине ни капли воды; Фрэнк использовал всю, когда умывался, собираясь к мистеру Бейнбриджу, а я не подумала о том, чтобы снова наполнить его в ванной. Я взяла флакон «Голубого часа», щедро плеснула его на ладонь, а потом обеими руками быстро пригладила волосы. Потом я смочила щетку и зачесала ею волосы за уши. Прекрасно. Так куда лучше, решила я, крутя головой перед покрытым пятнами зеркалом. Влага ликвидировала статическое электричество с волос, и теперь они лежали тяжелыми блестящими волнами вокруг лица. Спирт испарился, а тонкий аромат остался. Фрэнку понравится, ему вообще нравится «Голубой час».

За окном ослепительно вспыхнула молния, а следом загредел гром. Свет погас, и я очутилась в кромешной тьме. Ощупью нашла стол. Где-то должны быть спички и свечи; в Шотландии перебои с электричеством – обычное дело, так что свечи – необходимый предмет обихода в любой гостинице. Я видела их даже в самых роскошных отелях – там они благоухали жимолостью, стоя в подсвечниках из матового стекла с блестящими подвесками.

У миссис Бэйрд свечи были самые обыкновенные, но зато их было много и к ним три книжечки с картонными спичками. В моем положении изыски меня не интересовали.

Я вставила свечу в голубой керамический подсвечник на туалетном столике во время следующей вспышки молнии, потом зажгла еще несколько свечей, пока вся комната не наполнилась теплым мерцающим светом. Мне это показалось очень романтичным, и я шелкнула выключателем, чтобы возвращение электричества не испортило атмосферу в самый неподходящий момент.

Свечи не успели уменьшиться даже на полдюйма, когда дверь открылась и в комнату стремительно вошел Фрэнк. Воздушный вихрь, ворвавшийся с лестницы вслед за ним, задул разом три свечи. Дверь от сквозняка захлопнулась с громким стуком, и погасли еще две; Фрэнк замер, вглядываясь в полумрак и запустив руку в растрепанные волосы. Я встала и снова зажгла

свечи, попутно ворча насчет его способов заходить в помещение. Лишь после этого, обернувшись к Фрэнку, чтобы спросить, как он провел время, увидела, что он белее простыни.

– Что случилось? – спросила я. – Ты видел привидение?

– Знаешь, – медленно проговорил он, – может, и так.

С отсутствующим видом он поднял мою щетку для волос и уже собирался воспользоваться ею, но, учуяв запах одеколона, сморщил нос, вернул щетку на место и достал из кармана расческу.

Я выглянула в окно, за которым из стороны в сторону раскачивались вязы, словно огромные руки. Где-то с другой стороны дома о стену ударился отвязавшийся ставень, и мне подумалось, что стоит закрыть и наши, хотя буря за окном была удивительно зрелищной.

– Не слишком ли шумно и ветрено для призраков? – спросила я. – Мне казалось, они предпочитают тихие туманные вечера на кладбищах.

Фрэнк немного нервно рассмеялся.

– Не знаю, может, дело в историях, которые рассказывал Бейнбридж, да и шерри я выпил немного больше, чем стоило. Наверное, воображение разыгралось.

Но я уже ощущала любопытство.

– Что ты видел? – спросила я, присев на стул возле туалетного столика и кивнув на бутылку с виски. Фрэнк тут же подошел и взял два стакана.

– Я видел всего-навсего человека, – заговорил он, налив себе поменьше, а мне раза в два больше виски. – Он стоял на дорожке.

– Возле дома? – засмеялась я. – Это точно призрак, реальному человеку вряд ли придет в голову стоять на улице в такую погоду.

Фрэнк наклонил кувшин над своим стаканом, но вода не полилась, и он с упреком взглянул на меня.

– Нечего на меня смотреть, – сказала я. – Это ты израсходовал всю воду. Я охотно выпью чистого.

Для демонстрации своего намерения я сделала смелый глоток.

Фрэнк хотел спуститься вниз за водой, но передумал и начал рассказывать, потягивая виски с таким видом, словно там был не отменный «Гленфиддих», а что-то вроде купороса.

– Да, он стоял в садике у забора. Я подумал... – Фрэнк запнулся и зачем-то посмотрел в стакан. – Я подумал, что он смотрит на твое окно.

– На мое окно? Как странно!

Я ощутила невольную дрожь и все-таки пошла закрывать ставни.

Фрэнк последовал за мной, не прерывая рассказа:

– Да-да, я и сам видел тебя оттуда. Ты причесывалась и при этом ругалась, потому что волосы наэлектризовались и стояли вокруг головы.

– В таком случае парню должно было быть весело, – заметила я.

Фрэнк покачал головой, улыбнулся и погладил меня по голове.

– Нет, он не смеялся. Напротив, он казался ужасно расстроенным. Я не видел его лица, но поза была говорящая. Я подошел к нему сзади и, поскольку он стоял неподвижно, спросил, могу ли я помочь. Наверное, он меня не слышал, да и неудивительно в такую грозу, поэтому я повторил вопрос и уже было взял его за плечо, чтобы привлечь к себе внимание. Но не успел я этого сделать, как он внезапно повернулся, обошел меня и зашагал вниз по дороге.

– Не слишком вежливо, но как-то... не вовсе не призрачно, – сказала я, допив виски. – А какой он был из себя?

– Здоровенный детина. – Фрэнк нахмурился. – Шотландец, одет в национальную одежду, вплоть до споррана – шотландской сумки, отделанной мехом, – и великолепной броши с изоб-

ражением бегущего оленя, которой был заколот его килт. Я даже хотел спросить, где он ее взял, но он исчез, прежде чем я успел это сделать.

Я подошла к столу и налила себе еще виски.

– Но ведь присутствие шотландца в таком виде в этих местах вполне естественно, разве нет? Я не раз встречала таких мужчин в деревне.

– Н-н-нет, – протянул Фрэнк. – Нет, мне показалась странной не его одежда. Когда он прошел мимо меня... в общем, он прошел очень близко и должен был задеть мой рукав, но этого не произошло. Я был очень удивлен всем этим и поэтому посмотрел ему вслед. Он шел вниз по Джирисайд-роуд, но, не дойдя до угла... испарился. Вот тут-то у меня и встали дыбом волосы.

– Но ты мог отвлечься и не заметить, как он отошел в тень, – предположила я. – На углу улицы много густых деревьев.

– Готов поклясться, что не отрывал от него глаз, – пробормотал Фрэнк и вдруг встрепенулся. – Знаю! Я вспомнил теперь, почему мне все это показалось таким необычным, хотя и не сразу понял, что меня смутило.

– И что же показалось тебе странным?

Меня, признаться, уже утомил разговор о призраке, хотелось перейти к более насущным делам, например к постели.

– Ветер дул жуткий, но его одежда – плед и прочее – шевелились не от ветра, а только от его собственных движений, от походки.

Мы уставились друг на друга.

– Да, – отозвалась я, – это и в самом деле не совсем нормально.

Фрэнк пожал плечами и засмеялся, отгоняя страхи.

– Во всяком случае, мне есть что обсудить с викарием в следующий раз. Может, это хорошо известный местный призрак и викарий расскажет мне его кровавую историю. – Фрэнк посмотрел на часы. – Пора в постель.

– Да уж, – промурлыкала я.

Я видела в зеркале, как он расстегивает рубашку, и потянулась за вешалкой. Но рука Фрэнка замерла на третьей пуговице.

– Скажи мне, Клэр, во время службы у тебя было много раненых шотландцев? – резко спросил он. – В полевом госпитале или в Пембroke?

– Конечно, – ответила я немного удивленно. – В полевом госпитале в Амьене были шотландцы из кланов Сифорт и Кэмерон, а потом еще поступили раненые из клана Гордон. Приятные ребята. Большинство. Очень стойкие, но уколов боялись до смерти.

Я невольно улыбнулась, вспомнив одного из них.

– У нас был один старый ворчун, волынщик из клана Сифорт. Терпеть не мог уколы, особенно в ягодицу. Мог часами терпеть ужасную боль, прежде чем удавалось приблизиться к нему с иглой, но и тогда начинал упрашивать, чтобы кололи в руку, хотя инъекция должна была быть внутримышечной. Он говорил: «Если уж надо лечь ничком, да еще с голой задницей, то надо, чтобы девушка была подо мной, а не позади меня, и уж точно не со шляпной булавкой в руке».

Фрэнк улыбнулся, но был явно смущен, как и всякий раз после моих грубоватых военных историй.

– Не беспокойся, – заверила я, заметив неловкость, – рассказывать об этом в студенческой гостиной я не стану.

Улыбка сделалась более открытой, он подошел к туалетному столику и, остановившись у меня за спиной, поцеловал в макушку.

– Ты тоже не беспокойся, – сказал он. – Студенты отдадут тебе должное, ты завоеешь всеобщую любовь независимо от того, что за истории будешь рассказывать. Как чудесно пахнут твои волосы.

– Тебе нравится?

Руки Фрэнка скользнули по моим плечам и остановились на груди под тонкой ночной рубашкой. Его лицо отражалось в зеркале, подбородок был прижат к моей макушке.

– Мне нравится все, что связано с тобой, – сказал он хриловато. – При свечах ты выглядишь волшебю. Глаза словно вишни в хрустальном бокале и кожа цвета слоновой кости. Ты ведьма свечного света. Надо совсем отменить электрическое освещение, как думаешь?

– Тогда будет трудно читать в постели, – ответила я, сердце билось тяжело и часто.

– Я бы предпочел заниматься в постели совсем другими вещами, – пробормотал он.

– Вот как? – Я встала и обняла его за шею. – И какими?

Потом, когда мы лежали, тесно прижавшись друг к другу при закрытых ставнях, я подняла голову с его плеча и спросила:

– Почему ты спросил об этом? О том, приходилось ли мне ухаживать в госпитале за шотландцами. Ты же знаешь, что приходилось, ведь в госпитале кого только не было.

Он пошевелился и нежно провел рукой по моей спине.

– Н-ну-у, знаешь... Просто, когда я увидел этого шотландца снаружи, мне пришло в голову, что, может быть... – Он смущенно умолк. – Ну, вдруг это твой бывший пациент... узнал откуда-то, что ты здесь, приехал повидать тебя... что-нибудь вроде того.

– В таком случае почему бы ему не постучать и не спросить обо мне?

– Может, он не хотел встречаться со мной, – ответил Фрэнк нарочито небрежным тоном.

Я приподнялась, оперлась на локоть и посмотрела ему в лицо. Мы оставили гореть одну свечу, и я хорошо видела его. Он отвернулся и с необыкновенной увлеченностью принялся разглядывать литографию с портретом Красавчика принца Чарли, которой миссис Бэйрд украсила комнату.

Я ухватила его за подбородок и повернула лицом к себе. Он широко распахнул глаза в притворном изумлении.

– Уж не предполагаешь ли ты, – начала я, – что мужчина, которого ты видел на улице, это... это...

Я не могла найти нужного слова.

– Любовник? – попытался помочь мне Фрэнк.

– Некто, имеющий на меня виды? – сформулировала я.

– Нет-нет, разумеется, нет, – ответил Фрэнк неуверенно.

Он убрал мои руки со своего подбородка и попытался меня поцеловать, но на этот раз была моя очередь увернуться. Он сел рядом со мной.

– Просто... – начал он. – Пойми, Клэр, ведь прошло шесть лет. Мы виделись только три раза, причем в последний раз всего на один день. Ничего сверхъестественного в том, что... Я хочу сказать, военные врачи и медсестры постоянно испытывают стресс и часто находятся в экстремальных ситуациях... Я бы понял, если бы что-то такое...

Я прекратила этот поток бессвязных слов, вскочив с постели.

– Ты считаешь, что я тебе изменяла? – выкрикнула я. – Ты так думаешь? Если да, уйди из комнаты сию минуту! Оставь этот дом! Как ты смеешь предполагать такое?

Я кипела от возмущения. Фрэнк, сидя на кровати, протянул ко мне руки, пытаясь успокоить меня.

– Не прикасайся ко мне! – вопила я. – Отвечай: решил ли ты, будто я заводила романы на стороне со своими пациентами на том основании, что увидел, как какой-то тип пялится на меня в окно?

Фрэнк встал с постели и обхватил меня обеими руками. Я застыла, словно жена Лота, но он гладил меня по голове и по плечам, осторожно и нежно – он знал, что это мне нравится.

– Нет, ничего подобного, – твердо сказал он. Он обнял меня еще крепче, и я постепенно расслабилась, но не настолько, чтобы самой обнять его.

Так мы стояли долго, и наконец он зашептал мне в ухо:

– Я не думаю, что ты способна на такое, я только хотел сказать, что если бы это и случилось... Клэр, для меня это ничего не поменяло бы. Я так тебя люблю! Что бы ты ни сделала, я не перестану любить тебя.

Он обхватил мое лицо ладонями – выше меня всего на четыре дюйма, он легко мог заглянуть мне прямо в глаза – и сказал нежно:

– Ты простишь меня?

Я ощущала на лице его теплое дыхание, в нем чувствовался «Гленфиддих», а его губы, чувственные и манящие, находились в опасной близости.

Новая вспышка молнии возвестила неожиданное возвращение утихшей было грозы, и дождь забарабанил по черепичной крыше.

Я обвила руками Фрэнка.

– «Насильно милосердья не добиться, – процитировала я, – оно должно росой с небес пролиться».

Фрэнк засмеялся и посмотрел на потолок: увеличивающиеся мокрые пятна не сушили нам комфортной ночи.

– Если это выражение твоего милосердия, – сказал Фрэнк, – то я не хотел бы познакомиться с твоим отмщением.

Словно в ответ ударил пушечный раскат грома, и мы оба от души рассмеялись.

Только позже, гораздо позже, слушая ровное дыхание Фрэнка, я задумалась о нашем разговоре. Я сказала ему правду: меня нельзя было упрекнуть в неверности. Меня – нет. Но ведь шесть лет, как он сказал, очень долгий срок.

Глава 2

Каменные столбы

Мистер Крук позвонил в дверь, как и было оговорено, ровно в семь утра.

– Ну что, соберем росу с лютиков, юная леди? – произнес он и подмигнул с некоей стариковской галантностью.

Приехал он на мотоцикле, чем-то похожем на него самого; на этом аппарате мы должны были доехать до нужного места за деревней. Сетки для гербария были аккуратно закреплены по обеим сторонам драндулета, будто амортизаторы на буксирном судне. Мы неторопливо двинулись в путь по тихой сельской местности, которая казалась еще более тихой на контрасте с шумом от нашего транспортного средства; грохотание прекратилось – и тишина обступила нас. Мистер Крук действительно много знал о местных растениях. И не только о том, где их искать, но и об их применении, о том, как готовить из них лекарства. Я пожалела, что не купила записную книжку, в которую можно было бы все записать, и внимательно слушала объяснения старика, стараясь все запомнить, пока укладывала образцы в массивные гербарные сетки.

Мы присели перекусить у подножия странного холма с плоской вершиной. Зеленый, как и все окрестные холмы, с такими же выступами и валунами, он все же отличался: вверх по склону вилась тропка, которая исчезала за выступающей гранитной породой.

– Что там наверху? – спросила я, показав на вершину холма рукой, в которой был зажат сэндвич с ветчиной.

– А! – Мистер Крук поднял голову и посмотрел на холм. – Это Крэг-на-Дун, девушка. Я собирался показать вам его после нашего ланча.

– Правда? Это что-то интересное?

– Да, – коротко ответил он и замолчал: мол, сами увидите.

У меня были некоторые сомнения по поводу того, сможет ли он подняться так круто в гору, однако они рассеялись, когда я обнаружила, что с трудом поспеваю за ним. Мистер Крук, поднявшись сам, протянул мне свою мозолистую руку и втащил меня наверх.

– Ну вот, поглядите, – сказал он, обводя пейзаж рукой жестом собственника.

– Ой, да ведь это хендж³! – восторженно вскрикнула я. – Хендж в миниатюре.

В Солсбери я не была уже много лет – из-за войны, но мы с Фрэнком посещали Стоунхендж почти сразу после свадьбы. Как и другие туристы, мы бродили между огромными каменными монолитами с благоговением, таращились на древний алтарь (где жрецы-друиды приносили кровавые человеческие жертвы, как объяснил, глотая слогги в стиле настоящего кокни, гид, приехавший с автобусом итальянцев, которые добросовестно снимали самый обычный на вид каменный блок).

Из той же самой педантичности, которая заставляла Фрэнка располагать галстуки на вешалке таким образом, чтобы их концы совпадали, мы обошли все сооружение по окружности, измерили расстояние между отверстиями «зет» и «игрек» и сосчитали проемы во внутреннем круге кромлеха, самом удаленном от центра кольце мегалитов.

Три часа спустя мы уже знали, сколько там отверстий «зет» и «игрек» (пятьдесят девять, если вас это волнует, меня – нет), но имели не больше представления о назначении этой странной композиции, чем десятки любителей и археологов-профессионалов, ползавших вокруг него целых пять столетий.

³ Хендж (от *ст.* – *англ.* heng – «висячий» в составе *англ.* Stonehenge – «висячий камень») – тип доисторического земляного сооружения. По форме представляет собой почти круглую или овальную площадку, окруженную земляным валом. Внутренние компоненты могут включать порталы сооружения, деревянные круги, группы камней или монолиты, колодцы, захоронения, центральные курганы и др.

Недостатка в гипотезах нет, что и говорить. Жизнь среди ученых продемонстрировала мне, что подчас хорошо скроенная гипотеза куда лучше, чем плохо сформулированный факт.

Замок. Курган. Обсерватория. Место казни (плахой служил так называемый «Кровавый камень», наполовину ушедший в землю). Рынок на открытом воздухе. Мне больше всего нравилась эта версия: так и вижу перед собой древних домохозяек, которые крутятся между проходками с корзинками в руках, критикуя качество новой партии чашек и мисок из красной глазурованной глины и недоверчиво слушая крики зазывал, нахваливающих свой товар, – пекарей, торговцев олениной и янтарными бусами.

Единственным убедительным опровержением этой гипотезы мне кажется наличие захоронений под алтарным камнем и кремированных останков в отверстиях «зет». Хоронить покойников на рынке как-то негигиенично, за исключением, может, того случая, если это останки торговцев, уличенных в надувательстве.

В миниатюрном хендже на холме следов захоронений не видно. Собственно говоря, «миниатюрны» местные мегалиты лишь по сравнению со Стоунхенджем, но вообще-то они довольно массивны и в высоту составляют почти два моих роста.

Я слышала от гида в Стоунхендже, что такие сооружения – их называют кромлехами – распространены по всей Британии и в Европе вообще. Одни сохранились лучше, другие хуже, они немного отличаются ориентацией и расположением элементов, но функция их неизвестна. Как и происхождение.

Пока я бродила между камней, мистер Крук стоял, наблюдая за мной, и загадочно улыбался; время от времени я останавливалась, чтобы прикоснуться к мегалиту – осторожно, будто мое прикосновение могло оставить какой-то след на этих древних столбах.

На некоторых камнях были какие-то тусклые темноватые полосы и пятна. В других мерцали слюдяные вкрапления, весело отражавшие лучи утреннего солнца. И все они резко отличались от местного камня, от местных пород, которые торчали повсюду в траве. Кто бы ни создал эти круги из каменных столбов и с какой бы целью это ни сделал, строители считали дело достаточно важным, чтобы добыть, обработать и перевезти каменные блоки в нужное место и правильным образом составить. Обработать – как? Перевезти – каким образом и на какое невообразимое расстояние?

– Мой муж с ума сойдет от восторга, – сказала я мистеру Круку, остановившись поблагодарить его за то, что он показал мне это место и рассказал о растениях. – Я привезу его сюда.

Перед спуском мой проводник любезно предложил мне помочь и протянул руку. Я приняла ее: глянув вниз, я подумала, что, несмотря на почтенный возраст, этот бывалый травник в форме получше моей.

Уже за полдень я шла по дороге к деревне – надо было забрать Фрэнка из дома викария. Я с наслаждением вдыхала воздух горной Шотландии, запахи вереска, шалфея и раkitника, сдобренные печным дымком и приправленные пряным духом жареной сельди возле разбросанных в художественном беспорядке коттеджей. Деревня раскинулась на небольшом пологом склоне у подножия одного из утесов, какие то и дело вздымаются из шотландских торфяников. О послевоенном подъеме кричала свежая краска на домах, и даже обиталище священника принарядилось: старые, побитые жизнью рамы были обведены светлой желтой полосой.

Дом был выстроен по меньшей мере столетие назад. Дверь мне открыла экономка викария, высокая и очень прямая женщина с тремя нитками искусственного жемчуга на шее. Узнав, кто я, она приветливо поздоровалась и повела меня через узкую и темную прихожую, стены которой были увешаны гравюрами с портретами неизвестных мне людей: это могли быть исторические личности, близкие родственники викария, а может, вообще члены королевской семьи, – в сумраке лица невозможно было рассмотреть.

В отличие от прихожей кабинет был буквально залит светом благодаря огромным панорамным окнам в одной из стен. Мольберт возле камина, на котором стоял неоконченный этюд

маслом, изображающий черные скалы на фоне вечернего неба, объяснял происхождение этих окон, сделанных явно намного позже закладки дома.

Фрэнк и низенький, пухлый викарий в высоком клерикальном воротнике самозабвенно изучали кипу каких-то древних бумаг на столе возле дальней стены. Фрэнк едва кивнул, заметив меня, но священник оторвался от дела и поспешил пожать мне руку, сияя радушием.

– Миссис Рэндолл! – воскликнул он, потрясая мою руку с самым сердечным выражением. – Как приятно снова увидеть вас. Вы как раз вовремя, у нас есть новости.

– Новости?

Я искоса глянула на стол с бумагами. Судя по цвету и чистоте, а также по виду букв, новости относились примерно к 1750 году. Речь не о свежих газетах.

– Именно так! Мы наткнулись на имя предка вашего мужа.

– Джек Рэндолл, так вот, мы его обнаружили в армейских списках. – Викарий склонился ко мне и заговорил одним углом рта, словно какой-то гангстер из американского фильма. – Я, представьте себе, одолжил оригиналы в архиве местного исторического общества. Прошу вас, никому ни слова об этом.

Я с готовностью пообещала ему не выдавать эту страшную тайну и поискала глазами стул поудобнее, чтобы в комфорте узнать сенсационные сведения двухсотлетней давности. Глубокое кресло у окна показалось мне подходящим, но когда я захотела пододвинуть его к столу, обнаружилось, что оно уже занято. В нем крепко спал маленький мальчик с копной блестящих черных волос.

– Роджер!

Викарий подошел помочь мне и удивился не меньше моего. Мальчик, проснувшись, вскочил и широко распахнул темно-карие глаза.

– Как ты здесь оказался, разбойник ты этакий! – с притворным возмущением воскликнул священник. – Ах вот оно что! Заснул за своими комиксами!

Он сгреб пестрые страницы и вручил их ребенку.

– Ступай сейчас же к себе, у меня дела с мистером и миссис Рэндолл. Постой, я забыл тебя представить. Миссис Рэндолл, это мой сын Роджер.

Я, признаться, была заинтригована. Достопочтенный пастор Уэйкфилд являл для меня истинный образчик закоренелого холостяка. Но я тепло пожала вежливо протянутую ручонку и удержалась от невольного желания вытереть свою о платье – ладошка мальчика была влажной от пота.

Достопочтенный Уэйкфилд проводил Роджера нежным взглядом.

– На самом деле это сын моей племянницы, – сказал он, когда ребенок закрыл дверь. – Отец убит на Ла-Манше, мать погибла во время бомбардировки. Я взял ребенка к себе.

– Это очень великодушно, – пробормотала я, тотчас вспомнив дядю Лэмба.

Дядя тоже погиб во время воздушного налета. Бомба залетела в аудиторию Британского музея как раз во время его лекции. Зная его, полагаю, что он был бы счастлив осознать перед смертью: крыло, где хранились персидские древности, уцелело.

– Вот уж нет, нисколько! – замахал руками викарий. – Я только рад, что в доме поселилось юное создание. Но садитесь, прошу вас!

Фрэнк заговорил прежде, чем я поставила на пол свою сумку.

– Это просто необыкновенная удача, Клэр, – с восторгом заявил он, указательным пальцем пролистывая стопку листов с загнутыми уголками. – Викарий обнаружил целый ряд военных донесений, в которых упоминается имя Джека Рэндолла.

– Значительное их число принадлежит самому капитану Рэндоллу, – заметил викарий, забирая у Фрэнка несколько страниц. – Примерно четыре года он служил в гарнизоне Форт-Уильяма и, кажется, достаточно много времени проводил по ту сторону границы, досаждая шотландцам под эгидой британской короны. Вот это вот, – он бережно вытащил десяток лист-

ков и положил на стол, – жалобы на капитана со стороны шотландских семей и отдельных землевладельцев, все они обвиняют его в самых разнообразных преступлениях, начиная от непристойного поведения солдат с прислугой женского пола и кончая кражей лошадей, о более мелких происшествиях уж и говорить не приходится.

Меня все это позабавило.

– Значит, среди твоих предков затесался конокрад? – обратилась я к Фрэнку.

Он только плечами пожал, ничуть не потревоженный.

– Он был таким, каким был, с этим ничего не поделаешь. Мне всего лишь хочется узнать побольше. Подобные жалобы – дело самое обычное, особенно с поправкой на исторический период: англичанам, а особенно военным, были, мягко говоря, не особенно рады в тогдашней горной Шотландии. Удивительно другое: все жалобы на Рэндолла не имели последствий, даже самые серьезные.

Викарий, не в состоянии долее сдерживаться, вмешался:

– Совершенно верно! Офицеров той поры никак нельзя мерить по современным меркам, они могли позволить себе многое. Но здесь все в самом деле странно: жалобы не только не расследовали с вынесением последующих решений, о них просто больше нет упоминаний. Знаете, что я думаю, Рэндолл? У вашего предка был могущественный покровитель. Человек, который мог защитить его от гнева вышестоящих чинов.

Фрэнк, скосив глаза на бумаги, задумчиво почесал затылок.

– Вы, вероятно, правы. И это должен быть очень влиятельный человек. Может, какая-нибудь армейская шишка или представитель высшей знати.

– А возможно...

Викарий был вынужден прерваться, так как в комнату вошла экономка, миссис Грэхем.

– Предлагаю вам подкрепиться, джентльмены, – сказала она и уверенным движением водрузила на письменный стол чайный поднос.

Преподобный Уэйкфилд с молниеносной быстротой подхватил со стола свои бесценные документы. Миссис Грэхем посмотрела на меня острым, оценивающим взглядом подвижных, блестящих, словно глазурь на фарфоре, слегка прищуренных глаз.

– Я принесла только две чашки, потому что подумала, может, миссис Рэндолл захочет присоединиться ко мне в кухне. У меня там немного...

Я не дала ей закончить и поспешно поднялась с кресла, готовая принять ее предложение. Мы еще не успели закрыть дверь в кухню, а дебаты уже возобновились.

Чай был горячий и ароматный, в нем кружились чайные листочки.

– Ммм, – произнесла я, опуская на стол чашку, – я так давно не пробовала улун.

Миссис Грэхем кивнула с широкой улыбкой, радуясь тому, что я оценила ее усилия. Под каждую тонкую фарфоровую чашку была подложена салфеточка из кружева ручной работы, к чаю она подала сконы и сливочный крем.

– Во время войны купить такой чай было невозможно, – сказала миссис Грэхем. – А ведь это самый лучший чай. Ужасно было пить один только «Эрл Грей» столько времени! Листочки так быстро оседают на дно чайника, что на них не погадаешь.

– Вы умеете гадать по чайнкам? – спросила я, смеясь. Миссис Грэхем с ее коротким, стального цвета, идеально уложенным перманентом и тремя нитками искусственного жемчуга на шее меньше всего походила на гадалку. Когда она делала глоток чая, видно было, как он опускается вниз по тонкой стройной шее и скрывается под перламутровыми бусами.

– Конечно же, умею, дорогая моя. Меня научила моя бабушка, а ее научила ее бабушка. Допивайте ваш чай, и я посмотрю, что там у вас.

Она очень долго молча разглядывала мою чашку, то подставляя ее поближе к свету, то поворачивая медленно-медленно длинными пальцами и отыскивая нужный угол. Потом миссис Грэхем поставила чашку на стол так осторожно, словно боялась, что она рассыплется у

нее в руке. Носогубные складки обозначились резче, брови сдвинулись в одну линию – она выглядела ошарашенной.

– Ну, – произнесла она наконец, – картина на редкость странная.

– Вот как? – Я все еще веселилась, но вместе с тем мне стало любопытно. – Неужели мне встретится таинственный брюнет или, чего доброго, предстоит переплыть океан?

– Возможно. – Миссис Грэхем приняла мой иронический тон и говорила с легкой усмешкой. – А возможно, что и нет. Именно это и кажется мне странным, дорогая. Все в противоречиях. Вот этот свернутый листик сулит путешествие, но на нем лежит разорванный, который это перечеркивает. Незнакомцев будет даже несколько, причем один из них – ваш муж, если я правильно поняла положение листков.

Мое шутовское настроение совсем улетучилось. Шесть лет мы с мужем провели в разлуке и только полгода вместе – он, разумеется, во многом продолжал оставаться для меня незнакомцем... Но каким образом это стало известно чайному листочку?

Брови миссис Грэхем были все еще сдвинуты.

– Разрешите мне взглянуть на вашу руку, милая, – попросила она.

Рука, в которую она взяла мою, оказалась худой, но удивительно теплой. От склонившейся над моей ладонью аккуратно уложенной головы шел запах лаванды. Она разглядывала мою ладонь долго, время от времени проводя пальцем по какой-нибудь линии, словно изучала карту, на которой дороги упирались в болота или терялись в пустыне.

– Ну что там? – не вытерпела я. – Неужели судьба моя столь ужасна, что о ней не стоит и говорить?

Миссис Грэхем подняла глаза, полные лукавой насмешки, взглядела в мое лицо, но не отпустила руку. Покачала головой, поджав губы.

– Нет, моя дорогая, судьба ваша не написана у вас на ладони. Только ее семена. – Она по-птичьи склонила голову набок, о чем-то раздумывая. – Линии на вашей руке меняются. В иное время они могут стать совершенно другими, не такими, как сейчас.

– Я об этом не знала. Я считала, что с ними рождаешься, и все. – Я с трудом подавила желание отобрать свою руку у миссис Грэхем. – В чем же тогда суть такого гадания?

Я не хотела быть грубой, просто изучение моей руки показалось мне неуместным, особенно после гадания на чайных листьях. Миссис Грэхем неожиданно улыбнулась и свела мои пальцы над ладонью.

– Видите ли, дорогая, линии на руке показывают, что вы за человек. Потому они и меняются – или должны меняться. У некоторых людей изменений не происходит, и они по-своему несчастны. Но их не так много. – Она сжала мой кулачок и похлопала по нему второй рукой. – Сомневаюсь, что вы относитесь к их числу. На вашей ладони много изменений, несмотря на ваш возраст. Но тут война сыграла свою роль.

Последние слова она произнесла как бы про себя.

Мне снова стало интересно, и я сама раскрыла ладонь.

– И что же я из себя представляю, если судить по руке?

Миссис Грэхем сделалась серьезной, но не взяла мою руку.

– Не могу вам этого объяснить с точностью. Как ни странно, руки похожи одна на другую. Я вовсе не намерена утверждать, что, увидев и изучив одну, вы обретете знание. Но существуют, как бы вам сказать, определенные типы. – Миссис Грэхем опять улыбнулась на удивление обаятельной улыбкой, открыв два ряда безупречно белых искусственных зубов.

– Ведь как работают гадалки? Я сама этим занимаюсь по престольным праздникам, то есть занималась до войны. Вероятно, теперь начну опять. Девица входит в шатер, а там сажу я в тюрбане с павлиньим пером, позаимствованным у мистера Доналдсона, и в изысканных восточных одеждах, иными словами, в желтом, как солнце, халате викария, сплошь разрисованном павлинами. Прикидываясь, что смотрю на ладонь, я на самом деле разглядываю девицу

и вижу – разрез у нее на блузке чуть не до пупа, она благоухает дешевыми духами, а серьги свисают до самых плеч. Мне уже не нужно заглядывать в хрустальный шар, чтобы сообщить ей, что у нее будет ребенок к этому самому дню на следующий год. – В глазах у миссис Грэхем зажегся озорной огонек. – Хотя, если кольца на ладони нет, уместно будет сначала пообещать замужество.

Я засмеялась, засмеялась и миссис Грэхем.

– Значит, вы вообще не смотрите на ладони? – спросила я. – Разве только проверить, нет ли обручального кольца?

Она удивилась.

– Да нет, смотрю, конечно. Просто, как правило, заранее знаешь, что ты там найдешь. В общих чертах.

Она бросила взгляд на мою открытую ладонь.

– Но такой вязи я прежде не встречала. Зато у вас крупный большой палец. – Она слегка дотронулась до него, склонившись вперед. – Он сильно не поменяется. Это значит, что вы женщина упрямая, с собственным мнением – вас нелегко переубедить. Думаю, ваш муж говорил вам об этом. И еще кое о чем.

Она показала на бугорок у основания большого пальца.

– Что же это?

– Это так называемый бугорок Венеры. – Она чопорно поджала тонкие губы, но их уголки ползли вверх. – На руке мужчины подобный бугорок означал бы, что мужчина этот чрезвычайно любвеобилен. С женщинами дело обстоит немного иначе. Как бы выразиться по деликатнее... сделать вам маленькое предсказание, что мужу вашему не нравится далеко уходить от супружеской постели.

Совершенно неожиданно для меня она издала скабресный смешок, и я покраснела.

Пожилая экономка снова склонилась над моей ладонью, внимательно рассматривая ее и проводя пальцем по тем линиям, о которых она говорила.

– Линия жизни четкая. Здоровье у вас отменное и останется таким. На линии жизни заметен разрыв, это значит, что она резко изменилась. Впрочем, это произошло со всеми нами, не так ли? Однако на вашей линии жизни гораздо больше отрезков, чем я привыкла видеть, она как бы вся составлена из кусочков, фрагментов. А линия брака, – она покачала головой, – раздваивается. В этом тоже нет ничего странного – два замужества.

Моей первой реакцией на последний комментарий было возмущение, но я его тут же подавила. Тем не менее миссис Грэхем уловила мое недовольство и подняла глаза на меня. Я вдруг подумала, что она и в самом деле весьма проницательна. Успокаивая меня, она снова покачала седой головой.

– Нет-нет, милочка, с вашим прекрасным мужем ничего худого не случится. Дело совсем не в том.

Она слегка пожала мою руку.

– Вам не грозит зачахнуть от одиночества и провести остаток жизни в трауре. Это всего лишь означает, что вы из тех, кто способен полюбить снова, если первая любовь уйдет.

Она еще раз пригляделась к моей ладони и провела коротким ребристым ногтем по линии брака.

– Большинство двойных линий обрывается, но на вашей вилка. – У нее на губах заиграла лукавая улыбка. – Надеюсь, вы не двумужница?

Я рассмеялась:

– Куда там! Времени не хватило бы.

Я повернула руку таким образом, чтобы миссис Грэхем было видно ребро ладони.

– Я слышала, будто маленькие черточки вот здесь показывают количество детей. Это правда? – спросила я как можно небрежнее – край моей ладони был удручающе гладок.

Миссис Грэхем отмахнулась от этого предположения.

– Ерунда! Линии здесь появляются уже после того, как вы родите парочку ребятишек. Предварительных указаний не бывает. Скорее на носу их обнаружите, чем на руке.

– Правда?

Я глупо обрадовалась и собралась было спросить, не означают ли глубокие линии у меня на запястье склонности к самоубийству, когда нас прервали.

Преподобный Уэйкфилд вошел в кухню с пустыми чашками, поставил их на поднос и принялся шумно рыться в буфете, явно рассчитывая на помощь.

Миссис Грэхем вскочила на ноги, готовая защитить свое святилище – кухню. Ловко отодвинув преподобного в сторону, она принялась нагружать поднос всем необходимым для продолжения чаепития в кабинете. Меня она тоже оттеснила с дороги.

– Миссис Рэндолл, почему бы вам не вернуться в кабинет и не выпить еще чашечку чая вместе со мной и вашим мужем? Мы с ним сделали несколько поистине интересных открытий.

Было очевидно, что, несмотря на внешнее хладнокровие, он на самом деле ликует при мысли о своем открытии не меньше, чем мальчуган, припрятавший в кармане жабу. Разумеется, я обязана была пойти и изучить счета капитана Джонатана Рэндолла от его прачки или сапожника, а также другие архиважные документы.

Фрэнк настолько погрузился в изучение замызганных бумажек, что едва заметил мое появление в кабинете. Он весьма неохотно передал бумаги в пухлые ручки викария, встал у него за спиной и устался через его плечо в текст, словно не мог оторваться от него ни на минуту.

– Да? – заговорила я самым любезным тоном, коснувшись листков. – Да-а, очень, очень любопытно.

На самом деле мне бы ни за что не удалось расшифровать эти выцветшие записи, сделанные неразборчивым почерком. На одном из документов, сохранившемся лучше других, сверху был изображен какой-то герб.

– Герцог... кажется, герцог Сандрингем, верно? – спросила я, глядя на изображение лежащего леопарда с надписью под ним, более четкой и разборчивой, чем остальной текст.

– Вот именно, – ликуя, подтвердил викарий. – Вымерший титул, как вам известно.

Я этого не знала, но кивнула с видом знатока, демонстрируя свою сопричастность к моменту невероятного открытия. В таких случаях редко требуется нечто большее, нежели время от времени произносить: «В самом деле?» или: «Но это же просто потрясающе!» – и кивать.

Они некоторое время спорили, кому достанется возможность посвятить меня в суть дела, и возможность эта, вернее, как выразился преподобный, высокая честь досталась викарию. Как выяснилось, весь шум поднялся по следующему поводу: пресловутый Черный Джек Рэндолл был не просто выдающимся офицером английской королевской армии, но доверенным – и тайным – агентом герцога Сандрингема.

– Скорее всего, агент-provokator, не так ли, доктор Рэндолл?

Викарий изящно перебросил мяч Фрэнку, который его немедленно подхватил.

– Да, пожалуй... Язык, конечно, весьма непрозрачный...

– В самом деле? – вставила я.

– Во всяком случае, можно не сомневаться, что Джонатану Рэндоллу была поручена миссия определенного характера: обнаружить якобитские симпатии среди наиболее известных фамилий в этом регионе Шотландии. Действовать так, чтобы тайные планы и склонности лэрд-ов и вождей кланов делались очевидными. Но тут есть одна странность. Разве самого Сандрингема не подозревали в связях с якобитами?

Фрэнк повернулся к викарию, всем своим видом выражая недоумение. Лицо священника отразило это недоумение, будто зеркало, гладкий лысый лоб пошел волнами морщин.

– О да, полагаю, вы правы. Подождите-ка, давайте заглянем в Камерона. – Он кинулся к книжной полке, уставленной кожаными корешками. – Он, без сомнений, упоминает о Сандрингеме.

– Это просто невероятно, – пробормотала я, когда мое внимание привлекла огромная, занимавшая чуть ли не всю стену пробковая доска. На ней располагались самые разные вещи, главным образом бумаги: счета за газ, заметки, сделанные рукой викария, газетные вырезки, послания епархиального совета, вырванные из книг страницы. Но были там и некоторые мелкие предметы, например ключи, крышки от бутылок и, кажется, даже какие-то автомобильные запчасти, закрепленные при помощи гвоздей и клейкой ленты.

Я лениво разглядывала это странное собрание, вполуха слушая дискуссию за спиной. (Герцог Сандрингем был-таки якобитом, решили они.) Но тут я заметила генеалогическое древо, прикрепленное четырьмя кнопками за уголки. Верхняя часть включала имена, относящиеся к началу семнадцатого столетия, но меня больше заинтересовало имя, написанное в самом низу: Роджер У. (Маккензи) Уэйкфилд.

– Извините меня, – вмешалась я в финальную часть диспута о том, что держит в лапе леопард на гербе герцога – лилию или крокус. – Это древо вашего сына?

– А? О да, да, конечно!

Викарий, снова просияв, поспешил подойти ко мне. Он осторожно снял документ со стены и положил его на стол прямо передо мной.

– Я не хочу, чтобы он забывал историю своей семьи, – объяснил он. – Генеалогия старинная, восходит к шестнадцатому веку.

Пухлым указательным пальцем он провел линию снизу вверх почти с благоговением.

– Я дал мальчику свое имя, это удобнее, поскольку он живет здесь, но не хотел, чтобы он забыл свое происхождение. Боюсь, что моей собственной семье в этом отношении нечем похвастаться.

На лице викария появилось виноватое выражение.

– Все больше викарии да помощники приходского священника, затесался для разнообразия один книготорговец, вот и все. Проследить историю семьи удалось примерно до тысяча семьсот шестьдесят второго года. Скучная информация, мало документов. – Он покачал головой, явно сокрушаясь о генеалогической беспечности своих предков.

Мы очень поздно ушли от викария; он пообещал, что завтра первым делом отправит письма в город, чтобы с документов сняли копии. Большую часть пути до дома миссис Бэйрд Фрэнк что-то упоенно рассказывал о шпионах и якобитах, но в конце концов обратил внимание на то, что я почти ничего не говорю.

– Что с тобой, любимая? – спросил он, нежно взяв меня за руку. – Тебе нездоровится?

В голосе его звучало беспокойство пополам с надеждой.

– Нет, я чувствую себя хорошо. Я просто подумала... – Я запнулась, вспомнив, что мы уже обсуждали эту проблему. – Я думала о Роджере.

– О Роджере?

Я нетерпеливо вздохнула.

– Господи, Фрэнк! Ну как можно быть таким забывчивым? О Роджере, сыне преподобного Уэйкфилда.

– Ах да, конечно, – отозвался Фрэнк рассеянно. – Милый ребенок. Ну и что с ним такое?

– Да ничего... просто сейчас очень много таких детей. Я имею в виду – сирот.

Теперь взгляд у Фрэнка был уже не отсутствующий, в лице проявилась резкость. Он покачал головой.

– Нет, Клэр. Ты знаешь, я хочу ребенка, но я тебе говорил, как отношусь к усыновлению. Это... ну, в общем, я не смогу считать своим ребенка, которого... зачал не я. Это, наверное,

смешно и даже эгоистично с моей стороны, но ничего не поделаешь. Может, со временем я изменю свою точку зрения, но сейчас...

Некоторое время мы шли рядом несколько отчужденно. Потом Фрэнк вдруг повернулся ко мне и взял меня за руки.

– Клэр, – заговорил он негромко и хрипловато, – я хочу нашего ребенка. Важнее тебя для меня нет ничего в мире. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, и в то же время хочу сохранить тебя для себя. Чужой ребенок, с которым у нас нет ничего общего, будет казаться мне пришельцем из иного мира, захватчиком, это для меня непереносимо. Зачать нашего ребенка, видеть, как он растет в тебе, как он придет в этот мир... это для меня значит даже больше, чем видеть в нем твое подобие... и мое тоже. Подлинная частица семьи.

Глаза у него сделались большие и умоляющие.

– Да, ты прав. Я поняла.

Мне хотелось оставить эту тему, по крайней мере сейчас. Я пошла дальше по дороге, но Фрэнк догнал меня и обнял:

– Клэр, я люблю тебя.

Он произнес это с такой искренностью, что я невольно опустила голову ему на грудь, ощутив тепло его тела и силу обхвативших меня рук.

– Я тоже люблю тебя.

Мы немного постояли так на ветру, который задувал вдоль дороги. Внезапно Фрэнк откинулся назад и с улыбкой посмотрел на меня.

– И потом, – шепотом проговорил он, ласково убирая волосы с моего лица, – мы могли бы над этим поработать, так ведь?

– Разумеется, – улыбнулась и я.

Он взял меня под руку и близко притянул к себе.

– Сделаем еще попытку?

– Конечно. Почему нет?

Мы двинулись вместе по Джирисайд-роуд. И когда я увидела Бара Мор, пиктский камень на углу улицы, я вспомнила о других древних камнях.

– Я совсем забыла! – воскликнула я. – Мне нужно показать тебе нечто экстраординарное. Фрэнк посмотрел на меня, сжав мою руку, и притянул ближе.

– Я тоже, – сказал он, улыбаясь. – Ты свое чудо покажешь мне завтра.

Но на следующее утро нам пришлось заниматься другими вещами. Я забыла, что мы запланировали поездку в Грейт-Глен, на озеро Лох-Несс.

Дорога неблизкая, и мы выехали рано, до рассвета. Утро выдалось холодное, и после пробежки к ожидающей нас машине было так уютно укрыться пледом и почувствовать, как согреваются руки и ноги. Вместе с теплом пришла восхитительная дремота; я блаженно уснула, положив голову Фрэнку на плечо, последнее, что я видела до того, как мои веки сомкнулись, был темный силуэт головы водителя на фоне краснеющей зари.

Мы добрались до места в начале десятого, нанятый Фрэнком гид ждал нас на берегу возле небольшого ялика.

– Если вы не возражаете, сэр, я предложил бы небольшое путешествие по озеру до замка Уркхарт. Там мы перекусим, а потом двинемся дальше.

Гид, очень серьезный низенький человек в потрепанной холщовой рубаше и саржевых брюках, аккуратно уложил корзинку с припасами под сиденье ялика и протянул мне крепкую загрубевшую ладонь, чтобы помочь сесть в лодку. Это был восхитительный день. Распускающаяся по обрывистым берегам весенняя зелень отражалась в покрытой мелкой рябью глади озера. Наш гид оказался знающим и красноречивым; по пути он рассказывал нам об островах, а также о замках и развалинах по берегам длинного узкого озера.

– Вон он, замок Уркхарт, – указал гид на гладкую каменную стену, едва заметную за деревьями. – Вернее, то, что от него осталось. Он был проклят ведьмами Глена и пережил множество несчастий.

Он рассказал нам историю Мэри Грант, дочери лэрда, владельца замка, и ее возлюбленного, поэта Доналда Донна, сына Макдоналда из Боунтина. Отец девушки запретил ей видеться с Доналдом, потому что последний угонял любую скотину, какая ему попадалась (гид заверил нас, что это была старинная и весьма почтенная профессия в горах Шотландии), но они продолжали встречаться тайком. Отцу это не понравилось; Доналда заманили на подставное свидание и схватили. Приговоренный к смерти, он умолял, чтобы его обезглавили как джентльмена, а не вешали как преступника. Ему пошли навстречу, и молодой человек положил голову на плаху, повторяя: «Дьявол заберет лэрда Гранта, а Доналд Донн не будет повешен». Легенда утверждает, что когда отрубленная голова скатилась с плахи, она заговорила и произнесла: «Мэри, подними мою голову».

Я вздрогнула, и Фрэнк обнял меня за плечи.

– Сохранился отрывок его стихотворения, – сказал он тихонько. – Вот послушай:

Завтра буду я на холме, обезглавленный.
Пожалеете ли вы невесту мою, убитую горем,
Мою златокудрую Мэри с глазами бездонными?

Я легонько сжала его руку.

Истории шли одна за другой – о предательствах, убийствах и преступлениях, и теперь мне казалось, что озеро заслужило свою мрачную репутацию.

– Что вы скажете о чудовище? – спросила я, вглядываясь в темные глубины. – Вполне подходящее местечко для какого-нибудь монстра.

Наш гид пожал плечами и сплюнул в воду.

– Озеро, конечно, таинственное, – ответил он. – О чудовище рассказывают разное. Ему будто бы приносили человеческие жертвы, даже маленьких детей якобы сбрасывали в воду в плетеных корзинках. – Он снова плюнул в воду. – Говорят, озеро это бездонное – в самом центре у него глубочайшая в Шотландии дыра. С другой стороны, – сощурил он глаза, – рассказывают, что несколько лет назад одна супружеская пара из Ланкашира ворвалась в полицейский участок в Инвермористоне с воплями о том, что они только что видели, как из озера вылезло чудовище и скрылось в папоротниках. Чудовище просто ужасное, покрытое рыжей шерстью, с огромными рогами, оно что-то жевало, и из пасти у него капала кровь.

Гид поднял руку, предупреждая мой испуганный вскрик.

– Послали констебля посмотреть, что там такое, он вернулся и подтвердил, что, за исключением крови, эти люди очень точно описали... – гид немного помедлил ради пушного эффекта, – шотландскую корову, которая жевала в зарослях папоротника свою жвачку.

Мы проплыли вдоль берега почти половину озера и наконец причалили для позднего ланча. На берегу нас уже ждала машина, и мы двинулись назад через Глен, не встретив по пути ничего страшнее рыжей лисицы с мелкой добычей в зубах. Она очень удивилась, когда мы выскочили из-за поворота, и, отпрыгнув на обочину, быстро скрылась, легкая, как тень.

Было уже очень поздно, когда мы вернулись, да еще задержались на крыльце, со смехом вспоминая события дня, пока Фрэнк искал ключ.

Раздеваясь, чтобы лечь в постель, я вспомнила о хендже Крэг-на-Дун и рассказала о нем Фрэнку. Его усталость как рукой сняло.

– Серьезно? И ты знаешь, где он находится? Это невероятно, Клэр!

Он принялся рыться в своем чемодане.

– Что ты там ищешь?

– Будильник.

– Зачем? – удивилась я.

– Хочу встать вовремя, чтобы увидеть их.

– Кого?

– Ведьм.

– Ведьм? Кто тебе сказал, что тут есть ведьмы?

– Викарий, – ответил Фрэнк, явно радуясь этому неожиданному сочетанию. – Его экономка – одна из них.

Я подумала о почтенной миссис Грэхем и расхохоталась.

– Не говори ерунды!

– Ну, не самые настоящие ведьмы, конечно. А вообще в Шотландии было полно ведьм, их сжигали на кострах вплоть до начала восемнадцатого века, но на самом деле то были женщины-друиды, так, наверное, правильнее их называть. Я не думаю, что теперь это выглядит как шабаш с чертями. Викарий утверждает, что это просто компания местных женщин, которые исполняют разные древние обряды. Он, разумеется, открыто этим не интересуется – из-за своего сана, но, как человек любознательный, не может это явление игнорировать. Он не знал, где совершаются церемонии, но если поблизости есть кромлех, то, скорее всего, именно там.

Фрэнк потер руки в радостном предвкушении:

– Какая удача!

Подняться разок до рассвета ради разнообразия даже забавно. Но два дня подряд – это, извините, уже перебор.

На сей раз ни теплого автомобиля, ни термосов. Сонная, я плелась вслед за Фрэнком вверх по склону, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу и то и дело ушибая пальцы о камни. Было зябко и туманно, я засунула руки поглубже в карманы кардигана.

Еще один рывок к вершине – и хендж возник перед нами, камни едва виднелись в предрассветной мгле. Фрэнк остановился и замер в восхищении, в то время как я, задыхаясь, опустилась на первый же валун.

– Прекрасно, – пробормотал Фрэнк, потом молча подошел к внешнему кольцу, и его фигура – силуэт в тумане – скрылась в густой тени, падающей от мегалитов.

Они были и в самом деле прекрасны, но и немного угрожающе тоже. Я вздрогнула – совсем не от холода. Если те, кто их поставил, хотели, чтобы они производили впечатление, то они своего добились.

Фрэнк очень скоро вернулся.

– Пока никого, – прошептал он у меня над ухом, и я чуть не подпрыгнула от испуга. – Идем, я приглядел место, откуда будет удобно наблюдать.

На востоке забрезжил свет – бледная серая полоса на горизонте, однако этого оказалось достаточно, чтобы я не спотыкалась, пока Фрэнк вел меня в укрытие под кустами ольхи недалеко от конца тропы. Там было тесновато, едва хватало места для двоих. Но отсюда хорошо было видно тропу и открывалась панорама на внутреннюю часть каменного круга примерно в двадцати футах от нас. Уже не в первый раз я задумывалась о том, чем же занимался Фрэнк во время войны. Он был прекрасно подготовлен к тому, чтобы совершенно бесшумно передвигаться в темноте.

Я совсем не выспалась и хотела только одного – свернуться под каким-нибудь симпатичным кустом и заснуть. Однако места для этого не хватало, и я продолжала стоять, вглядываясь в полутьму в ожидании ведьм. Спину покалывало, ноги болели, но, наверное, это скоро пройдет. Полоска на горизонте из серой сделалась розовой – стало быть, до рассвета осталось не больше получаса.

Первая из них появилась почти так же тихо, как Фрэнк. Только слабый хруст гравия под ногами – и в тумане проступила аккуратно причесанная седая голова. Миссис Грэхем. Значит, это правда. Экономка была одета в твидовое платье и шерстяное пальто, под мышкой она держала белый сверток. Неслышно, словно призрак, она скрылась за одним из больших камней.

Остальные появились вскоре после нее, они приходили по одной, по двое и даже по трое, шли, перешептываясь и хихикая, по тропе, но мгновенно умолкали, как только оказывались наверху.

Некоторых я узнала. Например, миссис Бьюкенен с почты; ее белокурые волосы были недавно завиты и источали сильный аромат «Вечера в Париже». Я подавила смех. Ничего себе друиды!

Их оказалось пятнадцать, исключительно женщины, в возрасте от шестидесяти, как миссис Грэхем, до двадцати с небольшим, как женщина, которую я недавно видела с детской коляской у магазина. Все они были одеты для прогулки, и у каждой под мышкой – белый сверток. Почти не разговаривая, они скрывались кто за каменным столбом, кто в кустах и появлялись с пустыми руками, облаченные в белое. Когда одна из них прошла вблизи нашего укрытия, я уловила запах хозяйственного мыла и сообразила, что их одеяния – всего-навсего простыни, обернутые на манер туники и закрепленные на плече.

Выстроившись друг за другом по возрасту – младшие за старшими, – они обошли внешний круг камней и остановились в ожидании. Свет на востоке разгорался все ярче.

Едва только солнце поднялось над горизонтом, строй женщин пришел в движение – они медленно вошли в зазор между двумя камнями. Предводительница провела их прямо к центру, а потом они вслед за ней начали все тем же плавным шагом кругами обходить хендж, словно лебеди. Предводительница внезапно остановилась и повернула к центру. Здесь она встала, подняв руки и повернув лицо в сторону восточных камней. Высоким голосом она произнесла какие-то слова, не слишком громко, но так, чтобы ее слышали все участницы. Туман еще не рассеялся, он отражал звуки, и казалось, что они доносятся отовсюду, идут из самих камней. Не только эхо повторяло слова, но и танцовщицы – потому что участницы процессии теперь начали танцевать. Они протягивали друг к другу руки, не соприкасаясь пальцами, и двигались по кругу, притопывая и слегка покачиваясь. Но вот круг танцующих разделился на две части. Семь женщин пошли по часовой стрелке, остальные – против нее. Два полукруга то пересекались, то образовывали целый круг, то снова два полукружия. А предводительница все стояла в центре и повторяла полный невыразимой печали клич на языке, который давно уже умер.

Они должны были казаться смешными, и, вероятно, так оно и было. Сборище женщин, обернутых простынями, большинство из них полные и не слишком гибкие, все ходят кругами по вершине холма. Но от звуков их унылой песни волосы у меня на затылке встали дыбом.

Они остановились, образовав два полукруга, между которыми пролегла дорожка, и подняли лица к солнцу. Оно висело над горизонтом, и первые лучи, пройдя между двумя восточными камнями, упали на разделяющую полукружия дорожку и дальше – на камень на противоположной стороне хенджа.

Танцующие на мгновение замерли в тени по обе стороны от полосы света. Затем миссис Грэхем что-то произнесла все на том же непонятном языке, но уже обычным голосом. Она повернулась и пошла по солнечной тропе – спина прямая, седые волосы блестят на свету. Остальные без единого звука последовали за ней. Одна за другой они прошли сквозь отверстие в главном камне и молча исчезли. Из своего укрытия в зарослях ольхи мы наблюдали, как женщины переоделись и, смеясь и болтая, начали спускаться с холма, по-видимому, приглашенные на чашечку кофе в дом викария.

– Господи! – Я распрямылась, чтобы избавиться от боли в ногах и спине. – Ну и зрелище!

– Восхитительное! – с восторгом отозвался Фрэнк. – Ни за какие сокровища мира не хотел бы его пропустить!

Он змеей выскользнул из укрытия, предоставив мне выбирать самостоятельно, пока он на манер полицейской собаки, опустив нос к земле, обследовал внутреннюю часть хенджа.

– Что ты там ищешь? – спросила я, с некоторой опаской вступая в круг.

Но день уже наступил, и камни, все еще величественные, утратили значительную часть своей таинственной мрачности.

– Пометки, знаки, – ответил он, ползая по дерну на четвереньках и что-то высматривая. – Откуда они знают, где начинать и где останавливаться?

– Хороший вопрос. Я ничего не вижу, – сказала я, но, опустив глаза, заметила очень интересное растение у основания одного из столбов.

Миозотис? Нет, вряд ли; у этих голубых цветков глубоко скрытые оранжевые серединки. Я потянулась за цветком, но тут Фрэнк, у которого слух был острее моего, выпрямился и схватил меня за руку. Он поспешно утащил меня из внутреннего круга буквально за секунду до того, как в него вошла с противоположной стороны одна из танцовщиц.

То была мисс Грант, маленькая пухлая женщина, чья профессия – она торговала пирожными и сладостями в собственном магазинчике на Хай-стрит – вполне соответствовала типу фигуры. Она близоруко осмотрелась, потом нашарила в кармане очки и водрузила их на нос; обойдя весь круг, она наконец подняла с земли крупную заколку для волос, за которой вернулась сюда. Она прицепила ее к своим густым блестящим волосам, но возвращаться к делам не спешила. Уселась на валун, по-своему оперлась спиной на одного из каменных гигантов и лениво закурила.

Фрэнк испустил вздох отчаяния.

– Ладно, – сказал он, смирившись с неизбежным, – нам лучше уйти. Судя по ее виду, она может просидеть здесь все утро. К тому же я не обнаружил никаких знаков.

– Мы могли бы вернуться сюда позже, – предложила я: меня очень заинтересовало растение с голубыми цветами.

– Разумеется, – откликнулся Фрэнк.

Но он уже потерял интерес к изучению хенджа, его занимали только подробности подсмотренной церемонии. Он решительно увлек меня к спуску с холма и по дороге настоятельно требовал, чтобы я как можно точнее припомнила слова и движения, которые мы только что наблюдали.

– Норвежские, – с удовлетворением заключил он. – Корни слов древненорвежские, я почти уверен. Но танец... – Он задумчиво покачал головой. – Танец куда старше. Скорее всего, он восходит к ритуальным танцам викингов.

Он строго сдвинул брови, словно я с ним спорила.

– Но это движение по двойным линиям, оно... напоминает... изображения на керамике из Бикер Фолка, но, с другой стороны... хм...

Фрэнк погрузился в типичный для него научный транс, то и дело что-то невразумительно бормоча себе под нос. Вышел из этого состояния он только у самого подножия склона, споткнувшись о какой-то предмет. Он взмахнул руками и с криком покатился вниз, в заросли прошлогоднего бурьяна.

Я помчалась следом, но нашла его уже сидящим среди трепещущих на ветру стеблей.

– Ты в порядке? – спросила я на всякий случай, хотя было ясно, что он не пострадал.

– Думаю, да. – Он рассеянно отвел со лба темную прядь. – На что это я налетел?

– Вот на что. – Я показала ему пустую банку из-под сардин. – Опасности цивилизации.

– А-а. – Фрэнк взял у меня банку, заглянул внутрь и бросил ее через плечо. – Жаль, что она пустая. После нашей экскурсии я голоден как волк. Может, посмотрим, что нам завернула миссис Бэйрд в качестве раннего завтрака?

– Можно, – согласилась я, приглаживая ему волосы. – А с другой стороны, мы могли бы оставить припасы для раннего ланча.

И я посмотрела ему прямо в глаза.

– А-а, – протянул он, однако уже совершенно другим тоном.

Медленно он провел пальцами по моей руке, коснулся шеи и легонько потянул мочку уха.

– Могли бы, – сказал он.

– Если ты не очень голоден.

Другой рукой он обнял меня сзади и мягко притянул к себе, пальцы его скользили все ниже и ниже. Приоткрыв губы, он прильнул к вырезу моего платья, и я ощутила на груди его теплое дыхание.

Он осторожно увлек меня на траву: пушистые кисточки сухой пшеницы словно парили в воздухе вокруг его головы. Наклонившись, он поцеловал меня нежно и продолжал целовать, пока расстегивал пуговицы на платье, одну за другой, с промежутками, во время которых успевал просунуть руку под платье и коснуться моих напряженных сосков. Так он расстегнул платье до пояса и снова сказал «а-а», но на этот раз голос у него был хриплым.

– Словно белый бархат, – прошептал он.

Волосы опять упали ему на лицо, но он не стал откидывать их. Одним движением большого пальца Фрэнк расстегнул бюстгальтер и начал ласкать мои груди. Потом он откинулся назад, накрыл их ладонями и свел вместе, а затем медленно заскользил в обратном направлении, очерчивая пальцами линию ребер, пока я не застонала и не подалась к нему всем телом. Он прижал свои губы к моим и обнял меня так, что наши бедра сошлись. Фрэнк повернул голову, поцеловал мою шею и прикусил мочку уха. Рука его опускалась все ниже и ниже – и вдруг замерла как бы в изумлении. Еще одно движение – и Фрэнк поднял голову, взглянув на меня с удивленной улыбкой.

– Ой, что же это значит? – дурашливо, изображая деревенский говор, спросил он. – Где же все?

– Просто готовлюсь заранее, – ответила я с деловым видом. – Медсестры должны предвидеть разные ситуации. Так нас учили.

– Честное слово, Клэр, – пробормотал он, запуская руку под юбку... вверх по бедру, к мягкой, незащищенной коже между ног, – ты самая пугающе практичная особа из всех, кого я знал.

Фрэнк подошел ко мне сзади, когда я сидела в гостиной с большой раскрытой книгой на коленях.

– Что ты делаешь? – спросил он. Его руки опустились мне на плечи.

– Ищу одно растение, – ответила я, закрывая книгу, но заложив пальцем нужную страницу. – Я его видела возле камней на хендже. Гляди...

Я снова открыла книгу.

– Оно может относиться к семейству *Campanulaceae* или к *Gentianaceae*, к *Polemoniaceae*, *Ворaginaceae*... чем-то похоже на незабудки, но и на разновидность вот этого растения, *Anemone patens*.

Я показала на цветную иллюстрацию с изображением сон-травы.

– Я не думаю, что это какая-нибудь генциана, лепестки недостаточно круглые, но...

– Ну хорошо, – перебил меня Фрэнк, – а почему бы не вернуться туда и не взять образец? Мистер Крук наверняка не откажется одолжить тебе свою колымагу... или нет, погоди, у меня есть идея получше. Попроси у миссис Бэйрд машину, это куда безопаснее. От дороги до подножия холма идти недалеко.

– А потом всего тысяча ярдов вверх, – сказала я. – Почему ты так заинтересовался моим растением?

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Свет лампы образовал золотой нимб у него над головой, точно как у святых на средневековых иконах.

– Меня интересует совсем не растение, – ответил Фрэнк. – Если ты туда поднимешься, я хотел бы, чтобы ты хорошенько осмотрела каменный круг снаружи.

– Хорошо, – покорно согласилась я. – Но зачем?

– Следы от огня, – сказал он. – Во всех работах о Празднике костров, какие мне встречались, огонь упоминается как обязательная часть ритуала. Но женщины, за которыми мы наблюдали утром, огня не разжигали. Может, они жгли костры накануне, а наутро пришли исполнить танец. Раньше костры разжигали пастухи. Внутри круга я не обнаружил следов, но, поскольку мы спешили, внешнюю сторону я не успел проверить.

– Хорошо, – повторила я и зевнула: два ранних пробуждения не прошли бесследно.

Я закрыла книгу и встала.

– Но предупреждаю, что раньше девяти я не поднимусь.

Я добралась до каменного круга к одиннадцати на следующий день. Накрапывал дождь, и я промокла, потому что не сообразила захватить с собой дождевик. Быстро осмотрев хендж с внешней стороны, я не нашла следов костра; если они и были, то кто-то позаботился о том, чтобы все убрать.

Найти растение оказалось проще. Я помнила место, где видела его, – у основания самого высокого каменного столба. Отделив несколько побегов, я завернула их в носовой платок. Тяжелые гербарные сетки я оставила в машине и собиралась уложить растение уже внизу.

Самый высокий каменный столб хенджа был разделен по вертикали на две половины, два массивных блока. Видимо, это было сделано целенаправленно. Поверхность блоков выглядела абсолютно идентичной, однако их разделяло около трех футов.

Откуда-то поблизости донесся глухой рокот или гудение. Я подумала, что в каменной расселине поселился пчелиный рой, и, намереваясь заглянуть в пролет между блоками, оперлась о камень рукой.

Камень закричал.

Я попятилась так резко, что не удержалась на ногах и больно упала на короткую весеннюю траву. Вся потная, я устала на камень.

Никогда я не слышала подобных звуков от живых существ. Описать его невозможно – разве что если представить, как мог бы кричать камень. Это было ужасно.

Другие камни тоже начали кричать. То был шум битвы, вопли раненых, ржание падающих лошадей.

Я затрясла головой, чтобы прогнать наваждение, но шум не прекращался. Я вскочила на ноги и, спотыкаясь, кинулась к выходу из круга. Звуки казались вездесущими, от них ныли зубы и кружилась голова. У меня потемнело в глазах.

Я не могу сказать, сознательно ли я бросилась к просвету между двумя половинами главного камня, или это вышло само собой из-за моих хаотичных метаний.

Однажды во время ночной поездки я заснула на пассажирском сиденье автомобиля, рокот двигателя и скорость создавали иллюзию приятной невесомости. Водитель слишком разогнался на мосту и потерял управление. Я резко пробудилась, когда в мой сон ворвался ослепительный свет фар, и испытала тошнотворное чувство от падения. Этот внезапный переход из одного состояния в другое можно сравнить с тем, что происходило теперь, но за очень короткий отрезок времени.

Поле зрения внезапно сузилось до единственного темного пятна, а потом я оказалась посреди пустоты. Будто вокруг меня закрутился смерч и затянул меня внутрь... Невозможно передать ощущение полной гибели, полного растворения, меня сильно ударило обо что-то, чего как будто даже не существовало.

Однако парадокс в том, что никакого движения не произошло, ничего не случилось, но я отчего-то испытывала стихийный ужас и перестала понимать, кто я и где нахожусь. Я была посреди хаоса, и никакая сила, физическая или духовная, не могла ему противостоять.

Не знаю, потеряла ли я сознание, но определенно некоторое время пребывала в ступоре. Я проснулась, если можно так выразиться, споткнувшись о камень у подножия холма, кое-как съехала на ногах оставшиеся несколько футов и растянулась на траве.

Мне было плохо, кружилась голова. С трудом я доползла до молодых дубков поблизости и прислонилась к одному из них, чтобы прийти в себя. Где-то неподалеку раздавались крики, смутно напоминающие звуки, которые я слышала на холме. Но они утратили нечеловеческий оттенок; теперь это были обычные голоса ругающихся людей, и я повернулась в ту сторону.

Глава 3

Человек в лесу

Мужчины были на некотором отдалении, когда я их увидела. Двое или трое в килтах, они неслись, словно дьяволы, по небольшой поляне. Доносился странный шум, в котором я, к своему удивлению, узнала грохот ружейных выстрелов.

Я была совершенно уверена, что у меня галлюцинации, когда вслед за ружейными залпами появилось пять или шесть человек в красных мундирах и бриджах; они размахивали мушкетами. Я уставилась на них, потом подняла руку и расправила два пальца перед глазами. Два пальца – все правильно. Никаких нарушений зрения. Я осторожно втянула носом воздух. Сильный, по-весеннему острый запах свежих листьев и слабый – клевера у меня под ногами. Никаких дефектов обоняния.

Я пощупала голову. Никаких неприятных ощущений. Контузии вроде бы нет. Пульс немного учащенный, но ровный.

Шум и крики внезапно сменились топотом копыт; прямо на меня мчались наездники – шотландцы в килтах, выкрикивающие что-то на гэльском. Я метнулась на обочину как молния – значит, физически я не пострадала, каким бы ни было мое психическое состояние.

Но тут один из красных мундиров упал с лошади усилиями пронесшегося мимо шотландца и, вскочив на ноги, театральным жестом погрозил кулаком вслед противникам. И я поняла. Конечно же! Кино! Я даже головой тряхнула от осознания своей несообразительности. Они снимают какую-то историческую драму, вот и все. Что-нибудь в духе «Принца Чарли в зарослях вереска».

Так. Независимо от художественной ценности этого шедевра съемочная группа вряд ли оценит курьез моего появления в кадре. Я отступила в заросли, намереваясь обойти поляну кругом и выйти к дороге, где меня ждала машина. Идти оказалось труднее, чем я предполагала. Лес был молодой, но с густым подлеском, платье то и дело цеплялось за кусты. Я пробиралась между тонких дубков, вытаскивая подол из цепких лапок-веток куманики.

Если бы он был змеей, я бы на него наступила. Он стоял среди деревьев безмолвно и недвижно, словно сам стал деревом, и я заметила его только тогда, когда он схватил меня за руку.

Ладонью второй руки он стремительно зажал мне рот и утянул в заросли, чем вызвал у меня панику. Кем бы ни был этот похититель, ростом он оказался лишь немного выше меня, но определенно был в разы сильнее. Я ощутила слабый цветочный аромат, кажется, пахло лавандой, и запах этот смешивался с бьющим в нос запахом пота. Ветки сомкнулись за нашими спинами, и, пока он тащил меня по тропинке, я обратила внимание на то, что рука, обхватившая мою талию, выглядела знакомой.

Я дернула головой и сбросила его руку с лица.

– Фрэнк! Ради всего святого, что это за бредовая игра?

Меня раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, я была рада, что Фрэнк тоже здесь, а с другой – эта дикая шутка приводила меня в исступление. Оглушенная происшествием в хендже, я совершенно не была расположена так развлекаться. Он отпустил меня, но едва я к нему повернулась, как поняла, что что-то не сходится. Дело было даже не в запахе, отличие казалось фундаментальным. Я остолбенела, волосы на затылке зашевелились от ужаса.

– Ты не Фрэнк, – прошептала я.

– Все нет, – подтвердил он, наблюдая за мной с любопытством. – Правда, у меня есть кузен с таким именем, но сомневаюсь, чтобы вы могли нас спутать, потому что между нами нет никакого внешнего сходства, мадам.

Как бы там ни выглядел его кузен, сам он вполне мог сойти за брата Фрэнка. То же стройное и худощавое сложение, четкие линии скул, словно вытесанное из мрамора лицо; прямые брови, широко расставленные карие глаза, темные волосы.

Но у этого человека волосы были длиннее и стянуты на затылке кожаным шнурком. Лицо казалось темным и обветренным, словно у цыгана, что месяцами подставлял кожу солнцу и ветрам, этот загар ничуть не напоминал тот легкий золотистый оттенок, который приобрел Фрэнк в Шотландии.

– Но кто же вы? – не удержалась я от вопроса.

У Фрэнка было много родни, но мне казалось, что я хорошо знаю всю английскую ветвь семьи. И среди них не было никого, похожего на этого человека. И конечно, Фрэнк рассказал бы мне о любом близком родственнике, живущем в горной Шотландии. И не просто упомянул бы, но настоял бы на визите с ворохом блокнотов и заметок для выяснения новых пикантных фактов из жизни небезызвестного Черного Джека Рэндолла.

В ответ на мой вопрос незнакомец поднял брови:

– Кто я? Я мог бы задать вам тот же вопрос, мадам, и повод у меня куда серьезнее.

Он окинул меня неторопливым взглядом с головы до ног; глаза его нагло и оценивающе обследовали мою фигуру в ситцевом платье и с особым вниманием – мои ноги. Я не вполне поняла смысл этого взгляда, но ужасно разнервничалась, отступила пару шагов и ударилась спиной о древесный ствол.

Он отвел от меня глаза и тем самым словно бы освободил. Я облегченно вздохнула, хотя до той минуты не осознавала, что невольно задерживаю дыхание.

Незнакомец повернулся, чтобы подхватить свой мундир, переброшенный через нижнюю ветку молодого дуба. Отряхнув его от приставших листьев, он начал его натягивать.

Я опять задышала с трудом, потому что он снова посмотрел на меня. Мундир у него был ярко-алый, сидел как влитой и был застегнут наглухо. На рукавах отвороты из буйволиной кожи шириной не меньше шести дюймов, на одном из эполетов мерцает небольшое кольцо из золотого шнура. Драгунская форма, причем офицерская. Меня осенило: он, конечно же, актер, из той компании, что я видела на другом конце дубовой рощи. Однако кортик, пристегнутый к поясу, казался куда более реальным, нежели те, какие могли бы быть у актеров.

Я крепче прижалась спиной к стволу дерева и почувствовала себя увереннее. Скрестила руки на груди, обозначая оборону.

– Да кто же вы, черт вас побери, такой?

Вопрос прозвучал столь вызывающе и грубо, что я сама испугалась.

Он будто и не слышал, продолжая застегивать мундир. Закончив, он повернулся ко мне и шуточно поклонился, прижав руку к груди.

– Я, мадам, Джонатан Рэндолл, эсквайр, капитан его величества восьмого драгунского полка. К вашим услугам.

Я сорвалась с места и пустилась бежать. Задыхаясь, я продиралась сквозь заросли дуба и ольхи, не обращая внимания на куманику, крапиву, трухлявые стволы – одним словом, ни на какие препятствия у себя на пути. Я слышала крик где-то позади, но была слишком напугана, чтобы определить местонахождение источника.

Я бежала вслепую; ветки царапали лицо и руки, я то и дело спотыкалась или оступалась на неровной земле. В голове было пусто, я хотела лишь одного – убежать от этого человека.

Что-то тяжелое ударило меня по спине, я ничком повалилась на землю, растянувшись во весь рост и едва не потеряв сознание. Меня грубо перевернули на спину, и капитан Джонатан Рэндолл встал возле меня на колени. Он дышал тяжело и во время погони потерял свой меч. Растрепанный и грязный, он казался еще и раздраженным.

– Какого дьявола вы кинулись убежать от меня? – спросил он.

Прядь густых темных волос упала на лоб, перечеркнув бровь, и это сделало его невероятно похожим на Фрэнка. Он наклонился и схватил меня за руки. Все еще задыхаясь, я попыталась освободиться, но добилась только того, что он повалился на меня. Рэндолл потерял равновесие и всей тяжестью придавил меня к земле. От удивления он, однако, перестал злиться.

– Ах вот оно что! – произнес он с насмешкой. – Был бы рад оказать тебе эту любезность, дорогуша, но ты выбрала весьма неудачный момент.

Мои бедра плотно прижимались к земле, в поясницу врезался острый камешек. Я попыталась переменить положение, но он еще сильнее налег на меня и обеими руками нажал на мои плечи. Я открыла рот, чтобы возмутиться, но успела только выговорить: «Что вы себе...», потому что он наклонился и поцеловал меня, оборвав гневную тираду на полуслове. Он просунул язык мне в рот и бесстыдно ворочал им внутри. Он прервал это занятие так же внезапно, как начал, и, откинувшись назад, потрепал меня по щеке.

– Неплохо, дорогуша. Может быть, попозже я выделю часок и займусь тобой как следует.

К этому времени я уже отдышалась и незамедлительно воспользовалась этим. Заорала что было сил прямо ему в ухо, и он отпрянул в сторону, словно я сунула туда раскаленную проволоку. Я успела следом врезать коленом в низ живота; он откатился в сторону и скорчился на рыхлой земле.

Я вскочила на ноги, но он уже оправился от удара и стоял неподалеку. Я дико озиралась по сторонам – чтобы понять, в какую сторону бежать, но мы оказались, как я обнаружила только теперь, у подножия одной из часто встречающихся в Шотландии отвесных гранитных скал – они вздымаются ввысь, точно башни, прямо из земли. Рэндолл нагнал меня в том месте, где в каменной глыбе была выемка, нечто вроде неглубокой пещеры. Он загородил выход, упершись обеими руками в края арки, и посмотрел на меня с выражением злости и любопытства на красивом загорелом лице.

– С кем ты была? – спросил он. – Кто такой Фрэнк? Среди моих однополчан нет человека с таким именем. Может, он живет по соседству, а?

Он насмешливо улыбнулся.

– От твоей кожи навозом не несет, значит, ты была не с крестьянином или арендатором. Да и на вид ты подороже, чем может позволить себе местный фермер.

Я жала кулаки и выпятила подбородок. О чем бы ни болтал этот придурок, ко мне это не имеет отношения.

– Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, и буду очень вам признательна, если вы сейчас же выпустите меня отсюда, – заговорила я самым строгим тоном медсестры.

В свое время этот тон действовал безотказно на чрезмерно навязчивых санитаров и молодых интернов, но капитана Рэндолла он лишь позабавил.

Я изо всех сил старалась подавить страх и растерянность, которые трепыхались у меня в груди, словно перепуганные куры.

Рэндолл медленно покачал головой, внимательно изучая меня взглядом.

– Не сейчас, дорогуша, только не сейчас. Я спрашиваю себя, – произнес он спокойно и уверенно, – почему эта шлюха в одной нижней рубашке и к тому же не сняла туфель. И туфель недурных, – добавил он, поглядев на мои кожаные мокасины.

– Что?! – возопила я.

Мое восклицание он пропустил мимо ушей. Посмотрев еще раз мне в лицо, он сделал шаг вперед и взял меня за подбородок. Я схватила его руку и попыталась освободиться.

– Отпустите сейчас же! – крикнула я.

Пальцы у него были сильные, как сталь. Не обращая внимания на мои попытки освободиться, он повернул мое лицо в сторону так, чтобы на него падал меркнувший весенний свет.

– Готов поклясться, это кожа леди, – пробормотал он себе под нос.

Он наклонился вперед и втянул воздух.

– От волос пахнет французским одеколоном.

Он убрал руку, и я возмущенно вытерла подбородок, мне хотелось уничтожить следы его пальцев.

– Все это могло быть оплачено из кошелька твоего хозяина, – рассуждал он. – Но речь... ты и говоришь как леди.

– Премного благодарна! – прошипела я. – Прочь! Меня ждет муж, и если я не вернусь через десять минут, он станет меня искать.

– О, ваш супруг? – Издевательское выражение подчеркнутой вежливости на его лице слегка померкло, но не исчезло полностью. – А как его имя, скажите, пожалуйста? Где он? И почему он позволяет своей жене бродить по лесу полуголой?

Я все время старалась выключить ту часть сознания, которая билась над решением внешне возникших загадок. Теперь мне не давала покоя мысль, что фамилия у этого человека точно такая же, как у Фрэнка, и это делало мое положение еще более запутанным и тревожным. Не удостоив Рэндолла ответом, я попыталась обойти его. Он преградил мне дорогу мускулистой рукой, а другую протянул ко мне.

Откуда-то сверху послышался странный свистящий шум, и мимо меня пролетело что-то темное. Раздался глухой удар. Капитан Рэндолл оказался лежащим на земле под тяжелой массой, похожей на ворох из старого и рваного пледа. Из недр этой массы поднялся смуглый тяжелый кулак и тотчас опустил, нанеся мощный удар. Ноги капитана в высоких блестящих коричневых сапогах дернулись и замерли.

Очнувшись от потрясения, я обнаружила, что смотрю кому-то в глаза – черные и пронзительные. Сильная рука, столь своевременно прекратившая домогательства капитана, крепко взяла меня за предплечье.

– А вы еще кто такой, черт возьми? – изумленно проговорила я.

Мой спаситель, если его можно было так называть, оказался на несколько дюймов ниже меня ростом и худощав, но руки отличались развитой мускулатурой, да и вся фигура выглядела необычайно подвижной и спортивной. Лицо некрасивое, рябое, низкие брови и узкие губы.

– Сюда, – произнес он и потянул меня за собой. Оглушенная происходящим, я, не сопротивляясь, последовала за ним.

Мой новый спутник стремительно прокладывал путь через ольшаник, потом обогнул большой валун, и мы вышли на тропу. Проторенная сквозь заросли дрока и вереска, она вилась такими зигзагами, что дальше шести футов ничего не было видно, и круто шла в гору к вершине холма.

Я стала дышать ровнее и собралась с мыслями не раньше, чем мы достигли вершины; когда мы начали осторожно спускаться с противоположной стороны, я решила спросить, куда мы идем. Не получив ответа, я повторила вопрос громче.

К моему удивлению, спутник повернулся ко мне с перекошенным лицом и резко столкнул меня с тропы в чашу. Я собралась было запротестовать, но он закрыл мне рот ладонью, повалил на землю и сам упал на меня.

Ну уж нет! Я начала отчаянно сопротивляться и извиваться под ним, но тут услышала то, что, очевидно, первым уловил мой новый знакомец. Громкие голоса, топот ног и хлопанье грязи. Голоса принадлежали англичанам, то есть я хочу сказать, что их обладатели переговаривались на английском. Я все еще отчаянно старалась высвободиться. Вонзив зубы в ладонь придавившего меня к земле человека, я успела лишь почувствовать, что он не так давно ел соленую сельдь руками, потом что-то ударило меня по затылку, и все поглотила темнота.

Каменный коттедж возник из ночного тумана как-то неожиданно. Ставни были плотно закрыты, пропуская наружу только тонкие ниточки света. Я понятия не имела, сколько времени

находилась без сознания, и, разумеется, не могла определить, как далеко мы уехали от Крэгна-Дун или от Инвернесса. Уехали – потому что мы сидели в седле на лошади. Захвативший меня в плен спаситель устроил меня перед собой, привязав руки к передней луке седла. Но ехали мы по бездорожью, так что продвигались медленно.

Я подумала, что в отключке пробыла недолго: никаких симптомов сотрясения или других последствий удара, разве что затылок немного ныл в том месте, по которому меня ударили. Мой похититель оказался человеком немногословным, на мои вопросы, возмущенные восклицания и ядовитые замечания он отвечал типичным шотландским междометием, которое фонетически можно было бы передать как «ммхм». Если бы у меня и были сомнения по поводу его национальной принадлежности, то одного этого звука было бы достаточно, чтобы его устранить.

Глаза постепенно привыкали к темноте, пока лошадь, спотыкаясь, брела между камней и зарослей дрека, поэтому, зайдя из полного мрака в комнату, как мне вначале показалось, ярко освещенную, я была почти ослеплена. Но первое впечатление быстро рассеялось, и я поняла, что в комнате из источников света только горящий очаг и несколько свечей в потускневших подсвечниках; впрочем, потом я заметила невероятно старомодную масляную лампу.

– Кого это ты привел, Мурта?

Мой узколиций похититель вытянул меня за руку поближе к свету.

– Английскую девку, Дугал, судя по ее говору.

В комнате находилось несколько мужчин, и все они разглядывали меня, кто с любопытством, а кто довольно плотоядно. Мое платье было порвано в нескольких местах в результате вечерних авантюр, создать иллюзию благопристойности было невозможно. Сквозь дыру в верхней части лифа я увидела обнаженную грудь; уверена, мужчины тоже ее заметили. Я не стала зажимать рукой ткань – это привлекло бы больше внимания; вместо этого повернулась наугад к одному из мужчин и с вызовом посмотрела ему в глаза, надеясь тем самым отвлечь внимание от своего внешнего вида.

– Англичанка она или нет, но вполне хорошенькая, – сказал этот человек, толстый и весь лоснящийся.

Он сидел возле очага, держа в руке кусок хлеба, с которым не пожелал расстаться, даже когда встал и подошел ко мне. Тыльной стороной ладони он взял меня за подбородок, а потом откинул назад волосы с лица. Хлебные крошки посыпались мне за шиворот. Остальные мужчины тоже столпились вокруг, сплошные пледы и бороды, от них несло потом и перегаром. Только теперь я заметила, что все они в килтах – необычно даже для этой части Шотландии. Может, я попала на собрание клана или полковую вечеринку?

– Не стесняйтесь, барышня.

Эти слова произнес крупный чернобородый мужчина, сидящий за столом у окна.

Жестом он поманил меня к себе. Судя по виду, он тут был главным. Мужчины неохотно расступились, пропуская Мурту, который повел меня вперед по праву добытчика.

Чернобородый оглядел меня спокойно и бесстрастно. Он был недурен собой и нельзя сказать что недружелюбен. Однако меж бровей залегли суровые морщины; такому не захочется перечить.

– Как вас зовут, барышня?

Для человека такой внешности голос у него оказался неожиданно высокий – не глубокий бас, который я ожидала услышать при взгляде на его широкую грудь.

– Клэр... Клэр Бошан, – ответила я, решив на всякий случай назвать девичью фамилию.

Если они рассчитывают на выкуп, не стоит облегчать им задачу и называть имя, которое приведет их к Фрэнку. И вообще не стоило сообщать этой подозрительной шайке, кто я такая, прежде чем я узнаю, кто они.

– И почему вы решили, что... – начала было я, но чернобородый не стал меня слушать.
– Бошан? – Он приподнял брови, и все остальные тоже изобразили удивление. – Но ведь это французское имя?

Он произнес фамилию правильно, по-французски, хотя я выговорила ее на английский манер – Бичем.

– Да, совершенно верно, – ответила я немного ошарашенно.

– Где ты нашел ее? – обратился Дугал к Мурте, который пил из кожаной фляжки.

Маленький человечек пожал плечами.

– У подножия Крэг-на-Дун. Она беседовала с драгунским капитаном, с которым я имел честь познакомиться раньше, – сказал он, многозначительно приподняв брови. – Кажется, они обсуждали, шляха эта леди или нет.

Дугал еще раз окинул меня своим невозмутимым взглядом, внимательно осмотрев мое ситцевое платье и туфли.

– Понимаю. И какова была точка зрения леди по этому вопросу? – спросил он, язвительно подчеркнув слово «леди».

Мурта, казалось, наслаждался происходящим; уголок рта у него пошел вверх, когда он ответил:

– Она утверждала, что не шляха. Капитан и сам сомневался, так ли это, но собирался провести эксперимент.

– Мы тоже можем этим заняться.

Жирный бородач направился ко мне, расстегивая пояс. Я попятилась от него, но размеры комнаты ограничивали пути отступления.

– Прекрати, Руперт. – Дугал смотрел на меня, нахмурившись, но его голос прозвучал властно, и Руперт перестал. Вид у него при этом был комично разочарованный. – Никакого насилия, да к тому же и времени нет.

Я была весьма признательна за столь дипломатичное разрешение конфликта, хотя с точки зрения этики оно казалось несколько неоднозначным. Меня всерьез беспокоило откровенно похотливое выражение на нескольких лицах. Почему-то я чувствовала себя так, будто появилась на людях в нижнем белье. Я понятия не имела, кто эти шотландцы, но они казались очень опасными, и я сдержала себя, не позволив нескольким весьма подходящим случаям выражения сорваться с языка.

– Что скажешь, Мурта? – обратился Дугал к моему похитителю. – Мне кажется, Руперт ей не по душе?

– Никакой выгоды, – отозвался вместо Мурты низкорослый лысый мужчина. – Он не может дать ей серебра. Сами понимаете, ни одна баба не станет забавляться с Рупертом, если только он не заплатит вперед, – добавил он под дружный гогот товарищей.

Дугал унял веселье одним движением руки и кивнул в сторону двери. Лысый, все еще улыбаясь, послушно вышел из комнаты в ночь.

Мурта, не засмеявшийся с остальными, бросил на меня хмурый взгляд и энергично потрянул прямой и длинной челкой.

– Нет, – сказал он уверенно. – Я понятия не имею, кто она на самом деле, но готов заложить свою лучшую рубаху, что она не шляха.

Я про себя надеялась, что речь не о той рубахе, которая на нем, – на эту, пожалуй, никто бы не позарился.

– Кому знать, Мурта, если не тебе, ты их повидал немало на своем веку, – вставил Руперт с недоброй улыбкой, но Дугал резко оборвал его.

– Об этом потолкуем позже, – постановил он. – Нынче ночью нам предстоит долгая дорога, а нужно еще попытаться помочь Джейми. В таком состоянии он сам ехать не сможет.

Пока они говорили, я отступила в темный угол возле очага и постаралась не привлекать к себе внимания. Мурта развязал мне руки, прежде чем мы вошли в дом. Может, удастся потихоньку ускользнуть отсюда – у бандитов и без меня хватает забот. Все они обратили внимание на молодого мужчину, сжавшегося на скамье в углу. Он ни разу не поднял глаз, пока меня разглядывали и спрашивали, сидел, опустив голову, держась за плечо и слегка покачиваясь из стороны в сторону, как будто от боли.

Дугал осторожно отвел в сторону его руку. Кто-то другой снял с него плед, под которым виднелась перепачканная грязью и окровавленная рубашка. Невысокий мужчина с густыми усами подошел к юноше сзади и разрезал ее ножом – придерживая за воротник – через грудь к рукаву, так что она сползла с плеча.

У меня дыхание перехватило от этого зрелища – и не у меня одной. На плече была глубокая рана с рваными краями, кровь стекала по груди. Еще хуже дело обстояло с плечевым суставом. Бугор пугающей величины выпирал совсем не в ту сторону, в какую должен, и рука была согнута под неестественным углом.

– Ммхм, – промычал Дугал. – Бедняга, вывих у тебя – не позавидуешь.

Молодой человек впервые поднял голову. Лицо у него оказалось мужественное и приятное, несмотря на страдальческую гримасу и отросшую рыжую щетину.

– Я упал на руку, когда мушкетная пуля выбросила меня из седла. Всем весом на нее приземлился, она – раз! – и выскочила.

– Выскочила, это точно, – согласился с ним усатый мужичок – судя по выговору, грамотный.

Он коснулся поврежденного плеча, и мужчина поморщился от боли.

– Рана не особо опасная, – продолжил усатый. – Пуля прошла насквозь, и кровь течет свободно.

Он взял со стола какой-то грязный лоскут и приложил его к ране, чтобы остановить кровь.

– А что с вывихом делать, ума не приложу. Чтобы его вправить, нужен костоправ. Ведь ты в таком виде не сможешь ехать верхом, а, Джейми?

Мушкетная пуля? Костоправ? У меня закружилась голова. Смертельно бледный юноша покачал головой.

– Болит ужасно, даже когда просто сидишь. С лошастью мне не сдюжить.

Он опустил глаза и крепко прикусил нижнюю губу.

– Но мы же не сможем оставить его здесь! – горячо сказал Мурта. – Красноmundирные не шибко мастера кататься в темноте, но рано или поздно они сюда доберутся. А Джейми с дырой в плече едва ли сойдет за батрака.

– Не тревожься, – сказал Дугал. – Никто не собирается оставлять его тут.

Усатый вздохнул.

– Что поделаешь, надо поставить сустав на место. Мурта... и ты, Руперт... держите его, а я попытаюсь.

Исполненная сострадания, я наблюдала за тем, как он взял юношу за кисть и за локоть и начал поднимать руку вверх. Угол был неверный. Движение должно было причинять адскую боль. Пот заструился у юноши по лицу, но он не закричал, а только глухо застонал. Но тут же резко дернулся вперед и упал бы, если бы его не держали мужчины.

Один из них откупорил фляжку и приставил ее к губам раненого. Резкий запах алкоголя дошел даже до меня в моем углу. Молодой человек задохнулся, закашлялся, но все-таки сделал небольшой глоток, остальное пролилось на рубашку.

– Попробуем еще разок, а, дружок? – спросил усатый. – Может, у Руперта получится? – он посмотрел на жирного чернородого бандита.

Руперт, которому доверили дело, вытянул руки, словно собирался ухватиться за кейбер⁴, вцепился юноше в запястье и явно намеревался силой вправить сустав – в результате рука перекосилась бы, как ручка метлы.

– Не смейте!

Все мои помыслы о бегстве перекрыло чувство профессионального долга, и я вышла вперед, не замечая, с каким изумлением смотрят на меня мужчины.

– Что вы имеете в виду? – спросил усатый, потрясенный моим появлением.

– Вы сломаете ему руку, если будете действовать подобным образом, – отрезала я. – В сторону, пожалуйста.

Схватив Руперта за локоть, я оттеснила его и перехватила запястье раненого. Парень удивился не меньше остальных, но не возмутился. Кожа у него была теплая, но, кажется, его не знобило.

– Нужно повернуть руку под правильным углом, прежде чем вправлять сустав, – сердито проворчала я, проделывая манипуляцию.

Парень был крепкого сложения, рука тяжелая, как свинец.

– Сейчас будет больше всего, – предупредила я и обхватила ладонью локоть, чтобы приподнять и вправить сустав.

Он со стоном прошептал:

– Хуже, чем теперь, не будет. Давайте же.

Пот каплями струился у меня по лицу. Вправление плечевого сустава – дело непростое в любых обстоятельствах, а здесь я имела дело с крупным мужчиной, который провел с вывихнутой рукой уже несколько часов, мышцы опухли и давили на сустав. Работа требовала серьезного напряжения и сосредоточенности. Очаг находился близко от нас, и я опасалась, как бы мы оба туда не угодили, когда я сделаю финальный рывок. Послышался легкий щелчок – сустав вернулся в нормальное положение. Пациент был изумлен. Не веря в исцеление, он поднял руку, чтобы испытать ее.

– Она больше не болит! – воскликнул он с широкой улыбкой, в то время как остальные одобрительно закричали и захлопали в ладоши.

– Будет болеть, – сказала я, мокрая от напряжения, но довольная результатом. – Руку надо беречь несколько дней, а первые два или три дня вообще не напрягать. Разрабатывайте ее медленно и понемногу. Прекращайте движение, если почувствуете боль, и каждый день делайте теплые компрессы.

Давая советы, я спохватилась, что, хоть мой пациент слушает меня уважительно, остальные преисполнились подозрительности.

– Я медсестра, – сказала я, чувствуя необходимость объяснить.

Глаза Дугала, а следом и Руперта остановились на моей груди и задержались там со смешанным выражением осуждения и восхищения. Потом они переглянулись, и Дугал повернулся ко мне.

– Будь кем хочешь, – сказал он. – Хоть ты и кормилица⁵, но лечить, кажется, умеешь. Ты перевяжешь парню рану так, чтобы он мог сидеть верхом на коне?

– Да, рану я перевязать могу, – ответила я резко. – Если найдется, чем перевязать. Но что значит «кормилица»? Почему вы так говорите? И вообще, почему вы думаете, что я обязана вам помогать?

На мою отповедь Дугал не обратил внимания; он отвернулся и заговорил на языке, который я идентифицировала как гэльский, с женщиной, забившейся в угол. Окруженная толпой мужчин, прежде я ее не заметила. Одета она была, как мне показалось, довольно странно:

⁴ Кейбер – бревно из ствола молодого дерева, используется при шотландской игре «Метание ствола».

⁵ Английское слово «nurse» означает и «медсестра», и «няня», и «кормилица».

длинная рваная юбка, нечто вроде кофты с длинными рукавами, а поверх нее то ли короткий жилет, то ли камзол. Выглядело все вместе не слишком аккуратно, да и лицо чистотой не отличалось. Впрочем, как я уже заметила, в этом доме не было ни электричества, ни водопровода – в общем-то, это объясняло и даже извиняло неряшливость.

Женщина сделала короткий реверанс и, проскочив за спинами Руперта и Мурты, начала копаться в раскрашенном деревянном сундуке возле очага, откуда выгребла кучу ветхого тряпья.

– Нет, это не пойдет, – сказала я, брезгливо коснувшись тряпок кончиками пальцев. – Рану надо сперва продезинфицировать, а потом перевязать чистой тканью, если у вас нет стерильного бинта.

Брови мужчин взлетели вверх.

– Проздезинфицировать? – медленно проговорил усатый коротышка.

– Вот именно, – подтвердила я, решив, что, несмотря на грамотную речь, коротышка простоват. – Из раны необходимо удалить грязь, а после обработать обеззараживающим составом, чтобы уничтожить микробы и обеспечить нормальное заживление.

– Чем же?

– Ну хоть йодом, – ответила я, но, заметив на лицах пустоту, продолжила: – Мертиолатом? Раствором карболовой кислоты? Ну хотя бы просто алкогелем...

Лица прояснились. Наконец-то я нашла понятное слово. Мурта сунул мне в руки кожаную фляжку. Я только вздохнула. Мне было известно, что шотландцы в большинстве необразованны, но чтобы до такой степени...

– Послушайте, – сказала я как можно терпеливее и очень внятно, – почему бы вам не отвезти его в город? Это не так уж далеко, а в городе есть врач, который им займется.

Женщина подняла на меня вопросительный взгляд:

– Какой город?

Дугал в этом обсуждении не участвовал: приподняв край занавески, он что-то высматривал в темноте за окном. Потом неторопливо пошел к выходу. Едва он исчез за дверью, все мужчины умолкли.

Скоро Дугал вернулся, но не один, а с лысым мужчиной; вместе с ними в комнату ворвался холодный воздух и острый запах сосновой смолы. В ответ на вопросительные взгляды Дугал покачал головой:

– Нет, вокруг чисто. Но нужно ехать, пока все спокойно.

Я попала в поле его зрения; он постоял, подумал, затем кивнул в мою сторону:

– Она едет с нами.

Он порылся в куче тряпья, достал нечто потрепанное, похожее на галстук или шейный платок, знававший лучшие дни.

Усатый был явно не рад тому, что я буду их сопровождать.

– Почему бы не оставить ее здесь?

Дугал бросил на него недовольный взгляд, но объяснять доверил Мурте.

– Где бы ни были красномундирные сейчас, утром они сюда непременно заявятся, – сказал тот. – Если эта баба – английская лазутчица, мы не можем так рисковать, она им расскажет, куда мы ушли. А если у нее с ними не все гладко, – он с сомнением глянул на меня, – то мы не должны оставлять женщину одну, да еще в таком виде.

Лицо у него немного прояснилось; он пощупал ткань моего платья и добавил:

– Может, за нее дадут приличный выкуп. Одежды негусто, но материя хорошая.

– Кроме того, – перебил Дугал, – она может быть полезна, ведь она умеет лечить. Но сейчас у нас нет времени. Боюсь, Джейми, что не успеем тебя дезинфицировать, поедешь как есть.

Он похлопал юношу по здоровому плечу.

– Справишься одной рукой?

– Да.

– Славный мальчуган. Вот, – добавил он, бросив мне засаленную тряпку. – Перевяжи ему руку, да поскорее. Мы выезжаем немедленно. Приведите лошадей, – приказал он Мурте и Руперту.

Я с отвращением повертела тряпку в руках.

– Я не могу это использовать, – сказала я. – Тряпка грязная.

Великан Дугал схватил меня за плечо; его темные глаза находились в нескольких дюймах от моих.

– Ты сделаешь это, – сказал он.

И оттолкнув меня, зашагал к двери вслед за двумя своими приспешниками. Я была немного ошарашена, однако решила выполнить приказ и перебинтовать плечо раненого по возможности хорошо. Моя медицинская совесть не позволяла использовать грязный платок для перевязки. Надо было найти что-то получше, и, забыв о страхе, я стала перебирать тряпки на столе – напрасно. Тогда я решила оторвать край своей комбинации из вискозы – отнюдь не стерильной, но все же чище того, что оказалось под рукой. Полотно на рубашке моего пациента было старое и изношенное, но на удивление плотное. Не без труда я оторвала рукав и кое-как соорудила из него перевязь. Отступила немного назад, чтобы оглядеть результаты своей работы, и наткнулась спиной на Дугала: он незаметно вошел в комнату и наблюдал за моими манипуляциями.

Перевязка ему понравилась.

– Неплохая работа, барышня. Идем, все готово. – Он дал женщине монету и вывел меня из коттеджа.

Джейми, все еще очень бледный, последовал за нами. Поднявшись со скамейки, мой пациент обнаружил высокий рост, он был на несколько дюймов выше весьма рослого Дугала.

Чернобородый Руперт и Мурта держали на дворе шесть лошадей и ласково говорили им что-то по-гэльски.

Луны не было, но в свете звезд металлические части сбруи поблескивали, словно ртуть. Я подняла голову и изумленно замерла: никогда еще я не видела такого количества звезд. Опустив глаза и окинув взглядом окрестный лес, я поняла, в чем дело. Ни один город здесь не бросал на небо отсвет своих огней, и звезды утвердили безраздельное господство над ночью.

И тут я замерла; другой холод, посильнее ночной прохлады, пробежал по телу. Никаких городских огней... Женщина в доме спросила: «Какой город?» За годы войны я привыкла к затемнениям и воздушным налетам, и поначалу отсутствие света не встревожило меня. Но сейчас мирное время, и огни Инвернесса должны быть видны издалека.

В темноте фигуры мужчин утратили четкие контуры, превратившись в бесформенную массу. Я подумала о том, чтобы ускользнуть в лес, но Дугал, будто прочитав мои мысли, схватил меня за локоть и подтолкнул к лошадям.

– Джеймс, садись в седло, – сказал Дугал. – Девушка поедет с тобой.

Он стиснул мой локоть.

– Ты можешь держать поводья, если Джеймс не справится с одной рукой, но следи за тем, чтобы не отставать. Если будешь коленца выкидывать, перережу глотку. Поняла?

Я только кивнула – горло стало сухим, как наждачка, и я не могла сказать ни слова. Голос у Дугала был спокойный, но я верила каждому слову. «Выкидывать» я ничего не собиралась – попросту не знала, что можно сделать. Я не знала, где я, кто мои спутники, почему мы уезжаем в такой спешке и куда держим путь, – не было ни одной причины, почему бы я хотела ехать с ними. Я тревожилась о Фрэнке, который, конечно, давным-давно заметил мое исчезновение и начал меня разыскивать, но упоминать о нем было, пожалуй, бессмысленно.

Дугал, как видно, прочел ответ на моем лице, потому что отпустил мою руку и наклонился ближе. Я стояла, глупо уставившись на него, а он прошипел:

– Вашу ногу, барышня! Дайте вашу ногу! – Потом уже раздраженно: – Левую ногу, левую!

Я поспешно исправила ошибку, убрала правую ногу и поставила ему на руку левую, а он, ворча себе под нос, помог мне забраться в седло и усадил позади меня Джейми, который приобнял меня здоровой рукой.

При всей нелепости и дикости ситуации я была тем не менее признательна молодому шотландцу за тепло. От него пахло лесом, кровью, невымытым мужским телом, однако ночная прохлада забиралась под тонкое платье, и я была рада покрепче прижаться к нему.

Мы почти бесшумно двигались сквозь звездную ночь, только уздечки позвякивали чуть слышно. Мужчины не говорили между собой, будучи настороже. Едва мы выбрались на дорогу, лошади перешли на рысь; меня жутко трясло в седле, так что желание поболтать отсутствовало, даже если бы нашлись охотники.

Мой спутник, казалось, не испытывал дискомфорта, несмотря на то что правая рука у него не работала. Его бедра прижимались к моим, и я чувствовала, как он поочередно расслабляет и напрягает их, управляя лошастью. Я вцепилась в край седла, чтобы удержаться на месте; мне прежде приходилось ездить верхом, но я и в подметки не годилась такому наезднику, как Джейми.

Спустя какое-то время мы остановились на перекрестке, Дугал и лысый начали о чем-то негромко совещаться. Джейми тем временем бросил поводья коню на шею и пустил его на обочину пощипать траву, сам же принялся ерзать и крутился в седле.

– Осторожнее, – предупредила я. – Не вертите так, повязка соскочит. Чем это вы заняты?

– Пытаюсь размотать плед, чтобы укрыть вас, – ответил он. – Вы дрожите. Но одной рукой никак не управиться. Вы можете мне расстегнуть брошь?

Повозившись немного, мы наконец высвободили плед. После этого Джейми на удивление быстрым и ловким движением набросил плед себе на спину, а концы опустил мне на плечи и заткнул под край седла. Таким образом мы с ним оказались тепло укутаны.

– Ну вот! – сказал Джейми. – Мы вовсе не хотим заморозить вас по дороге.

– Спасибо! – от всей души поблагодарила я. – Но куда же мы едем?

Я не видела его лица, поскольку он сидел у меня за спиной. Он немного помолчал, потом коротко рассмеялся и сказал:

– Честно говоря, я не знаю. Полагаю, мы оба узнаем, когда прибудем на место.

В очертаниях окружающей местности мне почудилось что-то знакомое. Я определенно уже когда-то видела этот громадный скальный массив, напоминающий хвост петуха.

– Кокнаммон-Рок! – воскликнула я.

– Так и есть, – отозвался мой спутник, не особенно удивленный моим открытием.

– Но разве англичане не устраивают там засады? – спросила я, припомнив нудные подробности местной истории, которыми Фрэнк пичкал меня всю неделю. – Если поблизости есть английский патруль... – Тут я запнулась.

Если поблизости есть англичане, мне не стоит привлекать к этому факту внимание. И если где-то здесь нас ждет засада, то я вообще-то неотделима от Джейми, с которым мы закутаны в один плед. Я снова вспомнила о капитане Рэндолле и невольно вздрогнула. Все, что произошло после того, как я вошла в промежуток между двумя плитами хенджа, приводило к единственно возможному, но невероятному выводу: человек, встреченный мной в лесу, – прадед Фрэнка в шестом колене. Все во мне восставало против такого вывода, но факты – вещь упрямая.

Поначалу я вообразила, что вижу необычайно яркий сон, но поцелуй Рэндолла – грубый, циничный и вполне реальный, развеял мою надежду. В равной степени не был иллюзорным и удар Мурты по голове: шишка ныла так же ощутимо, как и натертые седлом ноги. А кровь... Я довольно видела крови, и, разумеется, она могла мне присниться, но запах крови, исходящий от человека, сидевшего рядом на лошади, не мог быть сном: я чувствовала его – теплый и отдающий медью.

Джейми, причмокнув губами, подогнал своего коня поближе к Дугалу и негромко заговорил с ним по-гэльски. Лошади пошли медленнее.

По сигналу предводителя Джейми, Мурта и лысый отстали, а остальные двое прищиприли коней и галопом пустились направо, к скалам, виднеющимся примерно в четверти мили. Взошел месяц, осветив даже листья мальв у дороги, но темные тени в просветах между камнями могли скрывать что угодно.

Едва галопирующие всадники поравнялись со скалами, как сверкнул огонь и из-за камней громыхнул мушкетный выстрел. Позади меня раздался леденящий душу вопль, лошадь рванулась вперед, словно ее хлопнули по крупу. Мы понеслись к скалам по вересковой пустоши, Мурта и все остальные рядом с нами, в ночном воздухе летели крики и возгласы, от которых волосы вставали дыбом.

Испугавшись, я прижалась к лошадиной шее. Неожиданно Джейми свернул к высокому кусту дрока, ухватил меня поперек туловища и бесцеремонно швырнул прямо в куст. После чего развернулся и погнал лошадь, огибая скалы с южной стороны. Я успела разглядеть пригнувшегося к седлу всадника, и лошадь скрылась в тени. Когда она появилась вновь, в седле было пусто.

Скалы стояли, укрытые тенями; до меня доносились крики и одинокие мушкетные выстрелы, но я не могла разглядеть, двигались ли там люди, или то раскачивались чахлые дубки, которые торчали среди камней.

Из куста я выбралась не без труда, пришлось вытаскивать колючие ветки из платья и волос. Я лизнула ссадину на руке и стала размышлять, что же, черт побери, мне предпринять. Дождаться их здесь? Если шотландцы победят или хотя бы выживут, они, вероятно, вернутся за мной. Если нет, то меня могут обнаружить англичане, и тогда они решат, что, раз я была вместе с шотландцами, я на их стороне или в сговоре с ними. В каком сговоре, я не знала, но из разговоров в коттедже стало ясно, что сговор этот англичанам очень не нравится.

Вероятно, разумнее всего не присоединяться ни к одной из сторон. В конце концов, теперь я знала, где нахожусь, и могу вернуться в известный мне город или деревню, даже если придется всю дорогу идти пешком. И я решительно направилась к дороге, то и дело натываясь на гранитные наросты – незаконные отпрыски Кокнаммон-Рока.

Лунный свет искажал перспективу; все виделось ясно, но казалось двумерным и плоским – сухие листья и камни казались одинаково высокими, и я то задирала ногу над несуществующим препятствием, то врезалась в торчащий из земли камень.

Звуки столкновения утихли к тому времени, как я добралась до дороги. Я понимала, что здесь меня хорошо видно, но нужно было идти, если я хотела попасть в город. Я плохо ориентируюсь в темноте и не могу определять свое местоположение по звездам, Фрэнк не научил меня этому. От мыслей о Фрэнке захотелось рыдать, и я постаралась отвлечься, раздумывая над тем, что случилось во второй половине дня.

Это казалось непостижимым, однако все говорило о том, что я нахожусь в каком-то месте, где все еще сохраняются обычаи восемнадцатого века. Можно было бы принять происходящее за костюмированное представление, если бы не рана Джейми. Она явно стала следствием чего-то, похожего на пулю от мушкета. И поведение мужчин в коттедже не слишком напоминало актерскую игру. То были серьезные люди с настоящим холодным оружием.

Может, это какой-то анклав, община, где местные жители периодически занимаются исторической реконструкцией? Я слышала, что такое делают в Германии, но ни разу – в Шотландии. К тому же, как мне ядовито подсказала рациональная часть мозга, никто и никогда не слышал о том, чтобы актеры стреляли друг в друга из мушкетов.

Я оглянулась назад, чтобы понять, как далеко я ушла, потом посмотрела вперед, на линию горизонта, – и меня зазнобило. Впереди я не видела ничего, кроме верхушек сосен, непроглядно черных на фоне усыпанного звездами неба. Где же огни Инвернесса, куда они делись? Если позади меня Кокнаммон-Рок – а это именно так, – то Инвернесс находится примерно в трех милях к юго-западу. На таком расстоянии должно быть видно зарево городских огней в небе.

Меня трясло, я обхватила себя ладонями за локти, чтобы немного согреться. Допустив на мгновение совершенно безумную мысль, что я не в своем, а каком-то ином времени, я напомнила себе, что Инвернессу все-таки шестьсот лет, стало быть, он уже существует. Но его огней не видно. В отсутствие электричества их и не может быть. Вот еще одно доказательство, только нужно ли оно? И доказательство чего, собственно говоря?

Темная фигура человека выросла передо мной так неожиданно, что я едва не врезалась в него. Подавив вскрик, я повернулась, чтобы убежать, но большая рука ухватила меня за предплечье и остановила.

– Не пугайтесь, девушка. Это же я.

– Именно этого я и боялась, – отрезала я, хоть на самом деле испытала облегчение от того, что это Джейми.

Я опасалась его меньше, чем остальных мужчин, пусть даже он выглядел не менее грозно, чем они. Но он совсем молодой, кажется, даже моложе меня. Кроме того, довольно трудно бояться того, кто стал твоим пациентом.

– Надеюсь, вы берегли свое плечо, – заговорила я тоном госпитальной матроны; может, выступая в роли старшей, мне удастся убедить его отпустить меня.

– С этой заварушкой получилось не очень, – заявил он, растирая плечо другой рукой.

В ту же минуту он шагнул на залитый лунным светом пятачок, и я увидела на его рубашке огромное пятно крови. Артериальное кровотечение? Но тогда как он до сих пор стоит на ногах?

– Вы ранены! – воскликнула я. – Ваша прежняя рана открылась или это свежая? Сядьте и дайте мне посмотреть.

Я подтолкнула его к груде камней, лихорадочно припоминая способы оказания первой помощи в полевых условиях. И ничего нет под рукой, кроме одежды. Я уже потянулась за остатками подола своей комбинации, чтобы сделать жгут и остановить кровотечение, но тут Джейми рассмеялся.

– Да нет, за это не беспокойтесь. Кровь не моя. Во всяком случае, большая часть, – сказал он, осторожно отделяя от своего тела питавшуюся кровью ткань.

– Вот оно что, – слабым голосом прошептала я и сглотнула, потому что меня вдруг замутило.

– Дугал и остальные ждут на дороге, – продолжал Джейми. – Идем.

Он потянул меня за руку – отнюдь не из любезности, а скорее чтобы принудить следовать за ним. Я решила испытать судьбу и уперлась покрепче каблуками в землю.

– Нет! Я с вами не пойду!

Он остановился, удивленный сопротивлением.

– Да нет, пойдете.

Нельзя сказать, что мой отказ его рассердил, скорее развеселил – как это я посмела возражать против очередного похищения.

– А если я откажусь? Перережете мне глотку? – спросила я, провоцируя его.

Джейми подумал, оценивая ситуацию, и ответил спокойно:

– Конечно, нет. Вы не тяжелая. Если не пойдете сами, переброшу вас через плечо и понесу. Хотите, чтобы я так и сделал?

Он шагнул ко мне, и я поспешно отступила. Я ничуть не сомневалась, что он так и поступит, несмотря на ранение.

– Нет! Вам нельзя, вы снова повредите сустав.

Лицо его было скрыто в тени, но в лунном свете сверкнула улыбка.

– Ладно, если вы не хотите, чтобы я повредил сустав, значит, пойдете со мной.

Я не знала, что ему ответить. Он снова крепко взял меня за руку, и мы пошли к дороге.

Джейми поддерживал меня, когда я спотыкалась о камень или кочку. Сам он шагал по неровной вересковой пустоши так уверенно, словно шел по шоссе ясным днем. Я с раздражением подумала, что у него зрение как у кошки, потому он и нашел меня в темноте.

Остальные, как и обещал Джейми, ждали с лошадьми неподалеку. Очевидно, из заварушки они вышли без потерь – все были на месте. Кое-как, не заботясь о том, чтобы быть грациозной, я вскарабкалась на лошадь и плюхнулась в седло. Нечаянно ткнула головой Джейми в больное плечо, и он со свистом втянул в себя воздух от боли.

Подчеркнутой официальностью тона и некоторым высокомерием я постаралась выразить свою обиду на него за то, что меня снова взяли в плен, и досаду из-за того, что невольно причинила боль раненому.

– Так вам и надо, шатаетесь по округе, выслеживаете людей. Я велела вам не напрягать больной сустав. Наверняка теперь у вас порваны мышцы или связки, да еще новые синяки в придачу.

Его, казалось, насмешила моя суровость.

– Ну, у меня особого выбора-то не было. Если бы я работал этим суставом, мне, скорее всего, не было бы нужды вообще хоть чем-то двигать в итоге. Я могу справиться одной рукой с одним, а то и с двумя красномундирными, – заявил он не без гордости, – но с тремя, пожалуй, нет. А кроме того, – он слегка притянул меня к себе, и я прижалась спиной к его пропитанной кровью рубашке, – вы заново вправите мне кость, когда мы прибудем на место.

– Это вы так считаете, – холодно ответила я и отодвинулась от липкой ткани.

Джейми причмокнул губами, понукая лошадь, и мы тронулись. Все мужчины были в приподнятом настроении после стычки, шутили и смеялись. Мой вклад – предупреждение о засаде, точнее, о ее возможности, – оценили сверх всякой меры и пили за мое здоровье из фляжек. Мне тоже предложили выпить, но я отказалась, объяснив это тем, что хочу сидеть в седле трезвой. Из разговора я поняла, что произошла перестрелка с небольшим английским отрядом, вооруженным саблями и мушкетами.

Джейми тоже протянули фляжку, и до меня донесся теплый ароматный запах, когда он начал пить. Я не страдала от жажды, но от напитка тянуло медом, и это напомнило мне, что я сильно и давно голодна. В животе, видимо, в знак протеста против моего безрассудного невнимания к таким важным вещам, раздалось громкое урчание.

– Эй, Джейми, парень? Ты что, голоден? Или волюнку захватил с собой? – крикнул Руперт, ошибившись с источником звука.

– Готов даже волюнку съесть, – отозвался Джейми, галантно отведя от меня подозрения. Через минуту он протянул мне фляжку.

– На, глотни, – шепнул он. – Сытости он не добавит, но голод немного притупит.

Я надеялась, что притупит не только голод. Взболтнула жидкость во фляжке и сделала глоток.

Мой спутник оказался прав: виски зажег небольшой теплый огонек у меня в желудке, чуть умирив чувство голода. Несколько миль мы проехали без приключений, поочередно совершая повороты при помощи поводьев и прихлебывая виски. Однако возле развалин какого-то дома дыхание моего спутника изменилось – стало прерывистым и тяжелым. Наш баланс в седле, до сих пор сопровождавшийся мерным покачиванием, внезапно нарушился. Движения стали случайными и резкими. Я занервничала, уж если я не опьянела, то Джейми и подавно не должен был.

– Стоп! На помощь! – закричала я через минуту. – Он падает!

Я отлично помнила, как спешила последний раз, и повторение этого опыта мне не улыбалось.

Силуэты закружились вокруг нас, взволнованно переговариваясь. Джейми, подавшись головой вперед, сполз с седла, словно мешок с камнями, к счастью – прямо кому-то на руки. Все остальные тотчас спешили и уложили Джейми на землю, пока я спускалась.

– Он дышит, – сообщил кто-то.

– Весьма отрадно, – буркнула я ядовито, поспешно нащупывая пульс.

Через какое-то время я его обнаружила; сердце билось часто, но сильно. Положив руку Джейми на грудь и прильнув ухом к его губам, я почувствовала, что дышит он ровно, без напугавших меня перебоев и хрипоты. Я выпрямилась.

– Я думаю, это просто обморок, – сказала я. – Положите ему под ноги седельную сумку и дайте воды.

К моему удивлению, все мои просьбы выполнялись стремительно. Юноша, как видно, был им дорог. Он застонал и открыл глаза, два темных провала в свете звезд. Лицо в этом бледном и неверном свете напоминало череп, белая кожа туго обтягивала скулы и глазницы.

– Я в порядке, – произнес Джейми и попытался сесть. – Просто закружилась голова.

Я уперлась ладонью ему в грудь и заставила вернуться в лежачее положение.

– Лежите смирно, – приказала я и, ощупав плечо и грудь, повернулась к темной фигуре, в которой угадала Дугала, их предводителя. – Рана от пули снова кровоточит, к тому же этого идиота полоснули ножом. Полагаю, что порез не опасный, но он потерял очень много крови. Рубашка насквозь мокрая, и я не знаю, сколько из этой крови его. Ему нужен отдых, нам придется побыть тут хотя бы до утра.

Темная фигура отрицательно мотнула головой.

– Нет. Мы достаточно далеко от гарнизона, оттуда опасности можно не ждать, но нельзя забывать про патрули. Ехать нам еще не меньше пятнадцати миль.

Дугал запрокинул голову к небу, чтобы определить время.

– Сейчас не меньше пяти часов, даже, пожалуй, ближе к семи. Мы можем задержаться тут ненадолго, подождать, пока вы остановите кровотечение и перевяжете рану, но не дольше.

Я принялась за дело, ругаясь себе под нос, а Дугал распорядился, чтобы один из мужчин держал лошадей и наблюдал за дорогой. Остальные отдыхали, потягивая из фляжек виски и тихо переговариваясь. Мурта помогал мне – рвал ткань на полоски, подавал воду и приподнимал раненого, которому запрещено было двигаться самостоятельно, хотя он бурчал, что в порядке и все это ни к чему.

– Вы не можете быть в порядке, вы, естественно, не в порядке, – отрезала я, давая волю страху и раздражению. – Каким придурком надо быть, чтобы, получив серьезное ножевое ранение, просто проигнорировать его? Вы не могли сказать, что у вас сильное кровотечение? Вам повезло, что вы не умерли, шастая по окрестностям всю ночь, затевая ссоры и драки. Да еще с лошади свалился... лежи смирно, чертов дурень!

Полосы вискозы с комбинации и полотна, которые я была вынуждена использовать, куда-то все время ускользали в темноте, словно живая рыба, выскакивали из пальцев – сверкнет серебристым брюшком и уйдет на глубину. Несмотря на холод, пот струйками стекал по спине.

Наконец, с великим трудом я завязала один узел спереди и потянулась за последней полоской, уползшей за спину.

– Где же он... вы... о чертов ублюдок, что же ты натворил! – Джейми шевельнулся, и первый узел развязался.

На мгновение воцарилась мертвая тишина.

– Господи Иисусе, – проговорил Руперт, – никогда не слышал, чтобы женщина так ругалась.

– Ты, видно, никогда не встречался с моей теткой Гризелой, – произнес чей-то голос, вызвав взрыв хохота.

– Твой муж наказал бы тебя, женщина, – донесся строгий голос из-под дерева. – Святой Павел говорит: «Принуди женщину к молчанию и...»

– Не лезьте, черт побери, не в свое дело, – огрызнулась я, чувствуя, как пот стекает за уши. – И святой Павел тоже.

Я вытерла рукавом лоб.

– Поворачивайте его на левый бок. А вы, – обратилась я к своему пациенту, – если вы шевельнете хоть пальцем, пока я завязываю этот узел, я вас задушю!

– Понятно, – кротко отозвался он.

Я слишком сильно потянула последний бинт за концы, и он выскочил у меня из рук.

– Чтоб его к дьяволу в пекло унесло! – прорычала я, от злости и досады ударив кулаком по земле.

Снова повисла тишина, потом, пока я нащупывала в темноте вертлявый бинт, прозвучал новый комментарий относительно моей манеры выражаться.

– Может, ее следует отослать в монастырь Святой Анны, Дугал, – предложил некто, сидящий на корточках у дороги. – Я не слышал, чтобы Джейми ругался по дороге с побережья, а ведь он, бывало, позволял себе такое, от чего даже матрос покраснеет. Четыре месяца в монастыре сделали свое дело. Ты теперь даже имя Божие не произносишь всуе, а, парень?

– Ты бы тоже не произносил, если бы на тебя наложили епитимью и заставили в феврале целых три часа лежать на каменном полу часовни после полуночи в одной рубашке, – ответил мой пациент.

Мужчины расхохотались, а Джейми продолжал:

– Епитимья-то была на два часа, остальное время я потратил на то, чтобы подняться с пола. Я уж решил было, что мои... то есть я думал, что примерз к плитам, но оказалось, просто одеревенел от холода.

Он явно чувствовал себя лучше. Я невольно улыбнулась, но произнесла как можно строже:

– Веди себя тихо, а не то получишь.

Он осторожно коснулся повязки, но я убрала его руку.

– Угрозы? – он изобразил удивление. – Подумать только, а ведь я делил с тобой выпивку!

Фляжка обошла мужчин по кругу. Дугал опустил на колени рядом со мной и протянул фляжку раненому, чтобы тот хлебнул из нее. Из горлышка ударил запах очень крепкого виски, и я отодвинула ее рукой.

– Не надо больше алкоголя, – сказала я. – Ему нужен чай, в крайнем случае вода, но ни в коем случае не спиртное.

Дугал, не обращая на меня внимания, налил порядочную порцию виски раненому прямо в рот. Джейми закашлялся. Подождав ровно столько, сколько нужно было парню, чтобы отдышаться, Дугал повторил процедуру.

– Прекратите же! – Я снова потянулась к фляжке. – Вы что, хотите напоить его так, чтобы он на ноги не мог встать?

Меня грубо оттолкнули локтем.

– А она у нас горячая штучка! – вставил мой пациент весело.

– Не лезь не в свое дело, женщина, – резко произнес Дугал. – Нам предстоит долгая дорога, и ему понадобится вся сила, которую может дать выпивка.

Когда перевязка закончилась, раненый попытался сесть.

Я уложила его обратно и коленом придавила к земле.

– Не двигайтесь! – яростно приказала я, ухватила Дугала за подол килта и дернула изо всех сил так, что он снова опустился на колени рядом со мной. – Взгляните вот на это, – предложила я тоном строгой палатной сестры и сунула ему в руку мокрую и липкую от крови рубашку Джейми, вернее, ее обрывки.

Дугал с отвращением отбросил окровавленные тряпки.

Тогда я положила его ладонь раненому на плечо.

– Чувствуете? У него резаная рана трапециевидной мышцы.

– Это меня штыком, – пояснил Джейми.

– Штыком! – воскликнула я. – А почему вы мне об этом не сказали?

Он пожал плечами, но тотчас негромко застонал от боли.

– Я почувствовал, как он ткнул меня, но не знал, насколько сильно. Болело не очень.

– А сейчас болит?

– Болит, – коротко ответил он.

– Прекрасно, – заявила я, окончательно выйдя из себя. – Вы это заслужили. Будете знать, как носиться по горам, похищать молодых женщин, у-убивать людей, и...

Я почувствовала, что слезы рвутся наружу, и замолчала, стараясь овладеть собой.

Дугал окончательно потерял терпение:

– Ладно, ты можешь сидеть верхом, парень?

– Он никуда не может ехать! – запротестовала я. – Он должен быть в больнице. Конечно же, он не может...

На мои протесты, как и прежде, не обратили никакого внимания.

– Ты можешь ехать верхом? – повторил Дугал свой вопрос.

– Да, если вы уберете барышню у меня с груди и дадите мне чистую рубашку.

Глава 4

Я прибываю в замок

Остаток путешествия прошел непримечательно, если вам не кажется примечательной ночная поездка верхом по пересеченной местности и бездорожью, в обществе вооруженных мужчин в килтах и на одной лошади с раненым. По тем стандартам, к которым я уже начала привыкать, все это не выходило за рамки обыденности.

Светлые полосы занимающейся зари протянулись над погруженной в ночной туман вересковой пустошью. Конечный пункт нашей поездки возник впереди в виде огромной массы темного камня, обведенной серой каймой света.

Окрестности уже не были тихими и пустынными. Цепочка плохо одетых людей тянулась по направлению к замку. Они отступали на обочину, чтобы пропустить нашу процессию, и с любопытством рассматривали мое одеяние, явно казавшееся им странным.

Густой туман еще не рассеялся, но было достаточно света, чтобы разглядеть каменный мост, перекинутый через неширокий поток, бежавший мимо замка вниз к поблескивающему в четверти мили озеру.

Очертания замка казались грубыми. Никаких резных башенок или зубчатых стен. Он походил на хорошо укрепленный дом с толстыми каменными стенами и высокими узкими окнами. Несколько труб дымились над гладкой черепичной крышей, усиливая общее впечатление серости.

Ворота замка были достаточно широки: в них свободно могли проехать две телеги одновременно. Я могу это утверждать без опасения преувеличить, потому что именно это и случилось, когда мы въехали на мост. Одна телега, запряженная волами, была нагружена бочками, вторая – сеном. Наш небольшой отряд застрял на мосту, дожидаясь, пока телеги завершат свои маневры.

Когда лошади ступили на скользкие каменные плиты двора, я решила задать вопрос. Я не обменялась со своим попутчиком ни единым словом с того самого момента, когда переязала его на дороге. Он, как и я, молчал, если не считать стонов, когда оступалась лошадь.

– Где мы? – спросила я голосом, хриплым от холода и долгого молчания.

– У ворот Леоха, – коротко ответил Джейми.

Замок Леох. Теперь я по крайней мере знаю, где мы. В моем времени он представлял собой живописные руины милях в трех от Баргрэннана. В нынешнем состоянии он, несомненно, стал еще живописнее благодаря свиньям, копошащимся у стен башни, и вездесущей вони нечистот. Я начала, наконец, мириться с невероятной мыслью о том, что попала в восемнадцатый век.

Я была абсолютно уверена, что в Шотландии 1945 года нет подобной грязи и антисанитарии, даже после бомбежек. А мы точно в Шотландии: местный говор не оставлял никаких сомнений.

– Эй, Дугал! – крикнул потрепанный конюх, подбегая, чтобы забрать коня у предводителя. – Ты рано вернулся, мы и не ждали тебя до собрания.

Руководитель нашей маленькой группы соскочил на землю, бросив поводья неопрятному юнцу.

– Да, это хорошо, нам повезло и на доброе, и на дурное. Я хочу сразу же увидеть брата. Можно ли вызвать миссис Фиц, чтобы она покормила ребят? Им нужен завтрак и отдых.

Он кивком приказал Мурте и Руперту следовать за ним, и они вошли под стрельчатую арку.

Мы спешили и добрых десять минут стояли на мокром дворе, дожидаясь миссис Фиц, кто бы она там ни была. Орава любопытных ребятишек собралась вокруг нас, высказывая раз-

ные гипотезы о том, кто я такая и зачем приехала. Самые нахальные набрались смелости подергать меня за платье, но тут из дома вышла высокая полная леди в темно-коричневом домотканом платье и прогнала их.

– Уилли, милый ты мой! – воскликнула она. – Как я рада тебя видеть! И Недди!

Она приветствовала маленького лысого человечка сердечным поцелуем, от которого он едва не упал.

– Я думаю, вам нужен завтрак. В кухне все готово, идите поешьте.

Повернувшись затем ко мне и Джейми, она ошеломленно попятилась, словно ее укусила змея. Разинув рот, она глядела на меня, потом перевела взгляд на Джейми, ожидая объяснений.

– Клэр. – Он кивком указал на меня. – А это миссис Фицгиббонс, – добавил он, кивнув на нее. – Мурта нашел ее вчера, и Дугал сказал, что мы должны взять ее с собой.

Таким образом он дал понять, что он ни при чем.

Миссис Фицгиббонс закрыла рот и принялась изучать меня оценивающим взглядом. Должно быть, она пришла к заключению, что я безопасна, несмотря на странное появление, потому что улыбнулась – приятной улыбкой, хотя в ней и не хватало нескольких зубов. Протянула мне руку.

– Очень приятно, Клэр. Добро пожаловать. Пойдемте, и мы найдем для вас что-нибудь более... ммм...

Она посмотрела на мое короткое платье и чудные туфли и покачала головой.

Она уже повела меня твердой рукой, когда я вспомнила о своем пациенте.

– Подождите, пожалуйста! Я забыла про Джейми.

Миссис Фицгиббонс удивилась:

– Что вы, Джейми сам о себе позаботится. Он знает, где найти еду, кто-нибудь приготовит ему постель.

– Но он ранен. Сначала пулей, а ночью еще и штыком. Я перевязала рану наспех, чтобы он мог ехать верхом, но у меня не было возможности промыть ее как следует и перевязать по-человечески. Я должна сделать это сейчас, пока в раны не попала инфекция.

– Инфекция?

– Ну да, воспаление, понимаете? Гной, покраснение и лихорадка.

– А, вот оно что, теперь ясно. Вы хотите сказать, что умеете все это? Значит, вы знахарка? Как Битон?

– Нечто вроде того.

Я понятия не имела, кто такой Битон, но у меня не было желания обсуждать с кем-то свою медицинскую квалификацию, стоя на сыром и холодном дворе. Миссис Фицгиббонс, очевидно, была женщиной сообразительной, потому что подозвала Джейми, который уже плелся в противоположном направлении, взяла его за руку и повела нас обоих в замок.

После долгой прогулки по тесным холодным коридорам, слабо освещенным светом из узких окон, мы пришли в большую, красиво обставленную комнату, где стояли кровать и несколько стульев и где – слава богу – горел камин.

Я на время забыла о своем подопечном и пошла греть руки. Миссис Фицгиббонс, явно нечувствительная к холоду, усадила Джейми на стул у огня и осторожно сняла с него остатки изорванной рубашки, заменив их теплым пледом с кровати. Она раскудаhtалась над его плечом, посиневшим и распухшим, и потрогала мою нелепую перевязку.

Я отвернулась от огня.

– Я думаю, повязку надо отмочить и снять, а рану промыть раствором... таким раствором, который предотвратит лихорадку.

Из миссис Фицгиббонс вышла бы прекрасная сестра.

– Что вам понадобится? – спросила она просто.

Я призадумалась. Чем пользовались люди для обеззараживания, когда не было антибиотиков? Особенно в простецком шотландском замке чуть ли не на рассвете!

– Чеснок! – радостно воскликнула я. – Чеснок и еще волшебный орех⁶, если он у вас есть. Понадобятся чистые полотна ткани и котелок, чтобы вскипятить воду.

– Хорошо, хорошо, с этим мы справимся. А не стоит ли заварить укрепляющий чай из ромашки? Мальчик выглядит так, словно ночь выдалась трудной.

Молодой человек и в самом деле шатался от слабости, настолько измученный, что даже не протестовал, когда мы обсуждали его, словно какой-то предмет.

Миссис Фицгиббонс быстро вернулась, неся в подоле фартука головки чеснока, матерчатые мешочки с сухими травами и разорванное на длинные полосы старое полотно. На той же пухлой руке, которой она поддерживала край фартука, висел небольшой черный котелок, а в другой она держала большую бутылку с водой.

– Скажите мне, милая моя, чем еще я могу помочь? – бодро спросила миссис Фицгиббонс.

Я попросила ее поставить котелок с водой на огонь и почистить чеснок, а сама обследовала содержимое мешочков с травами. Я нашла и волшебный орех, и другие нужные для чая травы, а также нечто, по вкусу напоминавшее вишневую кору.

– Обезболивающее, – радостно бормотала я, припоминая бесценные теперь рассказы мистера Крука о травах.

Я опустила в кипящую воду очищенный чеснок и волшебный орех, а также несколько лоскутов. Укрепляющий чай настаивался в маленькой кастрюльке возле огня. Все эти приготовления немного успокоили меня. Я все еще не знала точно, где и почему нахожусь, но знала хотя бы, чем буду заниматься в ближайшие четверть часа.

– Благодарю вас, миссис Фицгиббонс, – сказала я как можно уважительнее. – Теперь я справлюсь сама, если у вас есть другие дела.

Грудь великанши заколыхалась от смеха.

– Девочка моя, дел у меня по горло! Я пошлю вам сюда похлебки. Если что понадобится, зовите.

Она покатила к выходу с неожиданным проворством и скрылась за дверью.

Я снимала повязку как можно осторожнее. Накладка из вискозы прилипла к ране и отставала с легким хрустящим звуком из-за подсохшей крови. Капли свежей крови медленно проступали по краям раны, и я попросила у Джейми прощения за то, что причиняю ему боль, хотя он не пошевелился и не издал ни звука.

Он слегка улыбнулся – даже не без кокетства, игриво.

– Не волнуйтесь, барышня. Мне причиняли боль сильнее, и делали это люди куда менее красивые.

Он наклонился вперед, чтобы мне удобнее было обмывать рану отваром чеснока, плед соскользнул с его плеч.

Тут я воочию убедилась, что его слова были правдой: ему причиняли невероятную боль. Верхнюю часть спины сплошь испещряли пересекающиеся побелевшие рубцы. Его жестоко пороли, и не один раз. В тех местах, где рубцы пересекались, образовалась серебристая келоидная ткань, а там, где кнут попадал дважды в одно и то же место, виднелись пятна и даже углубления в коже.

Я, разумеется, повидала на своем веку всякое, работая военной медсестрой, но в рубцах, увиденных сейчас, было нечто особенно жестокое. Мое дыхание, как видно, выдало волнение,

⁶ Волшебный орех (гамамелис виргинский) – кустарник с желтыми цветами; плоды настаивают на спирту и настойку используют как антисептическое и вяжущее средство.

потому что Джейми обернулся и перехватил мой ошеломленный взгляд. Он пожал здоровым плечом.

– Красные мундиры. Выпороли меня дважды за одну неделю. Они сделали бы это дважды и в один день, но побоялись, что я умру. А что за радость пороть мертвого?

Продолжая промывать рану, я заговорила как можно ровнее:

– Не поверила бы, что существуют люди, которые делают подобные вещи с радостью.

– Да ну? А ведь вы его видели.

– Кого?

– Капитана красных мундиров, который исполосовал мне спину. Если он и не радовался в нормальном смысле, то уж точно был очень собой доволен. Куда больше, чем я, – добавил он с кривой усмешкой. – Его имя Рэндолл.

– Рэндолл!

Я не могла скрыть потрясения.

Холодные голубые глаза пристально изучали меня.

– Вы с ним знакомы?

В голосе Джейми звучало подозрение.

– Нет-нет! Очень давно я знала семью с такой фамилией. Давным-давно. – Разнервничавшись, я уронила тряпку, которой очищала рану. – Вот досада, придется ее снова кипятить!

Я подняла тряпку с пола и поспешила к камину, пытаясь за деловитостью скрыть смущение. Неужели именно этот капитан Рэндолл и есть предок Фрэнка с безупречным послужным списком, любимчик герцогов и прочей знати, любезный и вежливый даже во время сражений? Мог ли родственник моего нежного и доброго Фрэнка в любом колене нанести столь ужасающие увечья?

Я хлопотала у огня, добавляя в воду чеснок и волшебный орех, окуная в настой тряпки и изо всех сил стараясь овладеть собой. Решив, что уже могу держать под контролем голос и выражение лица, я вернулась к Джейми.

– За что вас пороли? – спросила я.

Вряд ли это прозвучало тактично, однако мне необходимо было знать, а сформулировать вопрос деликатнее мешала усталость.

Он вздохнул и беспокойно повел плечом, которым я занималась. Он тоже очень устал, и я, без сомнения, делала ему больно.

– В первый раз за побег, а во второй за воровство – так они написали в списке арестованных, где перечисляют преступления.

– А откуда вы бежали?

– От англичан, – ответил он, с насмешливой улыбкой приподняв бровь. – Может, вы слышали про Форт-Уильям?

– Слышала, что он принадлежал англичанам, – в тон ему ответила я. – Чем же вы занимались в Форт-Уильяме?

Джейми свободной рукой потер лоб.

– Мне кажется, это была обструкция, так оно называется.

– Обструкция, побег, кража. Да вы и в самом деле опасный преступник! – произнесла я беззаботно, чтобы немного отвлечь его от моих манипуляций.

Это подействовало – уголок широкого рта приподнялся, и голубой глаз сверкнул на меня через плечо.

– Конечно, опасный, – сказал он. – Дивлюсь, как это вы, английская барышня, не боитесь оставаться наедине со мной.

– Ну, пока вы выглядите достаточно мирно.

Это была неправда: даже такой, без рубашки, весь в рубцах, измазанный кровью, с покрасневшими глазами и ввалившимися щеками после бессонной ночи, он производил гроз-

ное впечатление. Хоть и усталый, он, конечно, нашел бы в себе силы в случае необходимости перейти в нападение.

Он рассмеялся – на удивление веселым, заразительным смехом.

– Мирный, как голубок, – согласился он. – Я слишком голоден, чтобы угрожать чему-нибудь, кроме завтрака. Если бы поблизости бродила заблудшая лепешка, я не стал бы за себя ругаться... Ой!

– Простите, – пробормотала я. – Рваная рана, глубокая и очень грязная.

– Ничего страшного, – успокоил он меня, но даже сквозь отросшую рыжеватую щетину я заметила, что он побледнел.

Я решила продолжить разговор.

– Что такое обструкция? – спросила я. – Мне кажется, что это что-то мелкое.

Он глубоко вздохнул и сосредоточенно посмотрел на резной кроватный столбик – я как раз полезла глубже в рану.

– Ну, думаю, что у англичан это расхожая формулировка, – заговорил Джейми. – В случае со мной оно означало защиту семьи и собственности, и во время этой защиты меня чуть не убили.

Он прикусил нижнюю губу, словно не хотел больше заговаривать об этом, но потом продолжил, по-видимому, отвлекаясь таким образом от своего плеча:

– Это было года четыре назад. На поместья вблизи Форт-Уильяма наложили оброк – продовольствие для гарнизона, лошади и так далее. Нельзя сказать, что это кому-то пришлось по душе, но большинство уступили. Небольшие отряды в сопровождении офицера разъезжали по округе с телегой или двумя, собирали еду и вещи. И вот в октябре капитан Рэндолл явился в Л... – Джейми вдруг запнулся, быстро поглядел на меня и закончил: – В наш дом.

Я кивнула и сосредоточилась на работе.

– Мы не думали, что они поедут в такую даль. До форта расстояние большое, дорога непростая. Но они доехали. – Джейми прикрыл глаза. – Моего отца не было дома, он уехал на похороны в соседнее поместье. А я был в поле вместе с другими мужчинами, потому что приближалась жатва, дел полно. Моя сестра хозяйничала в доме одна, не считая двух или трех помощниц, и они все убежали наверх и попрятались, когда увидели красные мундиры. Они думали, что солдат прислал дьявол, и, говоря по правде, не так уж они ошибались.

Я отложила тряпку, которой обрабатывала рану. Самая неприятная часть работы завершена; осталось только наложить припарку – без йода и пеницилина, это было лучшее, что я могла сделать, – и хорошенько перевязать рану. Паренек не открывал глаз и, по-видимому, ничего не замечал.

– А я как раз вернулся к дому, – продолжал Джейми, – потому что мне надо было забрать из амбара часть упряжи. Услышал шум, услышал, что моя сестра кричит в доме.

– Ну?

Я постаралась произнести слово как можно спокойнее и осторожнее, но мне ужасно хотелось узнать больше о капитане Рэндолле. Пока что история Джейми не расходилась с моим первым впечатлением от него.

– Я вошел в дом через кухню и увидел, что двое шарят в кладовой и набивают ранцы мукой и беконом. Одного я ударил кулаком по голове, второго выкинул в окно вместе с ранцем и прочей амуницией. Потом я кинулся в гостиную и нашел там свою сестру Дженни и двух солдат. У Дженни было разорвано платье, у одного из солдат расцарапано лицо. – Он открыл глаза и улыбнулся невеселой улыбкой. – Я не стал задавать вопросов. Началась драка, и я вмазал бы как надо им обоим, но тут вошел капитан Рэндолл. Он остановил нас самым действенным способом – приставил к голове Дженни пистолет...

Вынужденный капитулировать, Джейми был немедленно связан солдатами. Капитан Рэндолл улыбнулся своему пленнику и сказал: «Так-так. У нас тут две злые кошки, которые цара-

паются. Надеюсь, тяжелая работа поможет исправить характер, а если не поможет, придется познакомить вас еще с одной кошкой, ее еще называют девятихвосткой. Но для иных кисок имеются у нас и другие лекарства. Что ты на это скажешь, славная кошечка?»

Джейми прервал свой рассказ и тяжело задвигал желваками.

– Он заломил Дженни руку за спину и держал ее так, – продолжил Джейми через несколько секунд. – Но тут он отпустил ее, чтобы схватить за грудь.

При воспоминании об этой сцене Джейми неожиданно усмехнулся.

– Дженни изо всех сил наступила ему на ногу, а локтем двинула прямо в живот. Он скрючился. Она извернулась и ударила его коленом в пах. – Джейми фыркнул от смеха. – Он выронил пистолет, и Дженни потянулась за ним, но один из драгун, которые держали меня, опередил ее...

Я закончила перевязку и молча стояла возле него, положив руку на здоровое плечо. Мне было нужно, чтобы он рассказал все, но я боялась, что он перестанет говорить, если вспомнит о моем присутствии.

– Когда Рэндолл пришел в себя, он приказал мундирам вывести нас обоих во двор. С меня стянули рубашку, привязали к телеге, и Рэндолл начал плашмя бить меня саблей по спине. Он разозлился, но владел собой. Бил он меня больно, но недолго. Это было не самое плохое.

Оттенок злой радости в голосе Джейми исчез, и мышцы плеча у меня под рукой напряглись.

– Он перестал бить меня и повернулся к Дженни, которую держал драгун. Он спросил, хочет ли она посмотреть еще или предпочтет зайти с ним в дом и принять его поласковее.

Плечо резко дернулось.

– Я не мог пошевеливаться, но крикнул, что мне не больно – мне действительно было не очень больно, – и чтобы она не вздумала идти, даже если мне перережут горло у нее на глазах. Она стояла позади меня, я ничего не видел, но по звуку догадался, что она вlepила ему пощечину. Следом Рэндолл схватил меня за волосы, запрокинул мне голову и приставил нож к горлу. «Я, пожалуй, последую твоей рекомендации», – прошипел он сквозь зубы и прижал лезвие к коже так, что капли крови западали в пыль под телегой...

Голос у него сделался какой-то сонный, и я подумала, что от боли и усталости он впал в подобие транса и забыл о том, что я рядом.

– Я хотел крикнуть сестре, что предпочту смерть ее бесчестью, но Рэндолл убрал кинжал с моего горла и вставил его мне между зубами. Я ничего не мог сказать.

Джейми вытер губы, словно почувствовал на них металлический привкус. Он умолк, глядя куда-то перед собой.

– А что произошло потом?

Наверное, не следовало спрашивать, но я не удержалась.

– Она пошла с ним, – отрывисто произнес он. – Она боялась, что он убьет меня, и, наверное, была права. Что случилось дальше, я тогда не узнал. Драгун ударил меня по голове прикладом мушкета. Я очнулся в телеге, связанный, окруженный курицами, меня везли в Форт-Уильям.

– Понимаю, – как можно мягче сказала я. – Простите. Наверно, это было просто чудовищно.

Он вдруг улыбнулся, и изможденность исчезла с его лица.

– О да, курицы не слишком приятная компания, особенно если дорога долгая.

Он понял, что перевязка закончена, и осторожно повел плечом, но тотчас поморщился от боли.

– Не делайте этого! – тревожно вскрикнула я. – Вам нельзя двигать плечом. Ни в коем разе.

Я окинула взглядом стол, чтобы проверить, остались ли там подходящие куски ткани.

– Сейчас прибинтую вам поврежденную руку к боку. Посидите спокойно.

Он не ответил, но заметно расслабился, когда понял, что больно не будет. У меня возникло странное ощущение близости, как будто я давно знала этого молодого шотландца. Причина, как я думала, была отчасти в личной истории, которую он мне рассказал, а частично в том, что мы долго ехали вместе, прижавшись друг к другу, в молчании, сквозь ночь. Кроме своего мужа я знала мало мужчин, но заметила, что перед близостью непременно возникало именно такое ощущение близости, словно твои смутные мысли смешиваются с его и накрывают обоих неким покрывалом безмолвного согласия. Атавизм, возврат к прошлому, должно быть. В старые, простые времена – подобные этому? – спать в присутствии другого человека считалось свидетельством высшего доверия. Если доверие было взаимным, то сон бок о бок сближал больше, чем секс.

Закончив бинтовать, я помогла Джейми натянуть рубаху из грубого льняного полотна. Он встал, заправил свободной рукой рубашку в килт и улыбнулся мне.

– Благодарю вас, Клэр. У вас легкая рука.

Мне показалось, что он хотел коснуться моего лица, но передумал и опустил поднятую руку. Кажется, он переживал то же ощущение близости, что и я. Поспешно отведя глаза, я небрежно махнула рукой: пустяки!

Только теперь я рассмотрела комнату и обратила внимание на потемневший от копоти камин, узкие незастекленные окна, тяжелую дубовую мебель. Электрических проводов нет. Полы голые.

Все это и впрямь выглядело как замок восемнадцатого века. Но как же Фрэнк? Человек в лесу походил на него внешне, но, судя по рассказу Джейми о капитане Рэндолле, у него не было ничего общего с моим ласковым, спокойным мужем. Если все происходящее реально – а я постепенно начинала это признавать, – он и в самом деле некто совершенно иной. От того, кого я знала только по генеалогическим хартиям, потомки могли и не унаследовать черт характера.

Но в первую очередь меня беспокоил Фрэнк. Если я нахожусь в восемнадцатом столетии, то где же он? Я не вернулась к миссис Бэйрд – что он будет делать? Увижу ли я его снова? Мысль о Фрэнке оказалась последней каплей. С того момента, как я попала в каменный круг, моя обычная жизнь кончилась – на меня нападали, мне угрожали, меня похитили. Я не ела и не спала больше суток... Я старалась держать себя в руках, но нижняя губа задрожала и на глаза выступили слезы.

Я отвернулась к огню, чтобы спрятать лицо, но поздно. Джейми взял меня за руку и ласково спросил, что произошло. Отблеск огня сверкнул на моем обручальном кольце, и я разревелась.

– О, я... я... сейчас все будет в порядке... просто... мой муж... я не...

– Ах, так вы овдовели!

В его голосе было столько искреннего сочувствия, что я окончательно потеряла контроль над своими эмоциями.

– Нет... да... то есть я не... да, так и есть!

Опустошенная переживаниями и усталостью, я буквально повалилась на Джейми, истерически всхлипывая.

У него оказалась нежная душа. Он не стал звать на помощь, не отстранился от меня в смущении... Он усадил меня к себе на колени и начал укачивать, обхватив здоровой рукой и шепча на гэльском что-то утешительное мне на ухо. Я горько рыдала, охваченная страхом и стыдом, но постепенно стала успокаиваться на широкой и теплой груди мужчины, который гладил меня по голове и по спине. Слезы кончились, я в изнеможении опустила голову Джейми на плечо. Где-то на краю сознания у меня проскользнула мысль о том, что его не случайно так любят лошади. Будь я лошадь, увезла бы его хоть на край света.

Эта нелепая мысль совпала некстати с внезапным осознанием факта, что молодой человек не так изможден, как можно было подумать. Собственно говоря, это событие, становясь все более очевидным, смутило нас обоих. Я откашлялась, вытерла слезы рукавом и слезла с колен утешителя.

– Простите... то есть я хотела сказать спасибо... но я... – бессвязно бормотала я, отвернувшись от него с пылающим лицом.

Джейми немного покраснел, но не потерял уверенности в себе. Он снова притянул меня к себе за руку, приподнял мой подбородок так, чтобы видеть лицо, и сказал:

– Вам не нужно меня бояться. И вообще никого здесь, пока я рядом.

Он отпустил меня и повернулся к камину.

– Вам бы чего-нибудь теплого, девушка, – уверенно и твердо проговорил он. – Нужно немного перекусить, от еды сразу станет лучше.

Меня развеселили его попытки налить похлебку одной рукой, и я пришла ему на помощь. Он оказался прав: еда помогла. Мы ели похлебку и жевали хлеб в дружественном молчании, разделяя удовольствие от тепла и сытости.

Наконец Джейми встал, поднял с пола упавший плед и положил его на кровать. Подтолкнул меня.

– Поспи немного, Клэр. Ты устала, а скоро с тобой, вероятнее всего, кто-нибудь захочет поговорить.

То было неприятное напоминание о моем неоднозначном статусе, но я слишком устала, чтобы думать об этом. Для проформы я пролепетала какие-то возражения, но сейчас для меня не было в мире ничего более соблазнительного. Джейми заверил меня, что найдет себе спальное место где-нибудь еще. Я опустила голову на грудку пледов и отключилась, прежде чем Джейми дошел до двери.

Глава 5

Маккензи

Я проснулась в состоянии полной растерянности. Смутно припоминая, что произошло нечто невероятное, я не могла восстановить подробности. Я спала очень крепко и, очнувшись, некоторое время не осознавала ни кто я, ни тем более где нахожусь. Мне самой было тепло, но в комнате стоял пронизывающий холод. Я попыталась глубже зарыться в кокон из пледов, но голос, который разбудил меня, не умолкал:

– Просыпайтесь, барышня! Просыпайтесь, пора вставать!

Голос был низкий и добродушно-ворчливый, чем-то напоминающий лай пастушьих собак.

С величайшим трудом я продрала глаза и увидела гору, облаченную в коричневое домо-тканое платье. Миссис Фицгиббонс! Ее явление тотчас привело меня в чувство, и память вернулась ко мне. Значит, все это реально.

Завернувшись в покрывало, я нерешительно выбралась из постели и направилась к очагу. Меня ожидала чашка горячего бульона, которую принесла миссис Фицгиббонс; я проглотила ее и почувствовала себя человеком, выжившим после продолжительной бомбардировки. Миссис Фицгиббонс тем временем разложила на постели полное обмундирование: длинную светло-желтую сорочку, отделанную по краю узкой полоской кружева, нижнюю юбку из тонкой хлопчатобумажной материи, две верхние юбки коричневого цвета и лимонно-желтый корсаж. Шерстяные чулки в коричневую полоску и пара желтых туфель завершили ансамбль.

Не принимая возражений, домоправительница заставила меня снять мое не подходящее случаю одеяние и наблюдала за тем, как я облачаюсь в новый наряд. Слегка отступив назад, она полюбовалась результатом.

– Желтый цвет вам идет, милая, как я и предполагала. Подходит к каштановым волосам и оттеняет золото в глазах. Погодите, нужна еще лента.

Сунув руку в глубокий, словно сумка, карман, она извлекла из него ворох лент и какие-то украшения.

Оглушенная происходящим, я позволила ей причесать меня и стянуть лентой волосы назад. Лента оказалась бледно-желтая; завязывая ее, миссис Фицгиббонс ворчала по поводу того, как неженственно носить волосы до плеч.

– Господи помилуй, дорогая, как это вас угораздило так коротко остричься? Вам пришлось скрываться, да? Я слыхала, иные девушки так поступают, чтобы поменять на время путешествия свой пол и уберечься от проклятых красномундирников. Вот уж времечко, говорю я, если леди не могут чувствовать себя в безопасности в пути.

Она крутилась вокруг меня, осматривала со всех сторон – поправляла выбившиеся прядки и одергивала складки. Наконец осталась удовлетворена моим видом.

– Так, теперь все в порядке. Можете перекусить, и я отведу вас к самому.

– К самому? – спросила я, оставшись равнодушной к тому, какое имя стоит за этим словом.

Кем бы ни был этот «сам», он, конечно, будет задавать мне неприятные вопросы.

– Ну да, к Маккензи. К кому же еще?

В самом деле, к кому же еще? Замок Леох, как я смутно помнила, находился в самой середине земель клана Маккензи. Очевидно, главным таном – вождем клана – является один из членов семьи. Я начала понимать, почему наш отряд всю ночь провел в пути, чтобы добраться до замка: здесь самое безопасное место для тех, кого преследует корона. Ни один английский офицер, у которого есть хоть немного мозгов, не завел бы своих людей так глубоко во владения клана. Поступить подобным образом значило напороться на засаду в первой же рощице. А у

ворот замка решилось бы появиться только хорошо вооруженное войско. Я пыталась вспомнить, заходила ли когда-нибудь английская армия так далеко, но тут поняла, что судьба и значимость замка – куда менее важный повод для размышлений, нежели мое ближайшее будущее.

Мне не хотелось ни лепешек, ни овсянки, которые принесла миссис Фицгиббонс на завтрак, но я отломил кусочек лепешки и сделала вид, что жую, – стоило выиграть немного времени для размышлений. Когда миссис Фицгиббонс вернулась, чтобы вести меня к Маккензи, я выработала примерную линию поведения.

Лэрд принял меня в комнате, расположившейся на самом верху каменной лестницы в один пролет. Комната находилась в башне и потому имела круглую форму, покатые стены были украшены картинами и гобеленами. Другие комнаты в замке показались мне практичными, но пустоватыми, а эта была полна предметов роскоши, заставлена резной мебелью и тепло освещена огнем камина и свечей – как бы в противовес непогоде снаружи. Во внешних стенах замка были пробиты узкие окна наподобие бойниц, здесь же окна выглядели иначе: были более современными, высокими, двустворчатыми и хорошо пропускали дневной свет.

Едва я вошла, мое внимание привлекла крупная металлическая клетка, хитроумно сплетенная таким образом, чтобы занимать пространство от пола до потолка; клетка полна была множеством маленьких птичек – зябликов, овсянок, синиц и других певчих. Я подошла ближе, и передо мной замелькали пушистые тельца, блестящие глазки-бисеринки напоминали драгоценные камни, рассыпанные по зеленому бархату листьев дуба, вяза и каштана – эти деревья были заботливо высажены в горшки с мульчированной почвой. Веселый щебет пташек сопровождался трепетом крыльев и шорохом листьев, когда обитатели клетки порхали с одного деревца на другое.

– Занятные маленькие создания, не правда ли? – раздался позади меня глубокий, приятный голос, и я обернулась с застывшей улыбкой.

Колум Маккензи сложением и высоким лбом напоминал своего брата Дугала, однако кипучая энергия, которая делала Дугала грозным, у Колума имела более открытый и приветливый тон. Смуглее брата, с серыми глазами, а не карими, Колум лучился такой силой, что можно было почувствовать себя неуютно, если он подходил слишком близко. Но сейчас я ощутила дискомфорт из-за того, что прекрасно вылепленная голова и длинный торс у этого мужчины сочетались с нелогично кривыми и короткими ногами. Он мог быть не меньше шести футов в высоту, но вместо этого едва доставал головой мне до плеча.

Колум разглядывал птичек, галантно предоставив мне время – весьма необходимое! – чтобы овладеть собой. Он, разумеется, уже привык к реакции людей, которые видят его впервые. Продолжая осматривать комнату, я задалась вопросом, часто ли Колуму приходится встречаться с новыми людьми. Комната, где я оказалась, несомненно, была убежищем, сконструированным мирком человека, для которого внешний мир потерял привлекательность – или стал недоступен.

– Приветствую вас, мистрес, – проговорил он с легким поклоном. – Перед вами Колум бан Кэмпбелл Маккензи, лэрд этого замка. Я понял со слов моего брата, что ему случилось... э-э... повстречать вас на пути сюда.

– Он похитил меня, если хотите знать, – сказала я. Безусловно, я предпочла бы, чтобы разговор носил доброжелательный характер, однако еще больше мне хотелось убраться из замка и вернуться туда, где на холме стояли кругом каменные столбы. Что бы со мной ни произошло, разгадка, если она есть, осталась там.

Брови лэрда слегка приподнялись, и улыбка тронула его красиво очерченные губы.

– Возможно, – согласился он. – Дугал порой бывает немного... импульсивен.

– Хорошо. – Я снисходительно махнула рукой, готовая к компромиссу. – Готова признать, что имело место недоразумение. Но я хотела бы настоять, чтобы меня возвратили... туда, откуда увезли.

– Мм...

Не опуская брови, Колум жестом предложил мне сесть.

Я неохотно подчинилась, и он кивнул одному из слуг, который тотчас исчез за дверью.

– Я послал за чем-нибудь освежающим, миссис... Бошан, если не ошибаюсь? Как я понял, мой брат и его люди нашли вас в затруднительном положении.

Мне почудилось, что он прячет усмешку, и я представила себе рассказы о моем неподобающем одеянии.

Я глубоко вздохнула. Пора было приступить к объяснениям. Обдумывая свой рассказ, я припомнила, что говорил мне Фрэнк о подготовке офицеров к допросу в плену – их обучали этому на специальных курсах. Самое главное заключалось в том, чтобы держаться по возможности ближе к правде, изменяя лишь детали, которые нельзя выдать. Это снижает шанс попасться на какой-нибудь ерунде. Ну что ж, посмотрим, насколько это работает.

– Да, вы правы. На меня напали.

Он кивнул, лицо оживилось.

– Вот как? Кто же на вас напал? Говорите правду.

– Английские солдаты. Человек по имени Рэндолл.

При звуке этого имени тонкие черты исказились – на нем по-прежнему отражалась заинтересованность, однако линия рта сделалась жестче, а морщины вокруг обозначились резче. Имя ему явно было знакомо. Глава клана Маккензи слегка откинулся назад, составил пальцы обеих рук «домиком» и посмотрел на меня.

– Вот как, – произнес он. – Расскажите об этом подробнее.

Ну что ж, я могла ему кое-что рассказать. Изложила основные подробности стычки между шотландцами и людьми Рэндолла – он легко мог справиться об этом у Дугала. Не скрывала я и содержание моего разговора с капитаном Рэндоллом – мне ведь было неизвестно, сколько успел услышать Мурта.

Колум кивнул, жадно слушая.

– Так, – сказал он. – Но как вы оказались в том месте? Это далеко от дороги на Инвернесс, где вы, как я полагаю, собирались сесть на корабль.

Я кивнула и набрала в грудь больше воздуха. Мы вступали в область чистого вымысла. Хотелось бы мне, чтобы я в свое время внимательнее прислушивалась к рассказам Фрэнка о разбойниках прошлого, но теперь уж ничего не попишешь. Я назвала себя вдовствующей леди из Оксфордшира (что в нынешних обстоятельствах было недалеко от истины). Путешествовала со своим слугой и направлялась к дальним родственникам во Францию (это от истины было уже далеко). На нас напали грабители, и мой слуга то ли был убит, то ли попросту сбежал. На своей лошади мне удалось ускакать в лес, но меня схватили почти сразу. Пытаясь убежать от бандитов, я вынуждена была оставить и лошадь, и все имущество. Мне удалось скрыться, но, бродя по лесу, наткнулась на капитана Рэндолла.

Я откинулась в кресле, довольная легендой: все просто, ясно и правдиво и совпадает с теми деталями, которые можно проверить. Лицо Колума не выражало теперь ничего, кроме вежливого внимания. Он открыл было рот, чтобы задать мне какой-то вопрос, но в это время у двери раздался шорох. Появился один из тех мужчин, которого я видела во дворе, когда мы только приехали в замок; он держал в руках небольшой кожаный футляр.

Вождь Маккензи извинился и оставил меня созерцать птичек, заверив, что очень скоро вернется, чтобы продолжить наш в высшей степени увлекательный разговор.

Едва дверь за ним затворилась, я кинулась к книжному шкафу и начала быстро просматривать кожаные переплеты. В шкафу было более двадцати книг. Я открывала титульные листы. На некоторых не обозначили год издания, на других же стояли даты от 1720 до 1742. Колум Маккензи, безусловно, любил роскошь, но никакие другие вещи в комнате не свидетельствовали о том, что он коллекционирует антиквариат. Да и переплеты книг выглядели новыми, без

трещин, а на бумаге не было пятен. Не испытывая никаких угрызений совести, я обшарила письменный стол оливкового дерева, прислушиваясь к шагам за дверью.

В среднем ящике я нашла то, что искала: незаконченное письмо, написанное беглым почерком и для меня почти нечитаемое из-за необычной орфографии и полного отсутствия знаков препинания. Бумага была новая и чистая, чернила четкие и яркие. И хоть само письмо разобрать я не могла, дата в углу страницы огнем вспыхнула у меня перед глазами: 20 апреля 1743.

Колум вернулся через несколько минут и застал гостью сидящей у окна с чинно сложенными на коленях руками. Сидящей – потому что колени подгибались. Со сложенными руками – чтобы скрыть дрожь, из-за которой я еле успела сунуть письмо на место.

Он принес с собой поднос с угощением – кружку эля и овсяные лепешки с медом. Я пыталась есть лишь для виду, желудок свело, и я ничего не могла в себя впихнуть.

Еще раз извинившись за отсутствие, Колум выразил сочувствие по поводу моей беды. Затем выпрямился и, испытующе посмотрев на меня, спросил:

– Как так случилось, мистрес Бошан, что люди моего брата обнаружили вас бродящей по лесу в нижнем белье? Разбойники, если они рассчитывали на выкуп, не стали бы дурно обращаться с вами. Что касается капитана Рэндолла, то я, хотя слышал о нем разное, все же не склонен думать, что офицер английской армии способен на насилие по отношению к попавшей в беду леди-путешественнице.

– Неужели? – огрызнулась я. – Не знаю, что вы о нем слышали, но на это он как раз способен.

Сочиняя свою историю, я как-то упустила из виду одежду; кроме того, я не знала, когда Мурта начал следить за мной и капитаном Рэндоллом.

– Понятно, – сказал Колум. – Полагаю, может быть и такое. По правде говоря, репутация у него дурная.

– Полагаете? – переспросила я, потому что на лице у вождя клана Маккензи отражалось определенное недоверие. – Как? Вы не верите моим словам?

– Я не говорил, что не верю вам, – ответил он спокойно. – Но я не остался бы вождем клана на протяжении двух десятков лет, если бы принимал на веру все, что мне рассказывают.

– Хорошо, но если вы не верите, что я та, за кого себя выдаю, то кто же я, по-вашему, черт побери?

Он заморгал, потрясенный моей горячностью, но черты его лица тут же вернулись к обычной твердости.

– А вот об этом, – сказал он, – следует поразмыслить. Пока же, мистрес, почувствуйте себя в Леохе как дома.

Он поднял руку, изящным жестом давая понять, что аудиенция окончена, и застывший в дверях слуга сделал шаг вперед, собираясь проводить меня в мою комнату.

Колум не произнес слов, которые висели в воздухе. Когда я уходила, они звучали у меня в ушах, как если бы я слышала: «До тех пор, пока я не узнаю, кто вы такая на самом деле».

Часть 2 Замок Леох

Глава 6 Приемная Колума

Маленький мальчик, которого миссис Фицгиббонс именовала «юным Алеком», пришел, чтобы передать мне приглашение на ужин. В длинном узком зале вдоль стен стояли столы, вокруг которых непрерывно сновали слуги, выныривая из двух сводчатых проходов по обоим концам зала с подносами, тарелками и кувшинами в руках. Лучи заходящего солнца проходили сквозь высокие окна-бойницы; в канделябры по стенам вставили факелы – их, очевидно, зажгут с темнотой.

Знамена и тартаны⁷ висели по стенам между окон, яркими пятнами выделяясь на фоне серого камня. Словно намеренно усиливая контраст, люди, собравшиеся на ужин, были в одежде серого и коричневого оттенков либо в охотничьих килтах светло-коричневых и зеленых тонов, которые сливались с вереском.

Я чувствовала любопытные взгляды, сверлящие мою спину, пока юный Алек вел меня к хозяйскому столу, но большинство присутствующих вежливо опустили глаза в тарелки. Здесь, как видно, церемонии были не в ходу, люди ели кто как хотел, сами накладывая себе угощения с деревянных блюд, или шли с деревянными тарелками в дальний конец комнаты, где два паренка вращали вертел с бараньей тушей над огнем громадного очага. Ужинающих было не меньше сорока, да еще человек десять слуг. Гул голосов заполнял помещение, разговоры шли на гэльском.

Колум уже восседал в центре зала, коротенькие ноги скрывал резной дубовый стол. Он любезно кивнул мне и указал на место слева от себя, рядом с пухленькой и рыжеволосой женщиной, которую он представил как свою жену. Звали ее Летицией.

– А это мой сын Хэмиш, – добавил он, положив руку на плечо мальчику лет семи или восьми, симпатичному и тоже рыжеволосому, который поднял глаза от своей тарелки лишь для того, чтобы коротко кивнуть мне.

Я посмотрела на мальчика с любопытством. Как и другие Маккензи из тех, кого мне приключилось встретить, он был широколицый, с прямыми скулами и глубоко посаженными глазами. Исключая цвет волос, он казался уменьшенной копией своего дяди Дугала, сидевшего рядом. Две девочки-подростка, занимавшие места по другую сторону от Дугала, были мне представлены как его дочери Маргарет и Элинора; обе они, знакомясь со мной, хихикали и толкали друг друга локтями.

Дугал приветствовал меня сдержанной дружелюбной улыбкой, но перед этим пододвинул ко мне блюдо, к которому уже было потянулась одна из его дочерей.

– Где же манеры, барышня? – проворчал он. – Сначала гостья.

С некоторым опасением я приняла большую роговую ложку. Кто знает, что лежит на блюде... К счастью, я обнаружила, что мне предлагают нечто хорошо знакомое и по виду, и по запаху – копченую сельдь.

Я никогда не ела селедку ложкой, но нигде не было видно ничего похожего на вилку, и я вспомнила, что трехзубые вилки особой формы, кажется, вошли в употребление гораздо позже.

⁷ Тартаны – шерстяные пледы геральдических цветов клана.

Понаблюдав за едоками вокруг, я поняла, что в тех случаях, когда ложка не годится, они орудуют кинжалами, чтобы отделить кости или разрезать мясо, благо кинжалы всегда под рукой. У меня кинжала не было, так что я решила все-таки попробовать подцепить селедку ложкой, но встретила осуждающий взгляд темно-голубых глаз юного Хэмиша.

– Вы еще не прочитали молитву, – сурово произнес он и нахмурился.

Он явно счел меня бесстыдной грешницей, если не умалишенной.

– Может быть, вы поможете мне с этим? – решила я попросить.

Голубые глаза раскрылись от изумления, но после коротких раздумий мальчик кивнул и деловито сложил руки. Он окинул взглядом стол, убедился, что его уважительно слушают, и, склонив голову, произнес:

У которых есть что есть, те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас здесь есть что есть, да вдобавок есть чем есть,
Значит, нам благодарить остается небо!.. Аминь!⁸

Подняв глаза над молитвенно сложенными руками, я встретила взглядом с Колумом и улыбкой дала ему понять, что оценила самообладание его отпрыска. Он подавил собственную улыбку и с серьезным лицом кивком поблагодарил Хэмиша:

– Хорошо сказано, мой мальчик. Передай, пожалуйста, хлеб.

Разговоры за столом по большей части ограничивались просьбами передать то или другое блюдо, поскольку сюда пришли, чтобы как следует подкрепиться. У меня аппетит отсутствовал, отчасти из-за сумасшедших обстоятельств, а отчасти из-за того, что селедки мне не хотелось. Но баранина оказалась недурна, а хлеб – свежий, хрустящий – просто восхитителен, причем его можно было есть со свежим несоленым маслом.

– Надеюсь, мистеру Мактавишу уже лучше, – обронила я во время краткого перерыва в еде. – Я не вижу его здесь.

– Мактавишу?

Тонкие брови Летиции взлетели вверх над округлившимися голубыми глазами. Я скорее почувствовала, чем увидела, как Дугал поднял голову.

– Молодой Джейми, – бросил он коротко и вернулся к бараньей кости, которую держал в руках.

– Джейми? С ним что-то случилось?

На круглощечком лице Летиции проступила тревога.

– Просто царапина, дорогая, – успокоил ее Колум и обратился к брату: – Но где же он, Дугал?

Мне показалось, что в темных глазах скользнуло подозрение. Дугал пожал плечами, не поднимая глаз от тарелки.

– Я послал его в конюшню помочь старине Алеку с лошадьми. Кажется, это его любимое место, так что все в порядке.

Теперь Дугал поднял наконец голову и посмотрел брату в глаза.

– У тебя были другие планы на его счет?

На лице у Колума отразилось сомнение.

– В конюшню? Понятно. Ты ему так доверяешь?

Дугал медленно вытер рукой губы и потянулся за куском хлеба.

– Решай сам, Колум, если не согласен с моим указанием, – сказал он.

⁸ Эти строки переведены с английского С. Я. Маршаком; они принадлежат перу Роберта Бернса, родившегося в 1759 г. Поскольку действие романа происходит в 1743-м, автором допущен литературный анахронизм.

Губы Колума крепко сжались на мгновение, но он ответил:

– Думаю, он там вполне справится. – И вернулся к трапезе.

У меня были некоторые сомнения насчет того, насколько конюшня подходит в качестве места работы человеку с огнестрельным ранением, однако я сочла неуместным говорить об этом в нынешнем обществе. Про себя я решила наутро отыскать молодого человека и расспросить его, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

От пудинга я отказалась и извинилась, ссылаясь на усталость, что отнюдь не было при творством. Я была так измотана, что почти пропустила слова Колума мимо ушей:

– Спокойной вам ночи, миссис Бошан, завтра утром я попрошу кого-нибудь привести вас на прием.

Одна из служанок, заметив, что я ощупью пробираюсь по коридору, сжалась надо мной и проводила со свечой до самой моей комнаты. Этой свечой она зажгла одну из тех, что стояли у меня на столе, и мягкий свет бросил отблески на каменные стены, отчего мне на мгновение почудилось, будто я в склепе. Едва служанка ушла, я отодвинула с окна вышитую занавеску, и неприятное ощущение исчезло, словно его сдул свежий ветерок, ворвавшийся в комнату. Я попыталась обдумать события дня, но разум отказывался воспринимать что бы то ни было – так мне хотелось спать. Я юркнула под плед, загасила свечу и заснула, глядя на восходящую луну.

Наутро меня снова разбудила дородная миссис Фицгиббонс, которая принесла с собой полный набор косметики шотландской леди. Свинцовые гребенки – чтобы накрасить потемнее брови и ресницы, горшочки с порошком фиалкового корня и рисовой пудрой, какую-то палочку – я догадалась, что это тени для век, хоть никогда и не видела раньше подобных вещей, и, наконец, маленькую фарфоровую чашечку французских румян с изображением золотых лебедей.

Миссис Фицгиббонс сменила домотканое платье, в котором была накануне, на зеленое полосатое одеяние с шелковым корсажем; чулки на ней были желтые фильдекосовые. Следовательно, пресловутый прием был чем-то важным. Я хотела было настоять, что отправлюсь туда только в собственном платье, просто из упрямства, но вспомнила, какие взгляды на меня бросал жирный Руперт, и отказалась от этой затеи.

К тому же мне был симпатичен Колум, несмотря на то что он собирался удерживать меня в замке. Что касается последнего, то мы еще посмотрим, решила я, пока тщательно накладывала румяна. Дугал сказал, что молодой человек, которого я лечила, работает в конюшне. А в конюшне, как известно, есть лошади, а на лошади можно ускакать. Я твердо вознамерилась повидаться с Джейми, как только закончится «прием».

Зал для приемов оказался тем же залом, где вчера ужинали, но несколько видоизмененным: столы и скамейки отодвинули к стенам, главный стол убрали и заменили массивным гнутым креслом темного дерева, накрытым пледом, который я сочла тартаном клана Маккензи: в нем сочетались темно-зеленый и черный цвета, пересеченные тонкими линиями – красными и белыми. Ветки падуба украшали стены, на каменных плитах пола разбросаны стебли камыша.

Совсем молодой волынщик стоял позади массивного кресла и играл на этом странном инструменте, извлекая из него вздохи и хрипы. Там же собрались те, кого я сочла самыми близкими слугами Колума: узколицый мужчина в клетчатых штанах и закопченной рубашке – он расположился возле стены; маленький лысый человек в кафтане из тонкой парчи – скорее всего, кто-то вроде писаря, поскольку он сидел за столиком, на котором стояла роговая чернильница, лежали гусиные перья и бумага; затем еще двое крепких мужчин – по-видимому, телохранители, и, наконец, рядом с ними – самый большой человек из всех, кого я когда-либо видела.

Я смотрела на этого великана с опаской. Густые черные волосы падали на лоб почти до самых бровей, густых и низко нависающих над глазами. Такими же волосами заросли руки,

привлекающие внимание из-за закатанных рукавов. В отличие от прочих мужчин, каких я здесь встречала, великан не был вооружен, если не считать маленького ножики, высунувшегося из-за верхнего края чулка. Я с трудом разглядела рукоятку в чаще густых курчавых волос, которыми покрыты были ноги над чулками. Широкий кожаный пояс охватывал талию объемом не меньше сорока дюймов, но на поясе не было ни кинжала, ни меча. Несмотря на устрашающие габариты, лицо у этого человека было вполне дружелюбное и даже доброе; он о чем-то бойко переговаривался с узколицым, который рядом со своим собеседником выглядел марионеткой.

Волынщик вдруг взялся за свой инструмент всерьез: начав с небольшого писка, он перешел к душераздирающему визгу, но затем сумел извлечь из волынки вполне приятную мелодию.

В холле присутствовало человек тридцать или сорок; все они выглядели значительно представительнее тех, кто был вчера на обеде. Головы повернулись к дальнему концу зала, откуда под аккомпанемент волынки, создавшей атмосферу торжественности, появился Колум, а следом за ним Дугал. Оба брата были одеты для церемонии в темно-зеленые килты и ладные куртки, Колум – в бледно-зеленую, Дугал – в желтовато-коричневую, оба в пледах, перекинутых через грудь наискосок и закрепленных на плече большими брошами с драгоценными камнями. Волосы у Колума были слегка смазаны маслом и завитками опускались на плечи, а у Дугала собраны назад и заплетены в косу почти такого же цвета, как шелк его куртки.

Колум медленно прошел через зал, кивая и улыбаясь присутствующим. Бросив взгляд на противоположный конец помещения, я убедилась, что там тоже есть дверь, совсем рядом с креслом для Колума. Он, разумеется, вполне мог войти через ту дверь. Значит, он вполне сознательно демонстрировал собравшимся свои кривые ноги и неуклюжую походку, сознательно подчеркивал контраст между собой и высоким, хорошо сложенным младшим братом, который не смотрел по сторонам и, подойдя вслед за Колумом к креслу, занял место за его спинкой. Колум сел и, подождав немного, поднял руку. Стоны волынки оборвались на жалобном вздохе, и «прием» начался.

Было ясно, что это регулярное мероприятие – Колум таким образом следит за своими ленниками и арендаторами, разбирает иски и разрешает споры, вершит суд. Дела разбирались по очереди, лысый письмоводитель оглашал имена, и их обладатели выступали вперед в установленном порядке.

Отдельные дела разбирались по-английски, но большинство – на гэльском. Я уже заметила, что коммуникация на этом языке включала в себя вращение глазами и притопывание, добавлявшие экспрессивности сказанному, по этой причине судить о серьезности казуса на основании поведения участников было почти невозможно.

Как я поняла, некий субъект весьма потрепанного вида – словно молью изъеденный, – с огромным спорраном⁹, на отделку которого ушел, по-видимому, весь барсук целиком, обвинял своего соседа в убийстве, поджоге и в похищении жены. Колум приподнял брови и быстро сказал что-то по-гэльски, отчего оба, истец и ответчик, покатались со смеху. Утерев глаза, истец кивнул и протянул руку ответчику, писец тем временем деловито строчил, и скрип гусяного пера по бумаге напоминал мышиную возню.

Я оказалась в очереди пятой. Видимо, такой порядок выбрали намеренно, чтобы продемонстрировать собравшимся, что моему появлению в замке придают немалое значение.

К моей радости, на этот раз делопроизводство велось на английском.

– Миссис Бошан, пожалуйста, выйдите вперед, – попросил писец.

Ощувив совершенно лишнее давление мощной руки миссис Фицгиббонс, я, спотыкаясь, вышла на середину зала перед креслом Колума и сделала подобие реверанса – я заметила, что так поступали все женщины до меня. Туфли, которые мне дали, были сшиты на одну ногу – без

⁹ Кожаная сумка мехом наружу (обычно с кисточками), часть костюма шотландского горца.

различия правой и левой, и представляли собой продолговатые кожаные футляры, передвигаться в них с изяществом оказалось затруднительно. По залу пробежал шепот, когда Колум оказал мне честь, поднявшись с кресла. Он подал мне руку, за которую я уцепилась, чтобы не свалиться на пол после реверанса.

Выпрямившись и проклиная про себя дурацкие туфли, я обнаружила, что стою прямо перед Дугалом. Поскольку именно он привел меня, ему было положено обратиться от моего имени с просьбой – принять меня в замок то ли в качестве гостьи, то ли в качестве пленницы, зависит от угла зрения. Я с любопытством ожидала, как именно братья меня назовут.

– Сэр, – начал Дугал, отвесив Колуму официальный поклон, – мы просим снисхождения и милости для леди, которая попала в беду и нуждается в защите и безопасном убежище. Миссис Клэр Бошан, английская леди из Оксфорда, подверглась нападению разбойников, ее слуга был предательски убит. Она бежала и заблудилась в лесу посреди ваших владений, где ее обнаружили и спасли я и мои люди. Мы просим предоставить ей убежище в замке Леох, – он сделал паузу и усмехнулся, – до тех пор, пока ее английские родственники не узнают о ее местопребывании и не обеспечат ей безопасный проезд.

Я не упустила из виду ударение, сделанное Дугалом на слове «английские», – думаю, все остальные тоже обратили на это внимание. Он предлагал меня принять, но оставить под подозрением. Если бы он сказал «французские», к моему появлению отнеслись бы по-дружески или нейтрально. Бежать из замка, пожалуй, может оказаться сложнее, чем я думала.

Колум поклонился и предложил мне почувствовать себя как дома и оставаться сколько нужно – во всяком случае, на словах. Я снова сделала реверанс – удачнее первого – и вернулась на свое место под любопытными, однако довольно дружелюбными взглядами.

До этого момента разбирались тяжбы. Зрители потихоньку переговаривались, дожидаясь своей очереди. Мое появление вызвало интерес и, как мне показалось, было встречено одобрительно. Но тут в зале началось оживление. Крупный мужчина встал перед креслом Колума, таща за руку молоденькую девушку. На вид ей было около шестнадцати; личико хорошенькое, хоть и обиженное; длинные светлые волосы перехвачены сзади голубой лентой. Она стояла одна посреди зала, в то время как мужчина, размахивая руками, что-то гневно объяснял на гэльском, время от времени указывая на девушку. Речь его сопровождалась негромкими репликами в толпе.

Миссис Фицгиббонс, устроившись с комфортом на прочном табурете, с любопытством вытягивала шею вперед. Я наклонилась к ней и спросила шепотом:

– Что она наделала?

Крупная дама ответила, почти не шевеля губами и не отрывая глаз от происходящего:

– Отец обвиняет ее в непристойном поведении, в том, что она общается с парнями без его разрешения. – Миссис Фицгиббонс слегка откинулась назад и добавила: – Отец хочет, чтобы Маккензи наказал ее за непослушание.

– Наказал? Как? – проговорила я как можно тише.

– Тсс...

Все взоры были устремлены на Колума, который смотрел на девушку и ее отца, обдумывая вердикт. Наконец он заговорил, переводя взгляд с одного на другую, хмурясь и постукивая костяшками пальцев по подлокотнику кресла. Толпа вздрогнула.

– Он принял решение, – прошептала миссис Фицгиббонс, но это и так было ясно.

Решение Маккензи тоже было очевидным: великан, который так заинтересовал меня перед началом приема, наконец-то зашевелился и неторопливо принялся расстегивать ремень. Два телохранителя взяли девушку за руки и развернули спиной к Колуму и ее отцу. Она заплакала, но молчала. Толпа наблюдала за происходящим с жадным любопытством, характерным для публичных экзекуций и свидетелей трагедий. Неожиданно из задних рядов раздался чей-то голос.

Все обернулись. Миссис Фицгиббонс еще сильнее вытянула шею. Я не понимала слов – человек говорил по-гэльски, – но голос узнала: глубокий и мягкий, он выговаривал слова, опуская согласные в конце.

Толпа расступилась, и Джейми Мактавиш вышел в центр зала. Он почтительно склонил голову перед Маккензи и снова заговорил. Слова его, кажется, вызвали некоторые разногласия между Колумом, Дугалом, писцом и отцом девушки.

– Что происходит? – спросила я у миссис Фицгиббонс.

Мой пациент выглядел значительно лучше, но был по-прежнему очень бледен. Он где-то раздобыл чистую рубашку; пустой рукав был заткнут за пояс килта.

Миссис Фиц наблюдала за действием с интересом.

– Парнишка предлагает понести наказание вместо нее, – бесстрастно выговорила она, стараясь посмотреть через голову человека, стоящего перед ней.

– Что? Но ведь он ранен! Они ни в коем случае не должны соглашаться!

Холл гудел от голосов, но я старалась говорить как можно тише.

Миссис Фиц покачала головой.

– Не знаю, милая. Они об этом и спорят. Видите ли, принять удар на себя позволительно для человека из ее клана, но он не принадлежит к клану Маккензи.

– Не принадлежит? – удивилась я, так как до сих пор полагала, что все мужчины, которые привезли меня сюда, являются членами этого клана.

– Конечно, нет, – возразила миссис Фиц нетерпеливо. – Разве вы не видите, какой у него тарган?

Я, разумеется, теперь увидела – поскольку она мне на это указала. Джейми носил тарган в коричневых и зеленых тонах, но оттенки были иные, чем у остальных мужчин на приеме: коричневый цвет очень темный – как древесная кора, и оттенен тонкой голубой полоской.

Решающее слово, по-видимому, было за Дугалом. Затруднение разрешилось, толпа утихла, и все подались назад. Стражи отпустили девушку, и она тотчас скрылась в толпе, а Джейми выступил вперед и занял место негодницы. В ужасе я смотрела на то, как стражи берут Джейми за руки, но он что-то сказал по-гэльски великану с ремнем, и его отпустили. Как ни странно, на лице у Джейми расплылась широкая и дерзкая улыбка. Великан ответил Джейми такой же улыбкой.

– Что он сказал? – спросила я у своей переводчицы.

– Он выбрал кулаки вместо ремня. Мужчина вправе выбирать, а женщина – нет.

– Кулаки?

На дальнейшие вопросы я не успела получить ответы. Экзекутор отвел назад кулак размером со свиную окорок и двинул им Джейми в живот так, что парня подбросило, и он начал хватать ртом воздух. Великан подождал, пока он выпрямится и снова сможет дышать, а потом нанес Джейми целую серию ударов по ребрам и рукам. Джейми не пытался защищаться, только сохранял равновесие, чтобы не упасть.

Следующий удар был нанесен в лицо. Я невольно вздрогнула и зажмурилась, когда голова Джейми мотнулась в сторону. Великан наносил удары с промежутками, достаточно осторожно, чтобы не сбить жертву с ног и не попасть дважды по одному и тому же месту. Это было, так сказать, избиение с умом, умело рассчитанное на то, чтобы причинить боль, но не покалечить и не изуродовать. Один глаз у Джейми заплыл, сам он тяжело дышал, но иного ущерба не понес.

Я с ума сходила от беспокойства за его плечо – как бы оно снова не пострадало. Повязка пока что оставалась на месте, но долго она не продержится в таких обстоятельствах. Сколько это еще будет продолжаться? В зале стояла тишина, слышны были лишь смачные шлепки да изредка негромкий стон.

– Ангус прекратит после первой крови, – прошептала миссис Фиц, отвечая на мой безмолвный вопрос. – Нос разобьет, и дело с концом.

– Это настоящее варварство, – прошипела я с таким негодованием, что на меня начали оглядываться.

Экзекутор, должно быть, решил, что наказание длится уже достаточно. Он отвел руку назад и нанес мощный удар, от которого Джейми пошатнулся и упал на колени. Оба стража бросились к нему и поставили на ноги, и, когда он поднял голову, я увидела, что из разбитого рта у него течет кровь. Толпа загудела с явным облегчением; великан отступил, на лице у него появилось выражение удовлетворения.

Один из стражей поддерживал Джейми под руку, пока тот не пришел в себя, тряхнув несколько раз головой. Девушка исчезла. Джейми выпрямился и посмотрел на великана. И снова улыбнулся – широко.

– Благодарю, – с трудом выговорил он кровоточащими губами, прежде чем повернуться и уйти.

Внимание собравшихся снова обратилось к Маккензи и новому разбирательству.

Я видела, как Джейми вышел из зала через дверь в противоположном конце. Теперь он интересовал меня куда больше, чем до избиения; я обменялась несколькими словами с миссис Фицгиббонс, предупредив, что ухожу, и проложила себе дорогу к двери, за которой скрылся Джейми.

Я нашла его в маленьком боковом дворике; он склонился над колодцем и прикладывал ко рту смоченный подол рубахи.

– Воспользуйтесь лучше вот этим.

Я вынула из кармана носовой платок и протянула ему.

Он промычал нечто похожее на «спасибо». В этот момент показалось бледное, какое-то бесцветное солнце, и при его свете я осторожно осмотрела юношу. Пострадали больше всего заплывший глаз да разбитая губа, но на подбородке и шее тоже видны были отметины, которым предстояло превратиться в синяки.

– А во рту у вас тоже есть повреждения?

– Угу.

Он наклонился ко мне, я потянула вниз челюсть и осмотрела губу изнутри. На влажной и блестящей внутренней поверхности был глубокий разрыв, а сверху на губе – две небольшие ранки. Кровь вперемешку со слюной стекала на подбородок.

– Воды, – попросил он, стирая с подбородка струйку красноватой жидкости.

– Сейчас.

К счастью, на краю колодца стояла бадья с водой, а в воде плавал ковш. Джейми прополоскал рот, сплюнул несколько раз, потом плеснул водой себе в лицо.

– Зачем вы это сделали? – спросила я.

– Что? – спросил он, вытирая рукавом мокрое лицо. Потом осторожно ощупал разбитую губу и поморщился.

– Приняли наказание вместо этой девушки. Вы ее знаете?

Спрашивать было не очень удобно, но мне ужасно хотелось знать, что же стоит за этим донкихотским поступком.

– Я знаю, кто она такая, но никогда с ней не говорил.

– Так зачем же вы это сделали? Зачем так поступили? – Он пожал плечами, и это движение тоже заставило его поморщиться.

– Для девушки очень стыдно быть выпоротой при всех. Мне легче.

– Легче? – отозвалась я недоверчиво и посмотрела на его разбитое лицо.

Он тем временем ощупал побитые ребра здоровой рукой, поднял глаза и улыбнулся мне кривой улыбкой.

– Да. Она совсем юная. Ей было бы очень стыдно перед всеми, кто ее знает, долго было бы стыдно. Мне просто больно, ничего особенного. Дня через два все пройдет.

– Но почему все-таки вы? – спросила я. Вопрос явно удивил его.

– А почему не я?

Почему не он? Я могла бы сказать: потому что вы ее не знаете. Потому что вы ранены. Потому что нужно иметь много мужества, чтобы на глазах у толпы получать удары по лицу – независимо от мотивов.

– Ну, например, мушкетная пуля, прошедшая навывлет через трапецевидную мышцу, неплохая причина для отказа, – сухо ответила я.

На лице у него вспыхнуло любопытство; он дотронулся до того места, которое я назвала.

– Так это называется трапецевидной мышцей? Я не знал.

– Ох, вот ты где, мальчик мой. Вижу, ты уже нашел себе знахаря, я, может, и не понадоблюсь. – Миссис Фицгиббонс протиснулась во дворик через узкую для нее дверь. В руках она держала поднос с какими-то кувшинчиками, большой плоской и чистым льняным полотенцем.

– Да я ничего не делала, только воды зачерпнула, – сказала я. – Он не так уж сильно пострадал, и я не знаю, чем еще можно помочь, чтобы привести в порядок лицо.

– Ну-ну, всегда можно чем-нибудь помочь, всегда можно, – заворковала миссис Фиц. – Ну-ка, молодой человек, разреши взглянуть на твой глаз.

Джейми послушно уселся на край колодца, подставив лицо миссис Фиц. Пухлые пальцы осторожно ощупали багровую припухлость, оставляя на ее поверхности белые пятна, которые почти мгновенно исчезли.

– Под кожей кровь все еще свежая. Значит, пиявки помогут.

Миссис Фиц сняла с плоской крышку и извлекла несколько небольших темных червячков, дюйма по два длиной, покрытых противной слизью. Одну она посадила на кожу под надбровной дугой, вторую – под глазом.

– Видите ли, – объясняла она ко мне, – если синяк уже образовался, пиявки не помогут. Но если припухлость продолжает расти, значит, под кожей еще течет кровь, и пиявки отсосут ее.

Я наблюдала за пиявками с любопытством и отвращением.

– Вам не больно? – спросила я у Джейми.

Он отрицательно мотнул головой, отчего пиявки мерзко заболтались туда-сюда.

– Нет. Только как будто немного холодно.

Миссис Фиц возилась со своими кувшинчиками.

– Очень многие люди пользуются пиявками неправильно, – наставляла она меня. – От пиявок большая польза, но надо обращаться с ними умеючи. Ежели вы их приставите к темному синяку, они начнут сосать здоровую кровь, только и всего, синяку от этого ни жарко ни холодно. И потом, нельзя злоупотреблять количеством, ставить надо понемногу. Пиявки, если их поставить больше нужного, крови много высосут, от этого человек слабеет.

Я слушала ее с почтительным вниманием, впитывая информацию. И в глубине души надеялась, что на практике эта информация мне никогда не понадобится.

– Ну а теперь, милый, прополощи-ка рот вот этим, оно тебе раны очистит и боль уменьшит. Это настой ивовой коры, – пояснила миссис Фиц, повернувшись ко мне, – смешанный с толикой фиалкового корня.

Я кивнула. Из давно прослушанного курса лекций по ботанике я вспомнила, что ивовая кора содержит салициловую кислоту – активную составляющую аспирина.

– Но разве ивовая кора не увеличивает риск кровотечения? – спросила я.

– Да. Это бывает, – согласилась миссис Фиц. – Поэтому мы к ней примешиваем горсть порошка из корня святого Иоанна, да еще уксус. Кровотечение проходит. Только корень надо собрать в полнолуние и приготовить как следует, по всем правилам.

Джейми послушно набрал в рот вязущий раствор; слезы выступили у него на глазах от резкого запаха уксуса.

Пиявки к этому времени разбухли и увеличились по меньшей мере в четыре раза. Темная морщинистая кожа натянулась и заблестела, они напоминали гладкую гальку. Одна из пиявок вдруг отвалилась и упала прямо к моим ногам. Миссис Фиц проворно подняла ее, удивительно легко наклонившись при своей комплекции, и положила обратно в плошку. Деликатно подцепив вторую за голову возле самого рта, она потянула легонько вверх – и голова пиявки сразу отлепилась.

– Нельзя тянуть слишком сильно, – предупредила миссис Фиц. – Они, знаете ли, иногда лопаются.

Меня передернуло при одной мысли о подобном исходе.

– Но если она уже насосалась, – продолжала женщина, – все обычно нормально. Отстают сами, а если не отстают – можно подождать, пока отвалятся.

Пиявка отстала, выпустив тоненькую струйку крови, когда до нее дотронулись. Я промокнула крохотное кровоточащее отверстие в коже кончиком полотенца, смоченного в уксусном растворе. К моему удивлению, пиявки сделали свое дело: припухлость немного спала, и глаз даже слегка открылся, хотя веко оставалось опухшим, вздутым. Миссис Фиц осмотрела Джейми критическим оком и пришла к выводу, что пиявки больше не нужны.

– Завтра вид у тебя будет неважнецкий, мой мальчик, – сказала она и покачала головой, – но глаз откроется – и то хлеб. Все, что тебе нужно теперь, это кусок сырого мяса на глаз, чтобы уменьшить синяк, да горячей похлебки и эля внутрь, чтобы подкрепить силы. Зайди-ка ко мне на кухню чуть погодя, я для тебя что-нибудь приберегу.

Она подняла свой поднос и минуту помолчала.

– Ты сделал доброе дело, милый. Лаогера – моя внучка, ты знаешь это. Благодарю тебя от ее имени и от своего. Она бы сама тебя поблагодарила, если бы ее научили хорошим манерам.

Она потрепала Джейми по щеке и, грузно переваливаясь, удалилась.

Я снова осмотрела Джейми: народные средства оказались на удивление эффективными. Глаз был еще припухлый, но почти нормального цвета; из трещины на губе уже не сочилась кровь, она побледнела.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я.

– Отлично, – ответил он и улыбнулся едва заметно (губа наверняка еще очень болела). – Это всего лишь ушибы, вы сами видите. Кажется, я должен благодарить вас снова. За три дня вам пришлось трижды лечить меня. Вы, наверное, считаете меня ужасно неуклюжим.

Я дотронулась до красного пятнышка у него на подбородке.

– Не то чтобы неуклюжим, но немного безрассудным.

Едва уловимое движение у входа во дворик привлекло мое внимание – мелькание голубого и золотистого. Девушка по имени Лаогера отпрянула в испуге, заметив меня.

– Мне кажется, кое-кто хочет поболтать с вами наедине, – сказала я. – Оставляю вас. Повязку с плеча можно снять завтра. Я вас найду.

– Да. Спасибо еще раз.

Он легонько пожал мне руку на прощание.

Я вышла, но, проходя мимо девушки, с любопытством поглядела на нее. Вблизи она оказалась еще симпатичнее, чем издали, – с кроткими голубыми глазами и нежно-розовой кожей. Она посмотрела на Джейми и покраснела. Я вышла, размышляя о том, насколько бескорыстным на деле был поступок этого молодого мужчины.

На следующее утро, проснувшись на заре под щебет птиц за окном и голоса за дверью, я оделась и пошла по сквозным коридорам в главный холл. Он уже вернулся к своему обычному виду трапезной, где обычно раздавали овсянку из огромных котлов и лепешки, испеченные на очаге и политые темной патокой. Запах горячей пищи был такой густой, что казалось, на него

можно опереться. Я чувствовала себя по-прежнему очень неуверенно, однако горячий завтрак вдохновил меня отправиться на розыски.

Первым долгом я нашла миссис Фицгиббонс; ее руки были погружены в тесто по самые локти – пухлые, в ямочках. Я объяснила, что хотела бы повидать Джейми, чтобы снять повязку и осмотреть рану на плече. Своей огромной, белой от муки рукой она поманила к себе одного из своих маленьких любимцев.

– Юный Алек, сбегай-ка и разыщи Джейми, нового объездчика лошадей. Пусть придет сюда, надо осмотреть его плечо. Мы будем в аптекарском огороде.

Указующий перст заставил мальчугана стремительно дернуть на поиски моего пациента. Перепоручив квашню одной из помощниц, миссис Фицгиббонс вымыла руки и обратилась ко мне:

– Пока он вернется, у нас с вами есть время. Хотите взглянуть на наш огород? Кажется, вы кое-что знаете о травах и сможете в случае чего воспользоваться нашими запасами.

Огород оказался поистине бесценным источником целебных и ароматических трав; он был разбит в одном из внутренних дворов, со своим колодцем для полива. Двор оказался достаточно велик, чтобы сюда проникало солнце, и вместе с тем был укрыт со всех сторон: кусты розмарина ограждали его с западной стороны, высокие грядки с ромашкой – с юга, амарант, или, иначе, лисохвост, маркировал северную границу, а с востока огород примыкал к стене замка, преграждавшей дорогу вечным ветрам. Я узнала острые кончики поздних крокусов и мягкие листья французского щавеля, торчащие из жирной черной земли. Миссис Фиц показала мне, где растет наперстянка, а где – портулак и буквица, а также много других трав, которые прежде были мне неведомы.

Поздняя весна – время сеять и высаживать. Миссис Фиц принесла с собой в корзине головки чеснока. Она передала мне корзинку вместе с лопаточкой для посадок. По-видимому, мне предстояло пробыть в замке достаточно долго; пока Колум определяется с моей судьбой, миссис Фиц найдет, чем меня занять – она рада свободным рукам.

– Вот, моя дорогая. Посадите его, пожалуйста, с южной стороны, между чабрецом и наперстянкой.

Она показала мне, как разделять головки чеснока на отдельные зубчики, чтобы не повредить кожицу, а потом – как их сажать. Это оказалось несложно: сунуть зубчик в землю тупым кончиком вниз и присыпать сверху землей на полтора дюйма. Она поднялась на ноги и отряхнула от грязи свои широкие юбки.

– Несколько головок оставьте, – посоветовала она. – Разделите их и посадите по зубчику в разных местах огорода. Чеснок отпугивает вредителей от других растений. Огурцы и тысячелистник работают так же. И отщипните завядшие цветки ноготков, но не выбрасывайте, они нам пригодятся.

Золотистые головки ноготков торчали по всему огороду. Пока я собирала их, прибежал запыхавшийся мальчуган, которого послали за Джейми. Он сообщил, что пациент отказался покинуть рабочее место.

– Он говорит, – доложил мальчик, – что чувствует себя не так плохо, чтобы лечиться, но просил поблагодарить за заботу.

Миссис Фиц на это только плечами пожала.

– Ладно, не хочет приходить, и не надо. Вы, барышня, если желаете, можете сходить к нему в полдень. Для лечения он не желает отрываться от работы, но еда – дело другое, уж мне ли не знать молодых мужчин. Юный Алек придет сюда и проводит вас.

Поручив мне закончить посадку чеснока, миссис Фиц уплыла, как галеон с юным Алеком в кильватере.

Я с удовольствием трудилась все утро, сажая чеснок, отщипывая увядшие головки ноготков, выдергивая сорняки и ведя тщетную борьбу с улитками, слизнями и прочими паразитами,

которую вечно ведут все садоводы. Здесь я билась голыми руками, без помощи пестицидов. Меня так увлек этот процесс, что я даже не заметила появления юного Алека, пока он негромким кашлем не заявил о своем присутствии. Он терпеливо и молча ждал довольно долго и после того, как я его увидела, потому что мне пришлось отряхивать испачканное землей платье, прежде чем покинуть огород.

Загон, куда отвел меня Алек, находился на отдалении от конюшен, на зеленом лугу. Три молодых коня резвились на свободе, а одна кобылка с блестящей чистой шерстью была привязана к ограде. Ее спину укрывала легкая попона.

Джейми осторожно крался к лошади, а она наблюдала за его маневрами с явным подозрением. Он положил единственную свободную руку кобылке на спину и заговорил с ней тихо и ласково, готовый отступить, если она взбрыкнет. Она выкатила глаза и фыркнула, но не пошевелилась. Двигаясь очень медленно, Джейми перекинул ногу через покрытую попоной спину лошади, продолжая свои ласковые уговоры, и наконец осторожно уселся верхом. Лошадь тихонько заржала, затем с шумом выпустила из ноздрей воздух, но всадник был настойчив и голос его все журчал – спокойно, даже шутливо.

Но вот кобылка повернула голову и увидела нас с мальчиком. Восприняв наше появление как угрозу, она визгливо заржала и ринулась в сторону, сбросив Джейми прямо на забор. Она храпела и лягалась, пытаясь сорваться с привязи, которая ее удерживала. Джейми откатился под забор, подальше от копыт. Потом с трудом поднялся на ноги, выругался по-гэльски и повернулся посмотреть, из-за чего сыр-бор.

Но едва он увидел, кто к нему явился, как сердитость сменилась приветливостью, хотя наше появление оказалось совсем некстати. Правда, корзина с едой, предусмотрительно врученная миссис Фиц, тоже сделала свое дело: эта женщина и в самом деле хорошо знала молодых мужчин.

– Уймись ты, проклятая животное, – прикрикнул Джейми на лошадь, которая все еще фыркала и танцевала на привязи.

Джейми наградил юного Алека легким шлепком, поднял свалившуюся с лошади попону, отряхнул от пыли и галантно протянул ее мне, чтобы я могла присесть.

Тактично не упоминая неприятное происшествие, я уселась, налила Джейми эля, подала хлеб и сыр.

Ел он очень сосредоточенно, а я почему-то вспомнила о его отсутствии на прошлом ужине в холле и спросила, почему он туда не пришел.

– Проспал, – ответил он. – Я ушел спать сразу после того, как оставил вас в замке, и не просыпался до вчерашнего утра. После приема в холле я малость поработал, потом присел на вязанку сена отдохнуть перед обедом. – Он рассмеялся. – А проснулся нынче утром на том же месте из-за того, что лошадь подошла и начала хватать губами мое ухо.

Отдых явно пошел ему на пользу: синяки, конечно, потемнели и стали заметнее, но кожа вокруг них имела здоровый цвет, а про аппетит и говорить не приходилось.

Джейми съел все и даже, слегка послунявив палец, собрал крошки хлеба с рубахи и отправил их в рот.

– У вас отличный аппетит, – заметила я с улыбкой. – Думаю, проголодавшись, вы бы и траву стали есть.

– Приходилось и траву есть, – ответил он совершенно серьезно. – Вкус у нее ничего, но насыщает она плохо.

Я удивилась и решила, что он просто шутит.

– Когда же это было? – спросила я.

– Зимой в позапрошлом году. Я тогда жил без удобств... прямо в лесу... с другими парнями. Мы делали набег на границу. Выпала нам неудачная неделя или даже больше недели,

когда припасов у нас почти не оставалось. Перепадало понемножку овсянки от мелких арендаторов, но эти люди такие бедные, что у них и брать-то стыдно – им нечем поделиться. Конечно, они всегда что-нибудь подадут страннику, но если странников целых двадцать человек, это, пожалуй, неподъемно даже для горского гостеприимства. – Неожиданно он улыбнулся. – Вы когда-нибудь слышали... нет, откуда вам это знать? Я хотел спросить, знаете ли вы, как они молятся за столом?

– Нет. И как же?

Он откинул волосы со лба и прочитал нараспев:

Быстро, быстро все за стол,
Ешьте до отвала,
Чтобы все ушло в живот,
Не в суму попало. Аминь!

– Что значит «не в суму»? – спросила я.

Джейми похлопал рукой по споррану, висевшему спереди на поясе.

– Очень просто: клади в брюхо, а в сумку не прячь.

Он отыскал травинку с длинным стеблем и осторожным движением вытянул сердцевину из закрученной оболочки. Медленно покрутил травинку между пальцами, так что с колоска облетела пыльца.

– Зима тогда выпала поздняя и мягкая, к счастью для нас, иначе бы мы не выжили. Мы ловили силками кроликов, но иногда приходилось есть дичь сырой, потому что огонь было не разжечь. Случалось и оленины отведать, но в те дни ничего не попадалось.

Он перекусил стебелек. Я тоже вытянула себе травинку и пожевала кончик. Он оказался сладковато-кислый, но съедобная мягкая часть была длиной не больше дюйма. Нечего сказать, питательно...

– Как раз выпал небольшой снег, – продолжал Джейми, отбросив в сторону изжеванный стебелек и вытянув другой. – Под деревьями ледяной наст, а вокруг сплошная грязь. Я ходил и искал трутовики, это вроде грибов, растут прямо на коре в основании деревьев, рыжего цвета. Я проломил ногой наст и наступил на травяную кочку. Знаете, между деревьями иногда такие вырастают. Олени их любят, ищут под снегом. Олень отбрасывает копытом снег с этой кочки и съедает ее до самых корней. Ту, которую я нашел, они, видно, пропустили. Я подумал: если олени могут их есть, чем я-то хуже? Я был страшно голодным, готов был собственные башмаки сварить и съесть, но тогда было бы не в чем ходить, тоже пропадешь. Вот я и сжевал траву, как олень, под самый корень.

– Сколько времени вы не ели? – спросила я, потрясенная его рассказом.

– Три дня совсем ничего, а за неделю удалось раздобыть немного овсянки с молоком. Да, зимняя трава горькая и грубая, не то что эта.

Джейми взглянул на травинку у себя в руке.

– Но мне на это было плевать. – Он снова улыбнулся. – Не подумал я тогда, что у оленя четыре желудка, а у меня только один. Колики были ужасные. Один бывалый человек потом объяснил мне, что траву надо хотя бы сварить, но я этого не знал. Да если бы и знал, не утерпел бы, не смог бы ждать, пока сварится.

Вскочив на ноги, он протянул руки, помог мне подняться.

– Пора приниматься за работу. Спасибо за угощение, барышня.

Он подал мне корзинку и зашагал к загону для лошадей, его волосы на солнце отливали золотом и медью.

Я неторопливо побрела в замок, раздумывая о мужчинах, которым приходилось спать в холодной слякоти и жевать траву. Только во дворе я спохватилась, что совсем забыла про плечо Джейми.

Глава 7

Кабинет Дэви Битона

Вернувшись в замок, я с удивлением обнаружила, что у ворот меня ждал один из вооруженных охранников Колума. Он сообщил мне, что Колум будет признателен, если я удостою его визитом.

В кабинете лэрда двойные высокие створки окон были распахнуты, ветер шелестел листвою плененных деревьев, и оттого казалось, что ты на вольном воздухе.

Лэрд сидел за письменным столом и что-то писал, но при моем появлении немедленно встал и поприветствовал меня. Спросил о самочувствии и проводил к клетке с птицами, которые особенно радостно щебетали и перепархивали с ветки на ветку, довольные свежим ветерком из окна.

– Дугал и миссис Фиц твердят в один голос, что вы недурной лекарь, – начал Колум непринужденно, просунув указательный палец в клетку.

Крохотная овсяночка, очевидно, уже знакомая с этим жестом, тотчас вспорхнула и уселась на палец, обхватив его коготками и слегка трепеща крылышками. Он осторожно и нежно погладил птичью головку мозолистым указательным пальцем другой руки. Я удивилась, заметив загрубевшую кожу вокруг ногтя: Колум не напоминал человека, который занимается физическим трудом.

Я пожала плечами в ответ.

– Не надо быть искусным лекарем, чтобы перевязать неглубокую рану.

Он улыбнулся.

– Может, и так, однако необходимо мастерство, чтобы сделать это в крошечной темноте на обочине дороги. Миссис Фиц рассказала мне еще, что вы наложили шину на сломанный палец одному из ее маленьких помощников и что нынче утром перевязали обваренную руку одной из кухарок.

– Тут тоже нет ничего особо трудного, – возразила я, не понимая, к чему он клонит.

Колум махнул рукой одному из слуг, и тот немедленно достал из секретера небольшую чашку с крышкой. Маккензи снял крышку и принялся бросать на пол клетки корм для птиц. Словно крохотные мячики для крикета посыпались с веток на пол клетки – так стремительно пташки слетели вниз, а за ними и овсянка, сидевшая на пальце у хозяина.

– У вас нет родственных связей с кланом Битонов? – спросил Колум. Я вспомнила, что об этом меня уже спрашивала миссис Фиц во время нашей первой встречи.

– Нет. А какое отношение этот клан имеет к медицине?

Колум уставился на меня.

– Как? Вы ничего о них не слышали? В горах Шотландии Битоны известны как лучшие лекари. Многие из них являются странствующими целителями. У нас здесь жил один.

– Жил? А что с ним случилось потом?

– Умер, – спокойно ответил Колум. – Подхватил где-то лихорадку, которая прикончила его за неделю. С тех пор у нас нет лекаря, если не считать миссис Фиц.

– Она лечит умело, – сказала я, тут же вспомнив, как ловко она справилась с травмами Джейми.

Это воспоминание повлекло за собой мысль о том, кто обрек Джейми на наказание, и я ощутила приступ острой неприязни к Колуму. Неприязни – и одновременно потаенного страха. Я напомнила себе, что именно этот человек вершит суд и закон в своем маленьком государстве и выносит приговоры подданным.

Он кивнул, по-прежнему наблюдая за птицами, и вытряхнул остатки зерен, чтобы побаловать прилетевшую позже других серо-голубую птаху.

– О да, – ответил он, – она прекрасная знахарка, но у нее слишком много других дел, ведь на ней все хозяйство замка, она обслуживает всех, в том числе и меня, – заключил он с мягкой улыбкой. – Я подумал вот о чем, – продолжил он, очевидно, воодушевившись моей ответной улыбкой. – Как мне кажется, вам сейчас особенно нечем себя занять, так почему бы вам не взглянуть на то, что осталось после Дэви Битона? Вы могли бы разобраться, насколько полезны его снадобья и прочее.

– Ну... да, я могла бы. Почему бы и нет?

По правде говоря, мне надоело крутиться только между огородом, моей комнатой и кухней. Любопытно взглянуть на то, что покойный мистер Битон считал необходимым для своей профессии.

– Ангус или я можем проводить леди вниз, – почтительно предложил слуга.

– Не беспокойтесь, Джон, – отозвался лэрд, жестом отсылая слугу. – Я сам все покажу миссис Бошан.

Ему было нелегко спускаться по лестнице и, вероятно, больно, однако он явно не желал ничьей помощи, и я ее не предложила.

Кабинет мистера Битона притаился в уединенном уголке замка, спрятанный от посторонних глаз за кухней. За вешней стеной – и довольно близко – находилось только кладбище, где нашел покой бывший хозяин кабинета. Узкая, темная комната могла похвалиться всего лишь одним маленьким окошком под сводчатым потолком; плоский луч солнечного света отделял верхнюю часть комнаты от глубокого сумрака нижней ее части.

Заглянув в мрачную нишу в углу, я увидела высокий шкаф с множеством крошечных ящичков с этикетками, надписанными затейливым почерком. Кувшины, коробочки и бутылочки всех размеров и форм плотно стояли на полках над рабочей поверхностью, на которой покойный Битон, очевидно, имел привычку готовить свои снадобья – судя по пятнам на прилавке и по ступке с остатками какого-то вещества.

Колум вошел в комнату первым. В луче света клубом закружилась поднятая им пыль – словно здесь упал надгробный камень – не меньше. Колум постоял немного, давая глазам привыкнуть к темноте, затем медленно двинулся вперед, глядя по сторонам. Мне подумалось, что он, скорее всего, впервые видит эту комнату.

Глядя, как он хромает, пробираясь по узкому проходу, я сказала:

– Знаете, вам помог бы массаж. Я имею в виду, так можно снять боли.

В его взгляде на мгновение вспыхнул опасный огонек, и я пожалела о своих словах, но он угас столь же быстро, как и возник, и на лице появилось привычное выражение вежливого внимания.

– Делать его надо, прилагая усилие, – отважилась я продолжить, – особенно в области поясницы.

– Знаю, – ответил он, – Ангус Мор делает мне массаж по вечерам. – Он покрутил в руках один из сосудов и сказал: – Значит, у вас есть некоторые представления о знахарстве?

– Немного, – осторожно ответила я, опасаясь, как бы он не вздумал расспрашивать меня, что это за набор лекарств.

На бутылочке, которой он коснулся, было написано: «Purles ovis». Кто знает, что это такое! К счастью, Колум поставил сосуд на место и осторожно провел пальцем по пыльному сундуку у стены.

– Давненько сюда никто не заглядывал, – произнес он. – Я велю миссис Фиц, чтобы она послала девушек прибраться, как думаете? – Я приоткрыла дверцу шкафа и закашлялась от поднимающейся пыли.

– Думаю, это было бы кстати, – согласилась я.

На нижней полочке шкафа лежала толстая книга в голубом кожаном переплете. Приподняв ее, я обнаружила томик поменьше, в черном дешевом переплете с изрядно потрепанными уголками.

Томик оказался медицинским журналом Битона – сюда он заносил имена пациентов, записывал их симптомы, название болезней и назначенное лечение. Ничего не скажешь, человек методичный. Одна из записей гласила: «Второе февраля года 1741-го. Сара Грэхем Маккензи, повреждение большого пальца – был зажат колесиком прялки. Прикладывать заваренные листья болотной мяты, делать припарки из равных частей тысячелистника и мышиноного ушка, замешенных на очищенной глине». Мышиное ушко? Какая-нибудь трава из тех, что стоят в баночках на полке?

– Зажил ли палец у Сары Маккензи? – спросила я у Колума, листая книжку.

– Сара? – переспросил он и ответил, подумав: – Нет. Полагаю, что нет.

– В самом деле? Что же произошло? Может быть, мне осмотреть ее снова?

Он покачал головой, и мне показалось, что на губах у него заиграла еле заметная мрачная улыбка, чуть тронувшая полные точеные губы.

– Почему? – спросила я. – Разве она покинула замок?

– Можно и так выразиться, – ответил он. – Она умерла.

Улыбка проступила более явно. Он повернулся и пошел по пыльному каменному полу к выходу, а я смотрела ему вслед.

– Хочется надеяться, что вы окажетесь целителем лучше покойного Дэви Битона, миссис Бошан.

В дверях он обернулся и посмотрел на меня с саркастической ухмылкой. Солнечный луч высветил его фигуру.

– Соревнование не из тяжелых: хуже быть трудно, – добавил он и исчез в темноте за дверью.

Я бродила по комнате, разглядывая все, что в ней было. Скорее всего, большей частью тут всякая ерунда, но кое-что может оказаться полезным. Открыв один из ящичков в аптечном шкафу, я ощутила запах камфары – уже неплохо. Я задвинула ящичек и вытерла о платье пыльные пальцы. Наверное, стоит подождать, пока девушки – помощницы миссис Фиц – приберутся здесь, и тогда уже продолжать изучение содержимого.

Я выглянула в коридор. Пусто. Но я не столь наивна, чтобы полагать, будто поблизости никого нет. Я знала, что за мной следят, хотя – то ли по приказу, то ли из тактичности – делают это скрытно и осторожно. Если я шла в сад, меня непременно кто-нибудь сопровождал. Когда я поднималась в свою комнату, то замечала, что у основания лестницы кто-то смотрит, в каком направлении я пошла. Когда мы только-только прибыли в замок, я заметила под навесом укрывшихся от непогоды вооруженных стражников. Нет, мне определенно не удастся покинуть замок легко и незаметно.

Я вздохнула. Наконец-то на короткое время я осталась одна. А мне нравилось хотя бы ненадолго оставаться в одиночестве.

Я еще раз попыталась обдумать все, что произошло со мной с той минуты, как я попала в проход между двух каменных столбов. События развивались с такой скоростью, что у меня практически не оставалось времени поразмыслить – разве что во сне. И вот наконец я одна и ничем не занята. Я отодвинула от стены пыльный сундук и уселась на него, прислонившись спиной к каменной кладке. Потянув руки назад, прикоснулась ладонями к камням весьма солидного размера, из которых была сложена стена. Я трогала их и вспоминала малейшие подробности случившегося в каменном круге.

Кричащие камни – вот последняя деталь моего мира, которая отчетливо запечатлелась в мозгу. Но даже тут у меня возникали сомнения. Крик точно был. Но исходил ли он от самих камней... а если нет, то откуда шел? Я вступила в проход. Был ли он какой-то особенной камен-

ной дверью? Куда она открывалась? Нельзя было ответить на эти вопросы. Какой-то разрыв во времени, потому что я раньше была там, а теперь здесь, и камни – единственная связь между тем и этим.

А еще звуки. Они были приглушенными, но казалось, что раздаются неподалеку, вроде бы они походили на звуки сражения. Полевой госпиталь, где я служила, трижды подвергался артиллерийскому обстрелу. Прекрасно зная, что тонкие стены временок никого не спасут, врачи все же приказывали всем укрываться внутри вместе с ранеными, и мы прятались по первой тревоге, собирались вместе для храбрости. Но храбрость мало помогает, если над головами свистят снаряды, а рядом рвутся бомбы. Нечто подобное ужасному опыту обстрелов я испытала среди камней хенджа.

Я вдруг осознала, что помню кое-что еще о проходе сквозь камни. Очень небольшое. Физическое сопротивление, борьба с неким потоком, с сильным течением. Я определенно боролась с этой безымянной силой, чем бы она ни была. И еще я помнила какие-то изображения. Не цельные картины, нет, просто как будто фрагменты мыслей. Некоторые меня пугали, и я от них отворачивалась, пока... пока «шла». Пробивалась ли я к каким-то иным изображениям? Я помню борьбу на пути к некоей поверхности... Может, я сама выбрала именно это время – как гавань, где можно укрыться от страшного водоворота? Я затрясла головой. Думая обо всем этом, я не могла найти ответов. Все оставалось загадкой, ясно было лишь одно: мне необходимо попасть на холм, где стоят камни.

– Мистрес?

Мягкий шотландский выговор заставил меня поднять голову. Две девушки лет шестнадцати робко попятились назад в коридор. Они были одеты очень просто и обуты в башмаки на деревянной подошве, волосы повязаны домоткаными шарфами. Одна из них – та, что со мной заговорила, – держала в руках щетку и тряпку, вторая – бадью с горячей водой, от которой шел пар. Это помощницы миссис Фиц пришли убраться в кабинете лекаря.

– Мы вас не побеспокоили? – встревоженно спросила одна.

– Нет-нет, – заверила их я. – Я как раз собиралась уходить.

– В полдень вы не пришли пообедать, – сказала другая девушка, – но миссис Фиц попросила передать, что еда для вас в кухне и вы можете туда прийти, как захотите перекусить.

Я выглянула в окно в конце коридора. Солнце и в самом деле уже перевалило за полдень, и я поняла, что проголодалась. Я улыбнулась девушкам:

– Так я и сделаю. Спасибо вам.

Я снова отнесла еду к загону на лужайке, опасаясь, что в противном случае Джейми не съест ни крошки до самого ужина. Сидя на траве и наблюдая за тем, как он ест, я спросила, почему он жил в таких условиях, угонял скот и совершал набеги на границе. Я уже изучила людей, которые приходили в замок из окрестных деревень, да и к обитателям замка присмотрелась, и мне было ясно, что Джейми, во-первых, имеет благородное происхождение, а во-вторых, получил образование. Его дом, кратко описанный им, позволял сделать вывод, что он из зажиточной семьи. Почему же он живет так далеко от дома?

– Так я же вне закона, – ответил он, явно удивившись, что я не в курсе. – Англичане дают десять фунтов стерлингов за мою голову. Не так много, как за какого-нибудь разбойника, – добавил он недовольно, – но все-таки больше, чем за карманника.

– И это за оказание сопротивления? – недоверчиво спросила я.

Десять фунтов по местным меркам – полугодовой доход небольшой фермы; мне трудно было представить, что английское правительство выбрало такое крупное вознаграждение за мелочь вроде этой.

– Нет. За убийство.

Я открыла рот от изумления и поперхнулась. Джейми похлопал меня по спине. Наконец я смогла говорить и спросила, запинаясь:

– К-кого вы у-убили?

Он пожал плечами.

– Ну, тут есть небольшая несостыковка. Я не убивал человека, в убийстве которого меня обвинили и объявили вне закона. Но все справедливо, потому что я отправил на тот свет несколько других красномундирников.

Он помолчал и повел плечами – словно потерял спиной о невидимую стену. Я замечала, что он и прежде делал так – например, в мое первое утро в замке, когда я его перевязывала и заметила рубцы у него на спине.

– Это было в Форт-Уильяме. День или два после второй порции хлыста я почти не мог двигаться, из-за ран меня лихорадило. Когда я встал на ноги, мои... друзья решили похитить меня оттуда, они считали, что так будет лучше для меня. Вышло так, что началась перестрелка, в которой убили англичанина – старшего сержанта, и оказалось, что именно он исполнял наказание в первый раз. Но я его не убивал. У меня не было к нему никаких личных претензий, к тому же я был слишком слаб для таких подвигов, хорошо, что в седле удержался.

Губы его сжались в одну тонкую твердую линию.

– Хотя если бы это оказался капитан Рэндолл, уж я бы собрался с силами.

Он снова повел плечами, так что льняная рубашка плотно обтянула спину.

– Вот и все. Именно по этой причине я не ухожу от замка далеко. Здесь, в горах, почти невозможно наткнуться на английский патруль, хотя границу они переходят часто. Есть еще пограничная стража, но эти к замку не приближаются. Колум не нуждается в их услугах, у него своих людей хватает.

Он улыбнулся и взъерошил волосы, так что они встали дыбом – словно иглы дикобраза.

– Я не такой уж неприметный, как видите. Сомневаюсь, что в замке есть осведомители, но в окрестностях, без сомнения, найдутся люди, которые не прочь заработать копейку, сообщив англичанам, где я скрываюсь, если узнают, кто я такой. – Он улыбнулся мне. – Вы догадались, что я вовсе не Мактавиш?

– А лэрд об этом знает?

– Что я вне закона? Да, Колум знает. Многие люди в горной Шотландии, похоже, знают об этом. Происшествие в Форт-Уильяме вызвало много шума, а новости разносятся быстро. Однако они не знают, что Джейми Мактавиш и есть тот самый человек. Остается надеяться, что на меня не наткнется кто-то из тех людей, которые встречались со мной, когда я жил под своим настоящим именем.

Волосы его все еще торчали в беспорядке. Мне вдруг захотелось пригладить их, но я сдержалась.

– Почему вы так коротко стрижете волосы? – неожиданно для себя спросила я и покраснела. – Простите, это совсем меня не касается, просто я заметила, что другие мужчины здесь носят длинные...

Он провел рукой по голове и ненадолго задумался.

– У меня они тоже были длинные, как положено. Теперь они короткие, потому что монахи выбрили мне затылок и надо подождать несколько месяцев, пока волосы отрастут.

Он наклонил голову на грудь и предложил посмотреть на его затылок:

– Видите?

Раздвинув густые волосы, я увидела слегка выпуклый рубец от недавней раны длиной примерно в шесть дюймов и аккуратно провела по нему пальцем. Рану лечили и при этом накладывали швы; тот, кто этим занимался, знал свое дело, – судя по форме, края свежей раны расходились широко, и кровотечение было обильным.

– У вас бывают головные боли? – спросила я по профессиональной привычке.

Джейми выпрямился, снова поправил растрепавшиеся волосы. Кивнул.

– Иногда, но теперь уже не такие сильные. Месяц или даже больше после того, как это случилось, я не мог видеть, и меня мучили дикие боли. Когда ко мне вернулось зрение, головные боли начали ослабевать.

Он несколько раз моргнул, как бы проверяя, хорошо ли видит.

– В глазах иногда будто туман, – объяснил он, – если сильно устану. Предметы расплываются по периферии.

– Как вы еще живы остались! – сказала я. – У вас, должно быть, очень крепкий череп.

– Что есть, то есть. Широкая кость, как утверждает моя сестра.

Мы оба рассмеялись.

– Как это случилось?

Он нахмурился, и на лице появилось выражение неуверенности.

– Хороший вопрос, – медленно проговорил он. – Я ничего не помню. Мы были вместе с ребятами из Лох-Лаггана у перевала Корриайэрек. Помню, я начал подниматься вверх по холму через чашу, помню, как укололся шипом падуба и подумал, что капли крови напоминают красные ягоды. Следующее мое воспоминание относится уже к монастырю Святой Анны во Франции, где я очнулся. В аббатстве Святой Анны де Бопре голова у меня гудела, словно колокол, и кто-то – видеть я не мог – подал мне холодной воды.

Он потер рукой затылок – как будто рана еще беспокоила его.

– Иногда мне кажется, я помню какие-то мелочи: лампу над головой, она раскачивается... что-то сладкое и масляное на губах... кто-то со мной говорит... Но все это будто не по-настоящему. Я знаю, что монахи давали мне опиум, и я почти все время спал.

Он прижал пальцами опущенные веки.

– Был сон, который все время повторялся. Три корня растут у меня в голове, толстые, корявые, они прорастают сквозь глаза, опускаются в горло, чтобы задушить меня. Сон тянулся бесконечно, корни извивались и становились все длиннее, шире. В конце концов они становились такими большими, что раскалывали мой череп, и я просыпался от звука ломающихся костей. – Он поморщился. – Такой влажный треск – словно выстрелы под водой.

– Ох!

Внезапно на нас упала чья-то тень, и нога в сапоге ткнула Джейми в ребро.

– Ленивый молодой пройдоха, – без всякого раздражения бросил незнакомец, – сидит и лопает тут, а лошади бегают где попало. А что, если молодая кобыла сломает ногу, а?

– А что, если я умираю от голода, Алек? – ответил Джейми. – Ты тоже поешь, тут всем хватит.

Он взял кусок сыра и вложил его в искореженные ревматизмом пальцы мужчины. Пальцы не без усилия сомкнулись на куске, а их обладатель уселся на траву.

С неожиданным изяществом Джейми представил мне Алека Макмахона Маккензи, конюшего замка Леох.

Приземистый, одетый в кожаные штаны и грубую рубаху, конюший выглядел спокойным и уверенным, и мне подумалось, что он в состоянии укротить самого непокорного жеребца. У Алека был только один глаз, второй закрывала черная повязка. Как бы компенсируя этот изъян, его седые, сросшиеся на переносице брови обладали невероятной густотой, их удивительно длинные волоски постоянно угрожающе шевелились, напоминая усики-антенны некоторых насекомых.

Старина Алек (именно так обращался к нему Джейми – должно быть, чтобы не путать их с моим гидом, юным Алеком) небрежно кивнул мне и тотчас забыл о моем существовании, сосредоточив свое внимание в одинаковых долях на еде и наблюдении за тремя молодыми лошадами на лугу, которые яростно отмахивались хвостами от мух. Я быстро потеряла интерес к их долгой дискуссии о родословной нескольких лошадей (не тех, что паслись на лугу), о секретах разведения чистопородных скакунов, накопившихся за последние несколько лет,

а также о непостижимых для меня особенностях лошадиной конституции – сухожилиях, холках, крупах и тому подобных анатомических частях. Я различала у лошадей нос, хвост и уши, прочие тонкости были мне недоступны.

Откинувшись назад, я оперлась на локти и грелась на солнышке. Этот день казался здесь, на лугу, на удивление мирным, все шло своим путем, безмятежно, суета и печали человеческой жизни остались где-то за скобками. Быть может, такой вот мир обретаешь на лоне природы, вдали от домов с постоянным снованием и мельтешением. А может, мне так показалось после работы в огороде, где я ощущала тихое чувство радости от работы с растениями, удовлетворение от того, что я помогаю им расти. Вероятно, сыграло свою роль и то, что для меня нашлось дело, что я больше не буду бродить по замку неприкаянной тенью, словно случайная каракуля на пергаменте.

Несмотря на то что я не принимала участия в беседе на лошадиные темы, здесь, на лугу, я не чувствовала себя лишней. Старина Алек воспринимал меня как деталь ландшафта, Джейми, который время от времени бросал в мою сторону взгляд, тоже, в целом, не был озадачен моим присутствием, особенно после того как они перешли на гэльский с его скользящими ритмами, – верный признак того, что шотландец увлекся разговором не на шутку. Я, разумеется, ничего не понимала, но их речи успокаивали меня, как успокаивает жужжание пчел над цветущим вереском. Удивительно умиротворенная и к тому же сонная, я отбросила все мысли о Колуме и его непростой натуре, о моем двусмысленном положении и прочих неприятных вещах. «Довольно для каждого дня своей заботы», – всплыла уже в полусне из каких-то закоулков памяти строка из Евангелия¹⁰.

Некоторое время спустя я проснулась – то ли потому, что набежали облака и потянуло холодом, то ли оттого, что изменился тон мужчин. Они снова перешли на английский и говорили о чем-то серьезном, совсем не так, как болтали о лошадях.

– До собрания осталась всего неделя, – произнес Алек. – Ты, паренек, уже решил, что будешь делать?

Джейми вздохнул.

– Нет, Алек, не решил. То одно выберу, то передумаю снова. Конечно, мне нравится работать здесь с тобой и с лошадьми. – В голосе у него звучала улыбка, но эта веселость исчезла, когда он продолжил: – К тому же Колум обещал мне... ну, ты знаешь об этом. Но поцеловать железо и принять имя Маккензи и изменить всему, что принадлежит мне по праву рождения? Нет, даже думать не желаю.

– Ты такой же упрямец, как твой отец, – проворчал Алек, но в его голосе прозвучало одобрение. – Во всем на него похож, только ростом выше и волосы светлые – в материнскую родню.

– Ты его знал? – с интересом спросил Джейми.

– Знал не очень хорошо, но слышал много. Я ведь здесь, в Леохе, появился как раз перед тем, как твои родители поженились. Послушать разговоры Колума и Дугала о твоём отце, так подумаешь, он сам дьявол. А матушка твоя ни дать ни взять прямо Дева Мария, которую он уволок прямым ходом в пекло.

Джейми рассмеялся:

– И я похож на него, да?

– Один к одному, парень. Я ведь знаю, что тебе это поперек горла – быть человеком Колума. Но тут есть о чем поразмыслить, согласен? Скажем, дойдет до борьбы за Стюартов, и Дугал все сделает по-своему. Если ты правильно выберешь сторону в этой драке, то получишь назад и землю, и кое-что еще в придачу, что бы там ни делал Колум.

¹⁰ От Матфея, 6:34.

Джейми ответил междометием, которое я про себя успела окрестить «шотландским фырканием» – некий неопределенный звук, который возникал где-то в гортани и мог означать что угодно. В данном случае он, на мой взгляд, выражал сомнение в вероятности нужного исхода.

– Да, – проговорил он, – а что, если Дугалу не удастся сделать по-своему? Или если удача будет не на стороне Стюартов?

Алек издал то же самое междометие, прежде чем заговорить:

– Тогда останешься здесь, паренек. Станешь конюшим вместо меня. Мне скоро пора на покой, а ты лучше всех, кого я знаю, управляешься с лошадьми.

Джейми польщенно хмыкнул в знак того, что комплимент ценит очень высоко. Алек не обратил внимания на реакцию Джейми и продолжил:

– Маккензи тебе родня, так что кровь свою ты не предашь. К тому же есть и еще кое-что, вернее, кое-кто... – В голосе у Алека появились дразнящие нотки: – Например, мисс Лаогера, а?

В ответ послышалось шотландское междометие, на этот раз выражавшее смущение.

– Ладно тебе, парень, никто не станет принимать побои вместо девушки, к которой он равнодушен. Ты же знаешь, что ее отец не позволит ей выйти замуж за человека из другого клана.

– Она совсем молоденькая, Алек, я ее просто пожалел, – объяснил Джейми. – Только это и ничего больше, уверяю тебя.

Алек насмешливо фыркнул и разразился целой речью:

– Расскажи это лучше амбарной двери, парень, может, у нее хватит мозгов тебе поверить. Ладно, пускай даже не Лаогера – хотя она далеко не худший вариант. Но жену можно найти очень интересную, если бы у тебя водились деньги и было достойное будущее, если бы ты мог со временем занять место Колума. Сможешь выбрать любую, ежели она первая тебя не выберет! – Алек издал короткий и странный смешок, свойственный людям, которые редко смеются. – Будут слетаться как пчелы на мед, парень! Девушки и так вздыхают по тебе, хоть ты без гроша и без имени, уж я-то знаю! Даже англичанка не может от тебя оторваться, хоть и едва овдовела!

Желая остановить поток неприятных личных комментариев, я решила, что мне пора официально проснуться. Я потянулась, зевнула и села, старательно протирая глаза, чтобы не смотреть на своих собеседников.

– Ммм, я, похоже, задремала, – сказала я, сонно моргая.

Джейми, у которого покраснели уши, слишком сосредоточенно принялся собирать остатки еды. Старина Алек уставился на меня с таким выражением, словно впервые заметил.

– А вы интересуетесь лошадами, барышня? – спросил он.

В нынешних обстоятельствах я, разумеется, не могла ответить отрицательно. Согласившись с тем, что лошади очень занимательны, я обрекла себя на подробное описание достоинств молодой кобылки в загоне, которая сейчас безмятежно дремала, изредка взмахивая хвостом, чтобы отогнать случайную муху.

– Приходите, барышня, полюбоваться на них, когда вам вздумается, – заключил свое повествование Алек, – только не подходите слишком близко, чтобы не отвлекать. Они должны работать.

Это был недвусмысленный намек на мое затянувшееся присутствие, но я помнила о главной причине своего прихода.

– В следующий раз буду осторожнее, – пообещала я. – Но до возвращения в замок я должна осмотреть плечо Джейми и снять повязку.

Алек кивнул с пониманием, но, к моему удивлению, Джейми отказался от осмотра и направился в загон.

– Это может подождать, барышня, – обернувшись, сказал он. – Сегодня у меня еще много работы. Может, попозже, после ужина?

Мне это показалось тем более странным, что до сих пор он не спешил возвращаться к работе. Но я, конечно же, не могла навязывать ему свою заботу, если он этого не хотел. Я пожалала плечами, согласилась встретиться с ним после ужина и пошла по дорожке на холм, к замку.

Я шла и думала о форме шрама на голове у Джейми. То была не прямая линия, которую оставил бы английский плоский меч. Рубец был изогнутый, словно нанесенный кривым оружием. Боевая секира? Но насколько я знала, такие секиры носили только члены шотландских кланов.

Я пошла дальше, но вдруг мне пришла в голову еще одна мысль: для молодого человека в бегах, у которого есть неизвестные враги, Джейми был до странности доверителен с чужим человеком.

Я отнесла корзинку в кухню и вернулась в кабинет покойного Битона, вычищенный до блеска энергичными помощницами миссис Фиц. Бутылки на полках сияли даже в тусклом свете из окна.

Именно со шкафа и стоило начать инвентаризацию и выяснить, какие медикаменты и травы уже есть под рукой. Накануне вечером я немного полистала прихваченную в кабинете книгу в голубом кожаном переплете. Книга оказалась «Справочником и путеводителем врача» и содержала список рецептов с подробным описанием ингредиентов для лечения разнообразных симптомов и недомоганий. В книге было несколько разделов: «Рвотные средства и лекарственные каши», «Таблетки и пилюли», «Пластыри и их употребление», «Декокты и настои», а также весьма обширный раздел, несколько зловеще обозначенный одним словом: «Слабительное».

Углубившись в чтение, я поняла главную причину непопулярности Дэви Битона как целителя. «При головной боли, – гласил один рецепт, – возьмите кусочек конского навоза, тщательно высушите его, разотрите в порошок и, размешав с теплым элем, выпейте целиком». Через несколько страниц: «Отвар, приготовленный из корней чистотела, куркумы и сока двух сотен слэтерс (слово поставило меня в тупик!), – лучшее средство от желтухи». Я закрыла книгу, удивляясь тому, что значительное число пациентов покойного доктора не только выжили, употребляя прописанные средства, но даже выздоровели.

На самом видном месте стоял большой кувшин коричневого стекла, содержащий несколько подозрительных шаров. Начитавшись рецептов, я стала размышлять, что бы это могло быть. Повернув кувшин, обнаружила на нем этикетку и с торжеством детектива прочла: «Конский навоз». Полагая, что подобная субстанция с течением времени не начинает лучше пахнуть, осторожно отставила кувшин в сторону, не открывая его.

Последующее расследование показало, что *Purles ovis* есть не что иное, как латинское обозначение подобной же субстанции, но за авторством овец. «Мышиное ушко» оказалось материей животного происхождения, а не растительного, как я предположила вначале; с некоторым содроганием отодвинула от себя бутылочку, полную высушенных крохотных розовых ушек.

Я продолжала недоумевать по поводу загадочных «слэтерс», это слово встречалось в нескольких вариантах – «слэтерс», «слеттерс» и «слэтирс»; по-видимому, то был важный ингредиент многих снадобий, и я обрадовалась, когда в руки мне попала заткнутая пробкой бутылочка с соответствующей надписью. Она была заполнена до половины чем-то похожим на маленькие серые пилюли. Диаметром они были не более четверти дюйма и такие идеально круглые, что я восхитилась искусством Битона. Я поднесла бутылочку поближе к глазам, подивившись тому, что она очень уж легкая. Тут я разглядела на каждой «пилюле» тоненькие бороздки и микроскопические ножки, сжатые в центре в один пучок. Я поспешно поставила

бутылочку на стол, вытерла руки о передник и мысленно внесла в список открытий еще один пункт: написано «слэтерс» – читай «мокрицы».

В кувшинах Битона бывали и вполне приемлемые вещи, например высушенные травы или экстракты из них, все это могло пригодиться. Я нашла порошок фиалкового корня и ароматический уксус, которые миссис Фиц использовала для лечения Джейми. Нашла дягиль, полынь и сосуд с загадочной надписью: «Вонючий араг». Открывала этот сосуд с осторожностью, но там оказались всего-навсего мягкие кончики молодых еловых веток, и из бутылки потянулся приятный аромат даже прежде, чем я ее как следует открыла. Я оставила ее открытой, чтобы освежить воздух в маленькой темной комнате, а сама продолжила перебирать запасы.

Я отодвинула в сторону кувшин, доверху наполненный сушеными улитками, потом емкость с надписью: «Масло из дождевых червей» – надпись соответствовала содержимому, потом «Vinum millepedatum» – в кувшине оказались раскрошенные многоножки в вине; далее на свет божий извлекла «Порошок из египетской мумии», на вид весьма непонятный, но думаю, местом его происхождения был илистый берег водоема, а не гробница фараона; голубиная кровь, муравьиные яйца, высушенные жабы, старательно завернутые в мох, и наконец «Человеческий череп, растертый в порошок». Чей это был череп? Бог весть.

Большая часть второй половины дня ушла у меня на обследование шкафа, а потом комода с огромным количеством ящиков и полочек, в результате чего выставила за дверь кучу пустых бутылочек, коробок и прочих емкостей со снятыми этикетками – чтобы их убрали или для чего-то использовали. Значительно меньшее количество сосудов с полезными веществами я снова поместила в шкаф.

Некоторое время я задумчиво стояла над большим свертком паутины. И «Путеводитель» Битона, и моя собственная память подсказывали, что паутину весьма эффективно можно использовать при перевязке ран. Я была склонна считать подобное решение негигиеничным, но опыт перевязывания ран на обочине дороги показал, насколько важно в таких обстоятельствах иметь под рукой что-то, обладающее одновременно и свойством склеивать, и свойством абсорбировать. В конце концов я положила паутину в шкаф и решила, что надо поискать способ продезинфицировать ее. «Кипятить нельзя, – подумала я. – Возможно, достаточно подержать над паром – чтобы паутина не лишилась клейкости».

Я вытерла руки о передник и задумалась. Я осмотрела почти все, оставался только деревянный сундук у стены. Откинув крышку, с отвращением отпрянула: такая вонь ударила мне в ноздри.

Ящик содержал хирургические инструменты Битона. В нем находились несколько ужасных пил, ножи, зубила и прочие приспособления, более пригодные для постройки дома, нежели для хирургических вмешательств. Воняло ужасно лишь потому, что Дэви Битон не считал нужным чистить инструменты после использования. Я невольно поморщилась при виде темных пятен на некоторых лезвиях и захлопнула крышку.

Я потащила сундук к двери, намереваясь предложить миссис Фиц отдать отмытые инструменты плотнику – если в замке таковой имелся.

Меня насторожил какой-то шум за спиной – я успела вовремя отойти в сторону и не наткнулась на вошедших в комнату. Обернувшись, я увидела двух мужчин, один из которых прыгал на одной ноге, а второй его поддерживал. Больная нога была обмотана грязными тряпками, на которых виднелись пятна крови.

Я огляделась по сторонам, потом указала хромому на сундук – за неимением стула или лавки.

– Садитесь, – предложила я.

Новый целитель замка Леох начал свою практику.

Глава 8

Развлечения одного вечера

Я легла в постель совершенно измотанная. Но, как ни странно, оказалась чрезвычайно довольна тем, что разобралась с наследством Битона и что, имея в своем распоряжении ничтожно малое количество подручных средств, все же сумела помочь нескольким пациентам, – одним словом, я почувствовала себя нужным человеком. Ощущая под пальцами плоть, считая пульс, осматривая языки и глазные зрачки, я вошла в привычную колею, и это несколько приглушило состояние паники, в котором я пребывала с того самого момента, как прошла сквозь камни. Я очутилась в странных обстоятельствах и была совершенно растерянна – должно быть, осознание того, что я имею дело с реальными людьми, успокоило меня. У этих людей в груди бились живые сердца, я слышала их дыхание, у них росли волосы, и плоть их под моими пальцами была мягкой и податливой. Некоторые из них дурно пахли, завшивели, неизвестно когда мылись, но все это было мне не в новинку. Условия ничуть не хуже, чем в полевом госпитале, а что касается травм, то они оказались куда менее серьезными. Возможность облегчить боль, вправить сустав, помочь доставляла мне радостное удовлетворение. Ответственность за здоровье других людей уменьшала чувство собственной беспомощности в руках безжалостной судьбы, забросившей меня сюда, и я была признательна Колуму за его предложение.

Колум Маккензи. Поистине странный человек. Культурный, учтивый, умный, но эти качества скрывали хорошо спрятанный стальной стержень. У Дугала сталь была на виду. Прирожденный воин. Однако стоило взглянуть на них рядом – и сразу становилось ясно, кто сильнее. Колум был рожден вождем – невзирая на проблемы с ногами.

Синдром Тулуз-Лотрека¹¹. Раньше я не сталкивалась с этим недугом, но слышала его описание. Названный по имени самого известного человека, страдавшего от него (тут же вспомнила, что этот человек пока еще не родился), он заключался в дегенеративном изменении костей и соединительной ткани. Жертвы этой болезни нередко рождались здоровыми, но уже в раннем подростковом возрасте длинные кости ног не выдерживали тяжести корпуса и начинали разрушаться.

Об этой болезни, связанной с нарушением обмена веществ, свидетельствуют анемичная, бледная кожа, склонная к преждевременному старению, а также замеченные мной у Колума грубые мозоли на пальцах. Поскольку ноги искривились и согнулись, деформировался, разумеется, и позвоночник, что причиняло больному постоянные страдания. Лениво поправляя растрепавшиеся волосы, я припоминала описание болезни. Низкий лейкоцитоз обуславливает восприимчивость к инфекциям, а это часто приводит к раннему артриту. Из-за плохой циркуляции крови и дегенерации соединительной ткани такие больные, как правило, бесплодны, часто страдают импотенцией.

Внезапно я замерла, вспомнив о Хэмише. «Мой сын», – с гордостью произнес Колум, представляя мне мальчика. Возможно, он не импотент. А может, и да. К счастью для Летиции, мужчины клана Маккензи похожи друг на друга.

Мои размышления были прерваны стуком в дверь. Пришел один из вездесущих мальчишек и передал приглашение Колума. В холле сегодня вечер пения, и Маккензи просит меня присоединиться, если мне угодно оказать ему такую честь.

В свете сегодняшних размышлений мне было любопытно снова повидать Колума. Посмотревшись в зеркало и слегка пригладив волосы, я закрыла за собой дверь комнаты и отправилась вслед за моим провожатым по холодному коридору.

¹¹ Анри де Тулуз-Лотрек (1864–1901) – знаменитый французский художник, страдавший недугом, который описывает героиня романа.

Вечером холл выглядел совсем иначе, чем днем: горящие сосновые факелы на стенах придавали ему праздничный вид; время от времени горящая смола вспыхивала голубым. Гигантский очаг с вертелами и котлами утратил буйство ужина и горел спокойнее. Пламя лениво лизало два больших полена, скорее даже бревна, а вертела сдвинули к дымоходу.

Столы и скамьи отодвинули в сторону, чтобы освободить место у огня; очевидно, здесь и должно было происходить действие, потому что даже резное кресло Колума поставили рядом. Он уже был здесь, на ногах лежал теплый плед, а возле кресла стоял небольшой столик с графином и бокалами.

Заметив, что я мнусь на пороге, Колум дружелюбным жестом пригласил меня подойти и занять место на ближней скамье.

– Хорошо, что вы спустились, мистрес Клэр, – приятным голосом произнес он. – Гуиллин будет рад новому слушателю, хотя все мы всегда слушаем его с удовольствием.

Я подумала, что вождь клана Маккензи выглядит уставшим: широкие плечи были опущены, и морщины на лице прорезались глубже.

Я пробормотала какие-то любезности и огляделась по сторонам. Люди уже начали собираться, останавливались небольшими группами поболтать, рассаживались на скамейки.

– Простите? – Я повернулась и слегка наклонилась к Колуму, так как в шуме разговоров в холле не расслышала его слов.

Он протягивал мне графин, очень красивую вещь из бледно-зеленого хрусталя. Жидкость, заключенная внутри, сквозь стекло казалась изумрудной, но в бокале приобрела нежный бледно-розовый цвет и обладала богатым букетом. Вкус соответствовал виду, и я блаженно зажмурилась, удерживая напиток во рту и наслаждаясь его ароматом, прежде чем проглотить.

– Вкусно, правда? – услышала я глубокий голос, в котором звучали ноты веселости.

Открыв глаза, я увидела, что Колум улыбается, глядя на меня с одобрением.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но вдруг поняла, что нежная тонкость вкуса была обманчива: вино оказалось настолько крепким, что я не сразу обрела дар речи.

– Чуд... чудесно, – справилась я наконец.

Колум кивнул.

– Да, именно так. Это рейнвейн. Вам не случалось его прежде пробовать?

Я покачала головой, а он наклонил графин над моим бокалом и вновь наполнил его сияющим розовым напитком. Взяв свой бокал за ножку, он покрутил его из стороны в сторону, так что пламя очага заиграло в вине темно-красными вспышками.

– Я вижу, вы знаете толк в вине, – сказал Колум и наклонил бокал, чтобы насладиться богатым ароматом. – Но это естественно, ведь вы происходите из французской семьи. Или наполовину французской, если говорить точнее, – поправил он себя, чуть заметно улыбнувшись. – В какой части Франции живут ваши родичи?

Я помедлила, стараясь дать ответ, близкий к истине.

– Это старинное родство и не самое прямое, – ответила я, – но те родственники, с кем я могу связаться, живут на севере, возле Компьена.

Внезапное осознание того, что мои родственники действительно живут возле Компьена, потрясло меня.

– Вот как? Но вы там ни разу не были?

Я поднесла к губам бокал и кивнула в ответ, потом прикрыла глаза и глубоко вдохнула запах вина.

– Нет, – заговорила я, не поднимая век. – Я никогда не видела никого из них.

Подняв глаза, я увидела, что Колум пристально смотрит на меня.

– Я ведь говорила вам об этом.

Он невозмутимо кивнул:

– Да, говорили.

Глаза у него были дивные, серого цвета, обрамленные густыми черными ресницами. Очень привлекательный мужчина Колум Маккензи – по крайней мере, верхняя часть Колума. Я перевела взгляд на группу дам у камина, среди которых стояла и жена Колума, Летиция; дамы были поглощены беседой с Дугалом Маккензи. Тоже привлекательный мужчина и без всяких исключений.

Я снова повернулась к Колуму, который невидящим взглядом смотрел на какое-то украшение на стене.

– А еще я говорила вам, – вдруг сказала я, выводя его из состояния транса, – еще я говорила, что хотела бы уехать во Францию как можно быстрее.

– И это вы говорили, – подтвердил он любезно и снова взялся за графин, вопросительно приподняв одну бровь.

Я протянула свой бокал, показав, что прошу налить немного, но Колум в очередной раз наполнил сосуд до краев.

– Да, но, как я говорил вам, миссис Бошан, – сказал он, глядя на льющееся вино, – вам лучше задержаться здесь до тех пор, когда условия для вашей поездки станут благоприятными. В конце концов, к чему торопиться? Сейчас только весна, а месяцы перед осенними штормами более благоприятны для того, чтобы пересечь Ла-Манш.

Он поднял графин и пристально посмотрел на меня.

– Если бы вы сообщили мне имена ваших родственников во Франции, я мог бы написать им, чтобы они приготовились к вашему приезду.

Я понимала, что он манипулирует, но могла лишь пробормотать в ответ нечто невразумительное вроде «да-хорошо-может-попозже» и, извинившись, сослалась на необходимость кого-то повидать по делу до начала концерта. Гейм и сет остались за Колумом, но это еще не весь матч.

Предлог для моего исчезновения был не совсем фиктивным, и у меня ушло довольно времени, прежде чем, поблуждав по темным комнатам, я нашла нужное место. Возвращаясь – все еще с бокалом в руке, – я вышла к освещенному входу в холл, но тотчас поняла, что это нижний вход, дальний от того места, где сидит Колум. С учетом обстоятельств это меня вполне устроило, и я незаметно пробралась в длинный зал, проталкиваясь через группки людей к одной из скамеек у стены.

В верхнем конце зала я заметила щуплого человечка, который, судя по маленькой арфе в руках, и был бардом Гуиллином. Колум махнул рукой, и слуга поспешил принести барду стул, на который тот уселся и принялся настраивать арфу, легкими движениями касаясь струн и приложив ухо к инструменту. Колум налил из своего графина бокал вина и, жестом подозвав к себе слугу, передал с ним бокал барду.

– Он потребовал дудку, он потребовал чашу и три скрипки велел принести-и-и¹², – пропела я весело себе под нос и встретила недоуменный взгляд Лаогеры. Она сидела неподалеку; у нее за спиной висел гобелен с изображением охоты, вернее, на нем шесть длинных косоглазых собак гнались за одним-единственным зайцем.

– Не перебор, как вам кажется? – смешливо спросила я у девушки и плюхнулась рядом с ней на скамью.

– О, ну д-да, – робко отозвалась она и слегка от меня отодвинулась.

Я попыталась втянуть ее в приятный легкий разговор, но она отвечала односложно, краснея и замирая каждый раз, как я обращалась к ней. Скоро я сдалась и сосредоточилась на сцене в конце зала.

Настроив арфу, Гуиллин вытащил из куртки три деревянные флейты разного размера и положил их на маленький столик рядом.

¹² Клэр цитирует строки из английского детского стишка про короля Коула «Old King Cole».

Я вдруг заметила, что Лаогера совсем не разделяет моего интереса к певцу и его инструментам. Она вся напряглась и все посматривала через мое плечо на проход в нижней части зала, откинувшись назад и скрываясь в тени под гобеленом от любопытных взоров.

Проследив за ее взглядом, я увидела высокую фигуру рыжего Джейми Мактавиша, только что вошедшего в холл.

– Ах вот оно что! Галантный герой! Влюблены в него, да? – обратилась я к девушке.

Она отчаянно затрясла головой, но яркий румянец на щеках выдал ее с головой.

– Отлично, посмотрим, что можно сделать, – воскликнула я, полная великодушия. Я встала и весело замахала Джейми, чтобы привлечь его внимание. Заметив мой сигнал, молодой человек с улыбкой начал протискиваться к нам сквозь толпу. Я не знаю, что произошло тогда во дворе между ним и Лаогерой, но сейчас он поздоровался с ней сдержанно, хоть и вполне приветливо. Мне он поклонился несколько свободнее; впрочем, наши отношения достигли такой степени близости, что вряд ли он стал бы обращаться ко мне как к малознакомому человеку. Несколько пробных аккордов возвестили о начале концерта, и мы поспешно уселись, причем Джейми занял место между мной и Лаогерой.

Гуиллин был мужчина невзрачный, хрупкого сложения, с волосами мышиного оттенка. Но стоило ему начать петь, как это переставало иметь значение. Зрение как бы отключалось, а уши, напротив, становились очень чувствительными. Гуиллин начал с простой песни; он исполнял ее на гэльском, четко пропевая каждую строку и подчеркивая ее окончание прикосновением к струнам арфы, музыка воспринималась как эхо слов, как переход от одной поэтической строки к другой. И голос был обманчиво простой. Вначале казалось, что в нем нет ничего особенного: голос приятный, но не такой уж сильный. Но потом приходило чувство, будто звук проникает в самую глубину твоего существа, каждый слог был кристально чист, и было совершенно не важно, понимаешь язык или нет – песня внутри, звенит в голове.

Песню встретили горячими аплодисментами, и певец тотчас перешел ко второй, которую пел на валлийском языке – так, во всяком случае, мне показалось. Для меня это звучало как мелодичное полоскание горла, но все вокруг отлично понимали смысл – вероятно, слышали ее раньше.

Во время короткого перерыва, когда певец снова сделал паузу, чтобы настроить арфу, я тихонько спросила у Джейми, давно ли Гуиллин живет в замке, но тут же спохватилась:

– Ох, вы же не можете этого знать? Вы и сами здесь недавно.

– Я бывал в замке и прежде, – ответил он, повернувшись ко мне. – Прожил в Леохе год, когда мне было шестнадцать, Гуиллин тогда уже был здесь. Колум любит его музыку и хорошо платит, чтобы удержать его тут. Иначе нельзя – валлиец будет желанным гостем у очага любого лэрда.

– А я помню, что вы были здесь.

Это сказала Лаогера – вся покраснев от смущения, она все же вступила в разговор.

Джейми взглянул на нее и улыбнулся одними уголками губ.

– Вот как? Но вам тогда было не больше семи или восьми. Не думаю, что в то время я так уж выделялся среди других, чтобы вы меня запомнили. – И Джейми снова повернулся ко мне: – Вы понимаете по-валлийски?

– А я все-таки помню, – не унималась Лаогера. – Вы были... э... я хочу сказать... а вы меня не помните?

Ее пальцы нервно теребили складки платья; я заметила обкусанные ногти.

Внимание Джейми тем временем привлекла группа людей у противоположной стены, они о чем-то спорили по-гэльски.

– Что? – опомнился он. – Нет, не думаю. – Он с улыбкой посмотрел на девушку. – Шестнадцатилетние парни так поглощены собой, что не обращают никакого внимания на тех, кого считают малышней.

Я сообразила, что эту реплику он с иронией адресовал самому себе, нежели своей собеседнице, однако эффект вышел неудачный. Я поняла, что наступившая пауза необходима Лаогере, чтобы овладеть эмоциями, и поспешила нарушить молчание:

– Нет, я совсем не знаю валлийского. А вы понимаете, о чем он поет?

– Конечно.

И Джейми принялся делать примерный перевод на английский.

То была баллада о юноше, который полюбил девушку, но считал себя недостойным ее, потому что был беден. Он уплыл в море, чтобы разбогатеть. Корабль потерпел крушение. Ему угрожали морские змеи, зачаровывали сирены, он прошел множество испытаний, нашел сокровище, но когда вернулся домой, узнал, что любимая вышла замуж за его лучшего друга, который был небогат, но более разумен.

– А что выбрали бы вы? – спросила я у Джейми, чтобы немного подразнить его. – Не решились бы жениться без денег или сошлись с любимой, а деньги послали бы ко всем чертям?

Мой вопрос заинтересовал Лаогеру – делая вид, что поглощена звуками флейты, на которой теперь играл Гуиллин, она наклонила голову в сторону Джейми, чтобы услышать ответ.

– Я? – Вопрос явно позабавил Джейми. – Ну, поскольку денег у меня нет и шансов получить их в будущем тоже, я, наверное, был бы счастлив, если бы девушка решила выйти за меня и без денег. – Он с улыбкой покачал головой. – Терпеть не могу морских змей.

Он собирался сказать что-то еще, но его остановила Лаогера, которая положила руку ему на рукав, но тотчас отдернула ее, словно коснулась раскаленного железа.

– Шшш, – прошипела она, – кажется, он начинает рассказывать. Не хотите послушать?

– А, да.

Джейми слегка наклонился вперед в ожидании, однако сообразив, что загораживает мне обзор, настоял, чтобы я села по другую сторону от него, и попросил Лаогеру подвинуться на край скамьи. Я заметила, что девушка совсем не рада такой перемене, и попробовала отказаться, уверяя, что мне и так хорошо, но Джейми настоял:

– Нет, отсюда вам будет лучше видно и слышно. Кроме того, если он будет говорить по-гэльски, я могу переводить вам на ухо.

Каждую песню барда слушатели сопровождали аплодисментами, но когда он просто играл на арфе, люди в зале тихонько переговаривались, и оттого высокие мелодичные звуки арфы как будто сопровождались глубоким низким гудением. Теперь же по залу пронесся общий благоговейный шорох. Когда бард заговорил, голос у него оказался такой же чистый и ясный, как во время пения, каждое слово было слышно во всех уголках зала.

– Это было давно, двести лет назад...

Он заговорил по-английски, и я испытала внезапное чувство дежавю. Точно так же начинал легенды наш гид, с которым мы ездили на Лох-Несс.

Гуиллин рассказывал историю не о героях и духах, а о феях – Маленьком Народце.

– Один из кланов Маленького Народца обитал возле Дандреггана, – начал он. – Этот холм называли так, потому что на нем жил дракон, которого убил Фьонн и здесь же похоронил¹³. Когда Фьонн и Финн ушли отсюда, в глубине холма поселились феи, и захотелось им заполучить в кормилицы для своих волшебных детей матерей настоящих мужчин, ибо мужчины обладали такими свойствами, каких нет у фей, и Маленький Народец считал, что сила перейдет к их малышам с молоком кормилиц. И вот Юэн Макдональд из Дандреггана пас однажды ночью своих коней, и в ту ночь жена родила ему первенца. Налетел порыв ночного ветра и принес Юэну вздох его жены. Она вздыхала точно так, как перед рождением ребенка, и, услышав ее вздох рядом, Юэн Макдональд метнул свой нож навстречу ветру во имя Святой Троицы. И его жена упала невредимой на землю рядом с ним.

¹³ Дандрегган (Dundreggan) означает в переводе «Холм Дракона».

В конце рассказа послышалось всеобщее восхищенное «ах!», а Гуиллин перешел к другим историям об уме и изобретательности фей, об их отношениях с миром людей. Он пере­скакивал с английского на гэльский – в зависимости от того, какой из них казался ему более подходящим ритму повествования, потому что суть была не в одном только содержании, но и в красоте формы. Как и обещал, Джейми тихонько переводил мне с гэльского, так легко и быстро, что я поняла: эти истории он слышал уже не раз.

Одну из легенд я отметила особо. Некий человек поднялся ночью на холм и услышал, как женщина поет печальную песню под камнями волшебного холма. Человек прислушался и разобрал такие слова:

«Я супруга лэрда Балнэйна, похитили феи меня...»

Мужчина поспешил в дом Балнэйна и выяснил, что хозяин куда-то уехал, а его жена и маленький сын исчезли. Человек разыскал священника и привел его на холм. Священник проклял камни и окропил их святой водой. Тотчас тьма сгустилась, и прогремел гром. После этого из-за облаков показалась луна и осветила женщину, жену Балнэйна, которая без сил лежала на траве с маленьким сыном на руках. Женщина так устала, словно долго шла куда-то, но она не помнила, где была и как туда попала.

Гостям в зале тоже было что порассказать; Гуиллин сидел на своем стуле и потягивал вино, пока другие рассказчики выходили по очереди к камину и рассказывали истории, вызывая неизменное восхищение у слушателей.

Многих я слушала вполуха. Все это и вправду было интересно, но мысли мои не давали мне покоя, беспорядочно крутились в голове под воздействием вина, музыки и сказок.

«В шотландских сказаниях все всегда происходит двести лет назад... – прозвучал у меня в ушах голос преподобного Уэйкфилда. – Это все равно что сказать «давным-давно» – так ведь начинаются английские сказки, верно?»

Женщина угодила в каменную ловушку на волшебном холме, побывала где-то и вернулась без сил, но неизвестно, где она была и как туда попала.

Я почувствовала, что волосы у меня на голове встали дыбом, словно от холода, и я при­гладила их. Двести лет назад. С 1945-го по 1743-й – примерно так и есть. А женщины, которые проходили сквозь камень... Всегда это были женщины?

И еще кое-что запомнилось мне. Женщины возвращались. Святая вода, проклятия или нож, но они возвращались. Я должна вернуться к камням Крэг-на-Дун... Вдруг это возможно... если есть хоть один шанс... Я ощутила растущее возбуждение и вместе с ним тошноту. Потянулась за бокалом с вином, чтобы успокоить себя.

– Осторожно!

Я случайно задела край почти полного бокала, который легкомысленно оставила прямо на скамейке возле себя. Рука Джейми переметнулась через мои колени и в последний момент удержала бокал от падения на пол. Он приподнял бокал, бережно ухватив его сильными и крупными пальцами, поводил им перед носом, принюхиваясь, потом передал мне. Приподнял брови.

– Рейнское вино, – только и могла вымолвить я.

– Да, я знаю, – отозвался он, лукаво поглядывая на меня. – Вино Колума, верно?

– Ну да. Хотите попробовать? Оно вкусное.

Неуверенной рукой я протянула ему вино. Он немного помедлил, но взял бокал и при­губил немного.

– Да, хорошее, – сказал он, возвращая мне бокал. – К тому же двойной крепости. Колум пьет его ночами, когда у него ноют ноги. Сколько вы выпили? – спросил он, близко наклонившись ко мне.

– Два... нет, три бокала, – с некоторой гордостью ответила я. – Вы считаете, что я пьяна?

– Нет, – ответил он. – Я удивлен, что вы не пьяны. Большинство тех, кто пьет его с Колумом, валится под стол после второго бокала.

Он забрал у меня вино и медленно выпил его сам.

– Достаточно, – уверенно произнес он. – Думаю, вам пить больше не стоит, иначе вы не сможете подняться по лестнице.

Он протянул пустой бокал Лаогере, даже не глядя на нее.

– Отнесите это, барышня, – небрежно попросил он. – Уже поздно. Я, пожалуй, провожу миссис Бошан в ее комнату.

Он взял меня под руку и повел к выходу, а девушка смотрела нам вслед с таким выражением, в котором явно читалось желание убить.

Джейми провел меня до дверей моей комнаты и, к моему удивлению, вошел следом. Но удивление тут же испарилось, когда он, закрыв за собой дверь, начал стягивать рубашку. Я забыла о повязке, которую собиралась снять еще два дня назад.

– Я был бы рад избавиться от этого, – сказал он, проведя пальцами по конструкции из вискозы и полотна. – Целыми днями щекочет и натирает кожу.

– Удивляюсь, как это вы не сняли повязку сами, – ответила я и начала распутывать узлы.

– Боялся после вашей взбучки, когда вы перевязывали в первый раз, – ответил он, глядя на меня с высоты своего роста и нахально ухмыляясь. – Думал, вы надаете мне по заднице, если я дотронусь до повязки.

– Я вам сейчас надаю, если не сядете и не будете вести себя спокойно, – полушутя сказала я и, надавив обеими руками на здоровое плечо, усадила на стул возле кровати.

Я сняла все повязки и осторожно ошупала сустав. Он по-прежнему был немного опухшим, и кровоподтек был заметен, но, к моей радости, порванных мышц не наблюдалось.

– Если вам так хотелось избавиться от этого, почему вы не позволили мне сделать это вчера днем?

Меня сильно озадачило его поведение на лугу – это казалось тем более странным теперь, когда я увидела, что грубые края полотняных бинтов стерли кожу почти до ссадин. Повязку я снимала очень осторожно, но под ней все было в порядке.

Джейми покосился на меня, потом застенчиво опустил глаза.

– Видите ли... я просто не хотел снимать рубашку при Алеке.

– Вы такой скромник? – сухо спросила я и попросила его поднять и опустить руку, чтобы проверить работу сустава.

Он слегка поморщился от усилия, но на мою реплику улыбнулся.

– Если так, то я вряд ли сидел бы в вашей комнате полуголый, верно? Нет, это из-за рубцов на спине.

Заметив мое удивление, он начал объяснять:

– Алек знает, кто я такой, то есть он знает, что меня пороли, но шрамов он не видел. Знать о чем-то и увидеть собственными глазами – разные вещи.

Отведя взгляд, он осторожно дотронулся до больного плеча и мрачно уставился в пол.

– Это, как бы вам объяснить... Ну, предположим, вы знаете, что какой-то человек пострадал, это просто одна из тех вещей, которые вы о нем знаете, и это не играет роли в отношениях между вами. Алеку известно, что меня пороли, ему известно, что у меня рыжие волосы, и это не влияет на его отношение ко мне. Но если увидеть собственными глазами... – Он запнулся, подыскивая нужные слова. – Это... нечто личное, что ли. Я считаю... если бы он увидел шрамы, то уже не мог бы смотреть на меня и не думать о моей спине. И я знал бы, что он о ней думает, и сам все время вспоминал бы, и... – Он пожал плечами и умолк.

– Ну вот, – заговорил он снова. – Глупо все это объяснять, верно? Просто я чувствителен к таким вещам. В конце концов, сам-то я не видел, может, выглядит совсем не так жутко, как мне кажется.

– А вы не станете возражать, если я осмотрю вашу спину?

– Нет, не стану. – Он как будто немного удивился и несколько секунд молчал, обдумывая это. – Наверное, потому что вы как-то делаете это... вы сочувствуете мне, но не жалуете меня, и я это понимаю.

Он сидел терпеливо и неподвижно, пока я крутилась позади, осматривая спину. Не знаю, насколько реалистично он оценивал положение, но все было достаточно скверно. Даже при свете свечей, даже увидев их однажды, я все равно ужаснулась. Впрочем, раньше я видела лишь одно плечо. Рубцы же покрывали всю спину от плеч до пояса. Многие из них побелели и превратились в тонкие светлые полоски, но были и такие, которые образовали плотные белые клинья, пересекавшие мышцы. С некоторым сожалением я подумала, что в свое время у Джейми была необычайно красивая спина. Кожа светлая и свежая, линии костей и мышц мощные и гармоничные даже теперь, плечи широкие, а позвоночник – словно гибкий глубокий желоб между колоннами мышц.

Джейми был прав. Глядя на чудовищные следы насилия, невозможно было не представлять себе действие, которое их оставило. Я старалась не думать о том, что мускулистые руки передо мной были однажды вытянуты и связаны, медно-рыжая голова поникла в агонии, прижавшись к столбу. Рубцы, на которые я сейчас смотрела, невольно вызывали в воображении чудовищные картины. Кричал ли он, когда это происходило? Я прогнала такую мысль. Я слышала рассказы из послевоенной Германии о куда более страшных мучениях, но он был прав: слышать – совсем не то же, что видеть.

Я невольно стала дотрагиваться до рубцов, как бы пытаясь прикосновениями стереть следы жестокости. Джейми глубоко вдыхал, но не двигался, когда я трогала самые страшные шрамы, один за другим, будто показывая ему то, чего он сам не видел. Наконец я положила руки ему на плечи и замерла, подыскивая слова.

Он накрыл мою руку своей и легонько сжал ее, тем самым давая мне почувствовать, что понимает, о чем я молчу.

– С другими случались вещи похуже, – проронил он тихо и будто снял злые чары. – Она, похоже, заживает, – продолжил он, пытаясь рассмотреть рану на плече. – Почти не болит.

– Это хорошо, – согласилась я, откашлявшись, чтобы избавиться от комка в горле. – Заживает отлично, корочка сухая, нагноения нет. Держите рану в чистоте и в ближайшие дни постарайтесь не слишком напрягать руку. – Я похлопала его по здоровому плечу в знак того, что он может идти. Он самостоятельно надел рубашку, заправив длинный край в килт.

Джейми неловко помедлил у выхода, кажется, собираясь что-то сказать на прощание. Наконец просто пригласил завтра прийти в конюшню, чтобы посмотреть новорожденного жеребенка. Я пообещала, что приду, и, одновременно пожелав друг другу спокойной ночи, мы оба засмеялись и кивнули, когда я закрывала дверь. Я сразу легла, все еще ощущая алкогольный дурман, и видела какие-то безумные сны, которые утром не могла вспомнить.

На следующий день утром я долго принимала пациентов, потом осмотрела кладовую в поисках целебных трав для пополнения моей аптеки, записала – соблюдая правила – подробности приема в черный журнал Дэви Битона и лишь после этого покинула свой тесный кабинет, истосковавшись по свежему воздуху и движению.

В замке никого не было видно, и я воспользовалась возможностью осмотреть верхние комнаты; я заглядывала в пустующие помещения, поднималась по винтовым лестницам и мысленно составляла план замка. План выходил весьма беспорядочный. Со временем появилось столько пристроек и добавок, что невозможно было выяснить первоначальный замысел сооружения. Вот в этом зале, например, в стену встроили маленький альков, к которому вела отдельная лестница, места для комнаты здесь не хватало, очевидно, его сделали, чтобы заполнить пустующее пространство.

Альков был частично скрыт занавеской из полосатой ткани; я бы прошла мимо не задерживаясь, если бы мое внимание не привлекло нечто белое, мелькнувшее из-под занавески. Я остановилась и заглянула внутрь – узнать, что происходит. Белый всполох оказался белым рукавом рубашки Джейми, прижавшего к себе девушку в поцелуе. Девушка сидела у него на коленях, и ее светлые волосы сияли золотом в свете солнечного луча, проникшего за занавеску, словно спинка форели в ручье в утренний час.

Я растерянно замерла. У меня не было желания подглядывать за ними, но я опасалась, что мои шаги по каменным плитам пола привлекут их внимание. Пока я медлила, Джейми разомкнул объятие и поднял голову. Наши глаза встретились; узнав меня, он сразу успокоился, и вспыхнувшее на лице выражение тревоги растаяло. Приподняв брови и чуть заметно пожав плечами, он усадил девушку удобнее у себя на коленях и продолжил начатое. Я отступила и осторожно удалилась. Это не мое дело. Однако я полагала, что и Колум, и отец девицы сочли бы такого «принца-консорта» не самым подходящим кандидатом. Если голубки не будут выбирать менее опасные места для встреч, то как бы не пришлось Джейми еще раз оказаться наказанным – уже за свое поведение.

За ужином я увидела его вместе с Алеком и уселась напротив них за длинным столом. Джейми поздоровался со мной приветливо, но в глазах замерла напряженность. Старина Алек удостоил меня своим обычным «ммхм». Женщины, как он объяснил мне на лугу, ничтошеньки не понимают в лошадях, так что с ними и говорить не о чем.

– Успешно идет укрощение лошадей? – спросила я, чтобы прервать монотонное жевание на противоположной стороне стола.

– Вполне успешно, – отозвался Джейми.

Я поглядела на него поверх блюда с вареной репой.

– У вас губы припухли, Джейми. Это лошадь вас так? – спросила я не без издевки.

– Ага, – ответил он, сузив глаза. – Мордой мотнула, стоило мне отвернуться.

Он говорил спокойно, однако тяжелая нога наступила под столом на кончик моей туфли. Наступила слегка, но намек был ясен.

– Как скверно, – посочувствовала я с самым невинным видом. – Ваши кобылки могут быть опасны.

Нога нажала сильнее, когда Алек вмешался в разговор:

– Кобылки? Но ты вроде с кобылами сейчас не работаешь, а, паренек?

Я попыталась воспользоваться другой ногой как рычагом, чтобы столкнуть тяжелый сапог; это не помогло, тогда я с силой пнула Джейми в лодыжку. Он дернулся и убрал ногу.

– Что это с тобой? – поинтересовался Алек.

– Язык прикусил, – ответил Джейми, глядя на меня поверх руки, которой он прикрыл рот.

– Ну и осел же ты! Чего еще ждать от идиота, который вовремя не успевает от лошади увернуться... – И Алек приступил к долгому перечислению недостатков своего помощника, обвиняя его в неуклюжести, лени, глупости и общей бесталанности. Джейми, наименее неуклюжий человек из всех, кого я знала, опустил голову и продолжил бесстрастно жевать в ходе всей обвинительной речи, но щеки у него горели. Что касается меня, то остаток трапезы я провела, скромно опустив глаза в тарелку.

Джейми отказался от второй порции тушеного мяса и спешно покинул стол, не дослушав речь Алека. Несколько минут я и старый конюх ели молча. Вытерев тарелку последним кусочком хлеба, Алек отправил его в рот и откинулся назад, с иронией поглядывая на меня своим единственным голубым глазом.

– Мой вам совет – не дразните парня, – сказал он. – Ежели ее отец или Колум узнают про это дело, Джейми достанется больше, чем синяк под глазом.

– Жена, например? – сказала я, глядя ему в глаза. Он медленно кивнул.

– Может, и так. А это не такая жена, которая ему нужна.

– Вот как?

Я удивилась его словам – тем более после подслушанного на лугу у загона разговора.

– Ни в коем случае. Ему нужна настоящая женщина, а не девочка. Лаогера останется девочкой и в пятьдесят. – Суровый рот искривился в подобии улыбки. – Вы, видно, думаете, я всю жизнь провел в конюшне. Но у меня была жена, ладная женщина, и разницу я понимаю очень хорошо. – Голубой глаз вспыхнул, когда Алек поднялся со скамейки. – И вы тоже, барышня.

Я невольно подняла руку, чтобы задержать его.

– Откуда вы узнали... – начала я, но Алек только фыркнул в ответ.

– У меня всего один глаз, барышня, но это не значит, что я слепой.

И он удалился, фыркнув еще раз на прощание.

Я вскоре тоже ушла и, поднимаясь по лестнице к себе в комнату, размышляла, что хотел сказать старый конюх своей последней репликой.

Глава 9

Собрание

Жизнь моя не то чтобы вошла в определенную колею, но обрела стабильность. Я вставала на рассвете вместе со всеми другими обитателями замка, завтракала в большом холле, и если у миссис Фиц не было для меня пациентов, то отправлялась работать на один из замковых огородов. Еще несколько женщин работали там все время, им помогала целая толпа мальчишек разного роста и возраста; они бегали по округе, увозили мусор и притаскивали инструменты для работы, приносили в корзинах навоз. На огородах я бывала примерно через день, иногда помогала на кухне с заготовками из плодов и ягод или просто готовила еду на каждый день, пока какой-нибудь казус не вынуждал меня поспешить в мое убежище, как я про себя называла кабинет покойного Битона.

Иногда я пользовалась приглашением Алека и навещала конюшни или загон на лугу, радостно наблюдая за тем, как лошади сбрасывают с себя клочки свалявшейся зимней шерсти и становятся гладкими и блестящими на яркой весенней травке.

Бывали вечера, когда сразу после ужина я падала в постель, измотанная работой. В иные дни, если у меня не опускались веки от усталости, я посещала собрания в большом холле, чтобы послушать песни или рассказы, игру на арфе и на волынке. Валлийского барда Гуиллина я могла слушать часами как зачарованная, несмотря на то что в большинстве случаев не понимала ни слова.

Обитатели замка начали привыкать к моему обществу, а я – к ним, кое-кто из женщин заговаривал со мной, делая несмелые попытки подружиться. Их разбирало любопытство, но на все расспросы я отвечала, пересказывая на разные лады историю, которую описывала Колуму, и через некоторое время они смирились с тем, что ничего нового не узнают. Обнаружив, что я разбираюсь в медицине, они решили этим воспользоваться и принялись донимать меня вопросами о недомоганиях детей, мужей и домашних животных, не деля последние две категории по важности.

Помимо обычной болтовни, велись разговоры о предстоящем собрании, о котором я впервые услышала от Алека. Я пришла к выводу, что это событие весьма значительное, и стала внимательно наблюдать за приготовлениями к нему. Припасы непрестанно наполняли огромные кухни; больше двадцати готовых туш висело под навесом, где резали скот, их окуривали специальным дымом, отгоняя мух. На телегах везли бочонки с элем и спускали их в погреба, с деревенской мельницы доставляли мешки с мукой, а из садов, разбитых за стенами замка, приносили корзины вишен и абрикосов.

Меня пригласили присоединиться к одному из походов за ягодами и фруктами с другими молодыми женщинами из замка; я согласилась с радостью: мне хотелось вырваться из мрачной тени замковых стен. В саду было чудесно, я бродила между деревьями в прохладной дымке шотландского утра, нащупывая во влажной листве красные вишни и пушистые округлые абрикосы, осторожно проверяя, насколько они спелые. Мы собирали только самые лучшие, складывали их в корзины горками, попутно лакомясь, а затем относили урожай в замок, где из него готовили торты и пироги. Просторные полки кладовых были заставлены сладостями, напитками и деликатесами.

– Сколько народу обычно приезжает на собрание? – спросила я у Магдален, одной из девушек, с которыми я подружилась.

Она сморщила веснушчатый носик и задумалась.

– Точно не знаю, – сказала она. – Последнее большое собрание состоялось в Леохе больше двадцати лет назад, и тогда приехало... должно быть, зарубок¹⁴ десять мужчин. В то время умер старый Джейкоб и лэрдом стал Колум. В этом году, может, будет народу и побольше, потому что урожай хороший и у людей стали водиться деньги, так что многие привезут с собой жен и детей.

Участники собрания уже начали прибывать в замок, хотя я слышала, что официальная часть, принятие присяги, тинчал и игры состоятся только через несколько дней. Крупные и мелкие арендаторы Колума разместились в самом замке, а люд победнее и батраки разбили лагерь в поле под паром вдоль берега речки, которая питала замковый пруд. Бродячие лудильщики, цыгане, мелкие торговцы устроили нечто вроде ярмарки недалеко от моста. Обитатели замка и жители ближней деревни посещали это место по вечерам после работы; они покупали инструменты, украшения, смотрели выступления фокусников и узнавали последние сплетни.

Я внимательно следила за тем, кто и когда приезжает, а кто уезжает, и взяла за правило чаще бывать в конюшне и загоне. Лошадей там теперь было множество, потому что конюшнями пользовались и гости. Мне пришло в голову, что в суете и толчее празднеств нетрудно будет найти возможность сбежать.

Во время одного из походов за фруктами я впервые повстречала Гейлис Дункан. Я как раз обнаружила небольшую грибницу *Ascaria* под ольхой, у самых корней, и решила поискать еще. Грибы с темно-алыми шляпками росли группками по несколько штук – четыре, пять, – кое-где они прятались в высокой траве этой части сада. Голоса женщин, собирающих фрукты, доносились до меня все слабее, по мере того как я продвигалась к границе сада, время от времени опускаясь на колени, чтобы собрать грибы.

– А ведь они ядовитые, – произнес чей-то голос у меня за спиной.

Я распрямылась – и крепко ударилась головой о ветку сосны, под которой росли грибы.

Когда зрение прояснилось, я увидела, что передо мной стоит и звонко смеется высокая молодая женщина, может, на несколько лет старше меня, светловолосая, с белой кожей и удивительно красивыми зелеными глазами – красивее глаз я в жизни не видела.

– Простите, что смеюсь над вами, – извинилась она, и на щеках заиграли ямочки. – Не смогла сдержаться.

Она спустилась в неглубокую впадину, где я стояла.

– Я догадываюсь, что выглядела нелепо, – смущенно ответила я, потирая ладонью ушибленную макушку. – Спасибо за предостережение, но я знаю, что эти грибы ядовиты.

– Ах вот как? Вы знаете об этом? От кого же вы хотите избавиться с их помощью? Может быть, от мужа? Сообщите мне, если сработает, тогда я попробую на своем.

Улыбка у нее была такая заразительная, что я невольно улыбнулась в ответ.

Я объяснила, что сырые грибы и в самом деле ядовиты, но если их высушить и растереть в порошок, то можно приготовить снадобье, которое останавливает кровотечение, если его приложить к ране. Так, во всяком случае, утверждала миссис Фиц, а ей я верила куда больше, чем «Путеводителю» Битона.

– Любопытно, – отозвалась женщина, все еще улыбаясь. – А вы знаете, что вот это, – она нагнулась и протянула мне сорванный пучок мелких голубых цветочков с листьями в форме сердца, – вызывает кровотечение?

– Нет, – с удивлением ответила я. – Но зачем кому-то нужно вызывать кровотечение?

На лице у нее появилось выражение исыкающего терпения.

¹⁴ Неграмотные люди вели счет по зарубкам на деревянных палочках; одна зарубка (как мера счета) равнялась двадцати единицам.

– Чтобы избавиться от ребенка, которого вы не хотите рожать, конечно. Это помогает, но только если принять вовремя, то есть на маленьком сроке. Опоздаете – и оно убьет вас вместе с ребенком.

– Похоже, вы много знаете о таких вещах, – заметила я, все еще пытаясь оправиться от нелепой оказии при нашей встрече.

– Кое-что знаю. Девушки из деревни иногда обращаются ко мне, а порой и замужние женщины. Они считают меня ведьмой, – прибавила она, широко раскрыв глаза в притворном изумлении, и снова улыбнулась. – Но мой муж – помощник окружного прокурора, это держит их в узде, и они не болтают... Ко мне не раз обращались за приворотным зельем для того молодого человека, с которым вы приехали. Он ваш?

– Мой? Кто? Вы имеете в виду... Джейми?

Молодую женщину, казалось, позабавил мой вопрос.

Она уселась на бревно и принялась лениво накручивать светлый локон на указательный палец.

– Ну да. Многие не прочь заполучить парня с такими глазами и волосами, как у него, несмотря на то что за его голову назначена цена и что у него самого за душой ни гроша. Но их папаша, конечно, считают иначе.

Устремив взор куда-то вдаль, она продолжала:

– Вот, например, я – женщина практичная. Вышла за человека, у которого есть дом, деньги и положение. Волос совсем нет, а на глаза я никогда не обращала внимания, они меня не волнуют.

Она протянула мне свою корзину с четырьмя клубневидными корнями на дне.

– Это корни мальвы, – пояснила она. – Мой муж мается животом. Пускает газы не хуже быка.

Я решила, что пора сменить тему, пока я не узнала еще больше неприятных подробностей, и сказала, протягивая руку, чтобы помочь моей собеседнице подняться с бревна:

– Я не представилась, извините. Меня зовут Клэр. Клэр Бошан.

Рука, ухватившаяся за мою, оказалась миниатюрной, с длинными тонкими белыми пальцами – их кончики потемнели, видимо, от сока растений и ягод, лежавших в корзине рядом с корнями мальвы.

– Я знаю, кто вы такая, – сказала она. – В деревне о вас идут толки с того самого дня, как вы приехали в замок. А меня зовут Гейлис. Гейлис Дункан.

Она заглянула в мою корзину.

– Если вы ищете балган-буахрах (так она назвала мои грибы), я могу показать вам, где их много.

Я приняла ее предложение, и мы некоторое время бродили вместе недалеко от сада по узким лощинам и по берегам глубоких карстовых озер, где крохотные поганки росли в изобилии. Гейлис очень много знала о местных растениях и их свойствах, хотя некоторые ее рецепты казались по меньшей мере сомнительными. Трудно было поверить, например, что кровохлебка обеспечит бородавки на носу у соперницы, и я сильно сомневалась, что при помощи чистеца можно превратить жаб в цыплят. Своими знаниями Гейлис делилась с коварным огоньком в глазах, из чего я заключила, что она проверяет меня. Несмотря на склонность к лукавству и поддразнивание, она показалась мне приятной собеседницей, женщиной умной и энергичной, хотя и не лишенной цинизма. Она, кажется, знала абсолютно все о любом обитателе деревни, замка и всей округи; за время нашей прогулки мы несколько раз присаживались отдохнуть, Гейлис знакомила меня с жалобами своего мужа и развлекала злыми сплетнями.

– Говорят, Хэмиш вовсе не сын своего отца, – сообщила она, имея в виду единственного ребенка Колума, рыженького мальчика лет восьми, которого я видела на обеде в холле.

Этой сплетней я не была потрясена, поскольку имела на этот счет собственное мнение. Удивляло меня другое: что у Колума всего один ребенок сомнительного происхождения. Оставалось предположить, что либо Летиции везет, либо она достаточно сообразительна, чтобы вовремя обращаться к Гейлис. Поступив не слишком благоразумно, я поделилась с ней своим предположением.

Она отбросила назад длинные светлые волосы и рассмеялась.

– Нет, не ко мне. Красотка Летиция не нуждается в помощи такого рода, уж поверьте. Если искать колдунью в здешних краях, то проще найти ее в замке, чем в деревне.

Желая повернуть разговор в более безопасное русло, я спросила первое, что пришло в голову:

– Но если маленький Хэмиш – не сын Колума, то чей же тогда?

– Ну конечно же, вашего паренька. – Гейлис повернулась ко мне с ухмылкой на губах и злым блеском в глазах. – Молодого Джейми.

Вернувшись в сад одна, я встретила Магдален; ее волосы выбились из-под платка и торчали в беспорядке, глаза круглые, испуганные.

– Ох, вот и вы, – произнесла она и выдохнула с облегчением. – Мы как раз собирались возвращаться в замок, и я хватилась вас.

– Очень любезно с вашей стороны так переживать за меня, – ответила я, поднимая корзинку с вишней, которую оставила на траве. – Но я знаю дорогу назад.

Магдален затрясла головой:

– Вы должны помнить об осторожности. Ходите одна по лесу, когда кругом полно этих лудильщиков и разных чужаков. Колум велел...

Она вдруг запнулась и прикрыла рот рукой.

– Следить за мной?

Я произнесла это как можно мягче. Она неохотно кивнула, видимо, считая, что я могу оскорбиться. Я пожала плечами и улыбнулась ей.

– Что ж, в этом нет ничего удивительного. В конце концов, он ничего не знает обо мне, кроме того, что я рассказала сама. Кто я, откуда... – Любопытство победило здравый смысл. – Кем он меня считает?

– Вы англичанка, – только и сказала она.

На следующий день я не ходила в сад. Не потому, что мне запретили, а потому, что в замке у нескольких людей произошло пищевое отравление, и это потребовало моего участия. Оказав пострадавшим помощь, я решила выяснить, что стало источником проблемы.

Расследование привело меня к заветревшейся мясной туше из-под навеса. Я как раз стояла там и давала главному копильщику советы, как можно предотвратить порчу мяса, когда дверь отворилась, и меня окутало облако дыма.

Я обернулась, вытирая глаза, и увидела Дугала Маккензи в густых клубах дыма от дубовых веток.

– Следите за мясной кладовой не хуже, чем за своим кабинетом, мистрес? – спросил он ядовито. – Скоро подомнете под себя весь замок, и миссис Фиц придется искать себе работу в другом месте.

– Не имею ни малейшего желания оставаться в этом паршивом замке! – огрызнулась я, продолжая вытирать слезящиеся глаза, причем на платке у меня оставались черные угольные пятна. Я отошла в сторону и договорила: – Я хочу только убраться отсюда как можно скорее.

Все еще ухмыляясь, Дугал склонил голову в чрезмерно вежливом поклоне:

– Я в силах воплотить ваше желание в реальность, мистрес. Хоть и временно.

Я отняла платок от лица и уставилась на него:

– Что это значит?

Он закашлялся, отгоняя рукой дым, который теперь плыл на него. Потом вывел меня из-под навеса и повел к конюшням.

– Вы говорили вчера Колуму, что вам нужен чистец и какие-то другие травы?

– Да, чтобы приготовить лекарство для тех, кто отравился мясом. Ну и что?

Он благодушно пожал плечами:

– Да просто я собираюсь в деревню к кузнецу, надо подковать трех лошадей. Жена помощника прокурора травница, и у нее есть запасы. Наверняка найдутся и травы, которые вам нужны. Если вам это интересно, леди, садитесь на лошадь и едем со мной в деревню.

– Жена поверенного? Миссис Дункан?

Я немедленно ощутила прилив счастья. Перспектива покинуть замок хотя бы ненадолго меня обрадовала. Я поспешно вытерла лицо еще раз и заткнула грязный платок за пояс.

– Едем!

Я радовалась поездке вниз по холму в деревню Крэйнсмуир, хотя день был пасмурный и темный. Дугал тоже был в приподнятом настроении и всю дорогу болтал и шутил.

Сначала мы остановились возле кузницы, где Дугал оставил трех прекрасных лошадей, потом он усадил меня позади себя в седло, чтобы доехать по Хай-стрит до дома Дунканов. Это был солидный особняк, наполовину обшитый деревом, четырехэтажный, в двух нижних этажах окна оказались цветные, составленные из шестигранных стекол сиреневого и зеленого цвета.

Гейлис приветствовала нас восторженно, радуясь нашему обществу в столь непогожий день.

– Это просто замечательно! – воскликнула она. – А я как раз искала повод забраться в кладовую и все там разобрать. Энн!

На ее призыв из незаметной двери вышла служанка средних лет, с лицом, сморщенным, как печеное яблоко.

– Проводи мистрес Клэр в кладовую, – приказала Гейлис, – а потом принеси нам туда ведро воды из родника. Помни: из родника, а не из колодца на площади!

Она повернулась к Дугалу:

– Я приготовила укрепляющее средство, которое обещала вашему брату. Зайдете со мной в кухню на минутку?

Я тем временем последовала за туквообразным задом служанки вверх по деревянной лестнице и неожиданно для себя оказалась в длинном высоком пространстве под самой крышей. В отличие от других частей дома окна здесь были двустворчатые; сейчас закрытые из-за дождя, они все же пропускали куда больше света, чем окна в фешенебельной мрачной гостиной внизу.

Гейлис явно знала свое дело. Комната была оснащена длинными сушильными рамами, обтянутыми марлей, крюками, висящими над небольшим очагом – для горячей сушки, а также открытыми полками вдоль стен, в которых были просверлены отверстия для лучшей циркуляции воздуха. Атмосфера была напоена тонким, душистым ароматом сохнувших трав – базилика, розмарина и лаванды. На удивление современная рабочая поверхность тянулась по одной стороне комнаты, на ней располагался набор самых разных ступок, пестиков, чаш, ложек – все безупречно чистое.

Прошло некоторое время, прежде чем появилась Гейлис, раскрасневшаяся от подъема по лестнице, но довольная в предвкушении долгих послеполуденных часов за приятными занятиями: работой с травами и болтовней.

Закапал небольшой дождь, вода стекала по длинным стеклам окон, но в очаге горел огонь, и было очень уютно. Я радовалась обществу Гейлис: ее острый язык и откровенно циничные ремарки составляли разительный контраст с благонравными и скучными разговорами женщин из замка, кроме того, для женщины, живущей в маленькой деревушке, Гейлис оказалась весьма образованной.

Она знала все скандальные истории, все, что происходило в деревне и замке последние десять лет, и поведала мне немало забавного. Как ни странно, она почти не расспрашивала обо мне. Возможно, это было не в ее стиле: она предпочитала узнавать обо мне от других.

Через некоторое время я услышала какой-то шум с улицы, но решила, что это деревенские возвращаются с воскресной мессы. Церковь стояла в конце главной улицы, от нее к площади тянулась Хай-стрит, а оттуда веером расходились небольшие улочки и переулки.

Пока мы спускались от замка к кузнице, я, глядя на деревню сверху, сравнивала ее географию с анатомией человеческой руки, и это меня забавляло: Хай-стрит – лучевая кость, вдоль нее расположились магазины, конторы, а еще дома уважаемых жителей; локтевая кость – Сент-Маргарет-лейн, бегущая параллельно Хай-стрит, но более узкая, на ней стоят кузница, кожевенная мастерская и лавки других ремесленников. Деревенская площадь (как и все виденные мной деревенские площади, она не квадратная, а скорее прямоугольная) – ладонь и запястье, а несколько проулков и отдельных коттеджей – фаланги пальцев.

Дом Дункана стоит на площади, как и положено дому любого официального лица подобного уровня. Впрочем, суть не только в статусе, но и в удобстве: площадь можно использовать в тех случаях, когда судебная тяжба, по причине общественного резонанса или из-за деталей юридического порядка, выходила за рамки кабинета Артура Дункана. К тому же, как пояснил мне Дугал, позорный столб находится тут же – деревянное сооружение на небольшой каменной плите, помещенное в самом центре площади; по соседству стоит еще один деревянный столб, практически используемый то как место для порки, то как майский шест, то как флагшток или коновязь – в зависимости от ситуации.

Шум за окнами становился все громче и беспорядочнее и все меньше напоминал ровный гул разговоров прихожан, расходящихся из церкви по домам, где их ждет обед. Гейлис с удивленным возгласом отодвинула в сторону кувшины и распахнула окно, чтобы посмотреть, что происходит.

Я присоединилась к ней и увидела толпу хорошо одетых в честь мессы мужчин и женщин, а впереди шел похожий на жабу отец Бейн, который отправлял церковные службы в деревне и в замке. Священник вцепился в мальчугана лет двенадцати, который, судя по драным клетчатым штанам и заляпанной рубашке, был подмастерьем кожевенника. Отец Бейн держал парня за шкуру, что давалось ему нелегко, потому что пленник ростом превосходил своего обличителя. Толпа следовала за этой парочкой на некотором расстоянии, и угрожающий ропот звучал, словно гром после вспышки молнии.

Сверху мы увидели, как отец Бейн с мальчиком вошли в дом. Толпа осталась снаружи, люди переговаривались и толкались. Кто смелее, подбирались к окнам и пытались заглянуть внутрь.

Гейлис с шумом захлопнула окно, и шум стал приглушенным.

– Стащил что-нибудь, – бросила она, возвращаясь к столу с травами. – Вечная история с мальчишками кожевенника.

– Что ему за это будет? – с любопытством спросила я.

Она только пожала плечами, пересыпая в ступку сухой розмарин.

– Думаю, зависит от того, как нынче у Артура с животом. Если завтрак прошел удачно, мальчишка отделается поркой. А если запор или газы, – она брезгливо поморщилась, – воришке отрежут ухо или отрубят руку.

Я пришла в ужас, но не знала, чем можно помочь. Я была чужачка, к тому же англичанка, и хоть я считала, что, как обитательница замка, имею определенный статус, не раз замечала, как жители деревни исподтишка делали знак от дурного глаза, когда я проходила мимо. Мое вмешательство могло навредить мальчугану.

– Не могли бы вы сделать что-нибудь? – обратилась я к Гейлис. – Поговорите с мужем, попросите его быть... э-э... помягче.

Гейлис оторвалась от работы, явно удивившись. Мысль о вмешательстве в дела мужа, очевидно, никогда не приходила ей в голову.

– А чего это вы о нем распереживались? – спросила она с любопытством, но не враждебно.

– Естественно, переживаю! – воскликнула я. – Он совсем еще ребенок. Что бы он ни сделал, он не заслуживает того, чтобы его искалечили на всю жизнь!

Она подняла светлые брови: аргумент, видимо, показался ей не очень убедительным. Однако она снова пожала плечами и вручила мне ступку и пестик.

– Чего не сделаешь ради дружбы, – сказала она, заговорщицки округлив глаза.

Она поискала что-то на полке и достала бутылку зеленоватой жидкости, на этикетке значилось: «Экстракт перечной мяты».

– Пойду напою Артура вот этим и попробую что-нибудь сделать для парнишки. Может быть, слишком поздно, – предупредила она. – Уж если в дело влез этот прыщавый пастор, он будет добиваться самого жестокого приговора. Но я попытаюсь. А вы пока займитесь розмарином.

Я взяла у нее ступку и пестик и принялась машинально толочь, не обращая особого внимания на результат. Закрытое окно заглушило и шум дождя, и крики толпы внизу, то и другое слилось в негромкий, но угрожающий гул. В школьные годы я, как и все дети, читала Диккенса. И его предшественников, разумеется, тоже; помнила описания безжалостного правосудия старых времен, суровые приговоры тем, кто нарушил закон, – приговоры, не учитывавшие ни возраста, ни обстоятельств. Но читать с уютной дистанции в сто или двести лет о том, как вешали или калечили детей, – это совсем не то же самое, что толочь траву в ступке, пока несколькими футами ниже в реальном времени решается судьба мальчика.

Могла ли я вмешаться, если приговор уже вынесен? Со ступкой в руках я подошла к окну и посмотрела вниз. Толпа росла, потому что по Хай-стрит спешили торговцы и женщины – разузнать, в чем дело.

Вновь прибывшие подходили ближе и, выслушав пересказ скандальных подробностей от тех, кто находился здесь с самого начала, смешивались с толпой; большинство выжидательно смотрели на дверь.

Глядя сверху на собравшихся людей, которые мокли под дождем в ожидании приговора, я с кристальной ясностью вдруг поняла одну вещь. Как и многие другие, я с ужасом слушала сообщения, доходившие из послевоенной Германии, – о депортациях, массовых убийствах, о концлагерях и газовых камерах. И так же, как многие другие, во все времена задающие этот вопрос, я спрашивала себя: «Как могли люди допустить такое? Они должны были знать, они видели эшелоны, заборы, видели дым над лагерем. Как они могли оставаться в стороне?» Но теперь я поняла.

Ставкой сегодня был не выбор между жизнью и смертью. Покровительство Колума, скорее всего, защитило бы меня от физической расправы. Но руки мои, державшие фарфоровую ступку, сделались влажными и холодными при мысли о том, что я встану, одинокая и беспомощная, перед целой толпой местных жителей, солидных и уважаемых, жаждущих крови и расправы, дабы скрасить скуку повседневной жизни. Люди – это стадные животные, так уж повелось.

Они стали такими еще в пещерные времена, когда оружием слабых и безволосых созданий была лишь хитрость. Люди выжили благодаря тому, что объединились в группы; они поняли, что безопасность в числе. Это знание влилось в кровь, именно оно управляет толпой. Тысячелетиями выход из стаи, сопротивление с ней означали смерть для того, кто решался на этот шаг. Противостояние толпе требует не просто личного мужества, оно требует идти против инстинктов. Я боялась, что с этим не справлюсь, и стыдилась своей слабости.

Кажется, прошла вечность, прежде чем дверь отворилась и появилась Гейлис, невозмутимая и спокойная. Она держала в руке кусочек угля.

– Нам надо пропустить раствор через фильтр, когда он закипит, – произнесла она, словно продолжая прерванный разговор. – Пропустим через уголь и муслин, лучше способа нет.

– Гейлис, не мучайте меня! Что с мальчиком?

– Ах это!

Она небрежно повела плечом, но в уголках губ таилась злая улыбка. Впрочем, она тут же рассмеялась.

– Видели бы вы меня! О, я была такая хорошая, просто жуть! Воплощение женской заботы и доброты, и еще капелька, буквально самая малость материнской нежности... О Артур! – начала она. – Если бы Господь благословил наш союз... На это надежды не очень много, скажу вам честно, Клэр, – вставила она, на мгновение выйдя из образа, но тотчас вернулась к декламации: – О мой дорогой, что бы ты ощутил, если бы твой собственный ребенок попал в такой переплет? Нет сомнений, что мальчуган пошел на воровство только из-за голода. О Артур, неужели не найдется в твоём сердце немного милосердия – ведь ты воплощенная справедливость! – Она шлепнулась на стул и захохотала, пару раз ударив себя кулаком по ноге. – Какая жалость, что здесь нет театров!

Шум толпы как будто изменил интонацию, и я, не обращая внимания на самолюбование Гейлис, подошла к окну посмотреть, что там теперь происходит.

Толпа расступилась; мальчишка кожевенника вышел из дверей и двинулся по проходу, сопровождаемый с одной стороны священником, а с другой – судьей. Артур Дункан раздулся от самодовольства, кланяясь и кивая наиболее почтенным гражданам среди собравшихся. Что до отца Бейна, то на его физиономии, походившей на мороженую картофелину, рисовалось глубокое недовольство. Маленькая процессия проследовала к центру площади, там из толпы выступил деревенский мудрец, некий Джон Макри. Этот мужчина был одет с подобающей его должности элегантною простотой – в темный кафтан, бриджи и серую бархатную шляпу (в данный момент он снял ее с головы и заботливо прикрыл от дождя полой кафтана). Он не был, как я подумала вначале, деревенским тюремщиком, хотя в случае необходимости мог исполнять и его обязанности. Главным же образом он соединял в себе функции полицейского, блюстителя нравов, а если надо, то и экзекутора; на поясе у него висела специальная деревянная лопатка, при помощи которой он отмерял налог с каждого проданного на ярмарке мешка зерна – то была плата за его службу.

Эти сведения я почерпнула из первых уст. Он побывал в замке несколько дней назад и обратился ко мне с просьбой избавить его от нарыва на большом пальце. Я проколола его стерильной иглой и приложила компресс из настоя тополевых почек. Мистер Макри показался мне скромным человеком, приятным и с мягкой улыбкой.

Сейчас на лице его не было и намека на мягкость; мистер Макри выглядел исключительно серьезно, что было вполне резонно: кому приятно смотреть на ухмыляющегося экзекутора?

Преступника заставили встать на каменную плиту посреди площади. Бледный и перепуганный мальчишка застыл, в то время как полный важности Артур Дункан, исполняющий обязанности прокурора в приходе Крэйнсмуир, приготовился огласить приговор.

– Дурачок был уже осужден, когда я вошла, – произнес у меня над ухом голос Гейлис, которая с любопытством наблюдала за происходящим, вытянув шею у меня над плечом. – Я не могла добиться оправдания, но уговорила наказать его не слишком строго. Его приколотят за ухо к позорному столбу всего на один час.

– Приколотят за ухо! К чему, вы сказали, приколотят?

– К позорному столбу, к чему же еще!

Она быстро взглянула на меня, но тут же повернулась к окну, чтобы не пропустить исполнение приговора, которого она добилась своим милосердным вмешательством.

Народа вокруг позорного столба собралось так много, что преступника почти не было видно, толпе пришлось немного расступиться, дабы обеспечить экзекутору свободу движений.

Бледное лицо парнишки торчало беспомощно в отверстии между двумя досками позорного столба, из боковых дырок беспомощно свисали кисти рук; он крепко зажмурился, дрожа от страха, и вскрикнул высоким, тонким голосом, когда гвоздь пробил ему ухо, крик этот был слышен даже сквозь закрытое окно; я вздрогнула.

Мы вернулись к работе, как, впрочем, и большинство из тех, кто собрался на площади, но время от времени, не в силах удержаться, я подходила к окну. Несколько бездельников слонялись вокруг; они осыпали наказанного глумливыми насмешками и бросали в него комья грязи; иногда появлялись и вполне благопристойные граждане, которые оторвались ненадолго от повседневных трудов, чтобы осудить мальчика и дать ему нравственный совет.

Оставался еще час до заката, солнце весной садилось поздно; мы пили чай в гостиной, когда стук в дверь возвестил о приходе гостя. День был пасмурный, и трудно было бы определить, как высоко стоит солнце, однако гордостью дома Дунканов были часы в красивом окладе орехового дерева, с медным маятником и циферблатом с поющими херувимами; часы показывали половину седьмого.

Служанка отворила дверь гостиной и без всяких церемоний пригласила гостя войти.

Джейми Мактевиш вошел и наклонил голову в приветствии. Намокшие от дождя волосы отливали цветом старинной бронзы. На нем был изрядно поношенный дождевик, а через руку перекинут плащ из темно-зеленого бархата для верховой езды.

Джейми кивнул еще раз, когда я встала и представила его Гейлис.

– Миссис Дункан и миссис Бошан, как я понял, у вас нынче вечером было шумно. – Он указал рукой в сторону окна.

– Он все еще там? – спросила я и выглянула наружу. Цветные стекла искажали изображение, и фигура наказанного маячила смутной тенью. – Он, должно быть, насквозь промок.

– Промок, – сказал Джейми и протянул мне плащ. – Вы тоже могли промокнуть, как подумал Колум. У меня было дело в деревне, вот он и прислал плащ для вас. Вы поедете назад со мной.

– Очень любезно с его стороны, – отметила я машинально, потому что голова моя была занята ребенком на улице. – Сколько времени он должен там оставаться? – спросила я у Гейлис и нетерпеливо добавила, поймав ее отсутствующий взгляд: – Я про мальчика.

– Ах этот, – отозвалась она, слегка обескураженная повторным появлением этой темы. – Я же вам говорила, один час. Локман должен уже был освободить его из колодок.

– Он и освободил, – сказал Джейми. – Я встретил его, когда проезжал через луг. Парень просто боится выдернуть гвоздь из своего уха.

Я в возмущении раскрыла рот.

– Вы хотите сказать, что гвоздь не выдернули? Что он должен сделать это сам?

– Ну да. – Джейми произнес это бодро и даже весело. – Он пока не решился, но, думаю, немного погодя сообразит, как поступить. Сегодня сыро, да и темнеет уже. Нам пора ехать, а не то на обед достанутся одни объедки.

Он поклонился Гейлис и повернулся к выходу.

– Подождите немного, – обратилась Гейлис ко мне. – Поскольку вас провожает домой такой сильный молодой человек, я бы хотела передать ящичек сушеных трав, которые обещала послать миссис Фиц. Может быть, мистер Мактавиш окажет любезность?

Джейми согласился, и она послала служанку принести ящик в гостиную из комнаты с травами. Пока она ходила за ним, Гейлис присела к письменному столу в углу гостиной. К тому времени как довольно объемный деревянный на медных петлях сундучок был доставлен, Гейлис успела написать записку. Она посыпала ее песком, чтобы убрать остатки чернил, свернула и запечатала каплей воска от свечи; записку она вручила мне.

– Это счет, – пояснила она. – Будьте добры, передайте его Дугалу. Дугал ведает всеми финансами. Больше никому не отдавайте, иначе я долго не увижу своих денег.

– Да-да, конечно.

Она тепло обняла меня и, попросив беречься от простуды, проводила нас до двери.

Я стояла на крыльце под навесом, пока Джейми привязывал сундук к седлу. Дождь усилился, и струи воды лились с навеса на землю.

Некоторое время я смотрела на широкую спину и мускулистые руки Джейми, который с легкостью управлялся с делом, потом перевела взгляд на позорный столб, где подмастерье кожевенника, несмотря на то что вокруг собрались зрители и всячески подбадривали его, все еще стоял прибитым за ухо к доске. Конечно, перед нами была не милая девушка с волосами цвета восходящей луны, но, думая о поступке Джейми в холле во время суда, я решила, что он вряд ли останется равнодушным к положению этого мальчугана.

– Э-э... мистер Мактавиш, – неуверенно начала я, но не получила ответа. Красивое лицо не изменило выражения, крупные губы не дрогнули, голубые глаза сосредоточенно смотрели на узел, которым он занимался.

– Джейми? – попыталась я снова, немного громче, и он тотчас вскинул голову.

Значит, он и вправду не Мактавиш, но как же его зовут по-настоящему?

– Да?

– Вы ведь сильный человек? – спросила я. Улыбка тронула его губы, он кивнул мне, догадавшись, к чему я клоню.

– Достаточно сильный для многих вещей, – сказал он. Я осмелела и подошла поближе, чтобы нас не подслушал кто-нибудь из прохожих.

– И пальцы у вас достаточно сильные? – продолжала я.

Джейми улыбнулся шире.

– Ну да, – сказал он. – Вам что, нужно расколоть пару каштанов?

И посмотрел на меня сверху вниз, весело блестя глазами. Я же поглядела на кучку зевак в центре площади.

– Скорее вытащить один из огня, – ответила я и, подняв на него глаза, встретила вопрошительный взгляд. – Могли бы вы это сделать?

Он постоял, глядя на меня с улыбкой, потом пожал плечами.

– Мог бы, если край достаточно длинный, чтобы ухватиться. А вы могли бы отвлечь людей? Вмешательство им не понравится, я здесь чужак.

Я совсем не подумала, что моя просьба может поставить его в неловкое положение, и засомневалась, но увидела, что он не прочь рискнуть, несмотря на опасность затеи.

– Что, если мы оба подойдем посмотреть и я вдруг упаду в обморок?

– Вроде как вам неприятен вид крови и все такое? – Одна бровь у него насмешливо изогнулась. – Сойдет. Если вы при этом умудритесь рухнуть на землю, будет еще лучше.

Меня и в самом деле немного подташнивало при мысли об этом зрелище, но оно оказалось не столь устрашающим. Ухо было прибито за нижнюю часть мочки, и из него почти на два дюйма торчал конец квадратного гвоздя. Крови почти не было, и по выражению лица мальчика было ясно, что особенной боли он не испытывает, просто напуган. Я начала понимать, что Гейлис была, пожалуй, права, назвав приговор мягким – с учетом нынешнего состояния шотландской юриспруденции. Но в моих глазах он все равно выглядел настоящим варварством.

Джейми осторожно подошел поближе к столбу, покачал головой с укором и осуждением.

– Ну и ну, парень, – сказал он и прищелкнул языком. – Угодил ты в переделку, нечего сказать!

Мощной рукой он оперся о верхнюю доску позорного столба, как бы желая поближе взглянуть на ухо.

– Эх ты, шенок, – продолжал он пренебрежительно. – Тут и говорить не о чем, а ты... Поверни разок голову в сторону – и все дела. Помочь?

Он сделал вид, что собирается ухватить парня за волосы и дернуть, чтобы высвободить ее. Мальчишка взвыл от ужаса. Поняв намек, я попятилась, намеренно наступив на ногу женщине сзади; она закричала от боли, едва мой каблук опустился ей на пальцы.

– О, простите, – выдохнула я. – У меня... голова кружится! О, прошу...

Я отвернулась от столба и сделала несколько слабых шагов, оступаясь и хватаясь за людей. Край плиты был теперь всего в нескольких дюймах: я уцепилась за какую-то хрупкую девушку и повалилась головой вперед, увлекая ее за собой.

Мы скатились на мокрую траву, путаясь в юбках. Поднялся крик. Я выпустила из рук блузу девушки и раскинулась лицом вверх в драматической позе, пока меня поливал дождь.

Падение получилось вполне реалистичное и потому небезболезненное, девушка навалилась на меня всем весом, и я практически не могла дышать. Борясь за каждый глоток воздуха, я лежала и слушала встревоженные голоса. Ахи и охи обрушились на меня чуть ли не в большем количестве, чем дождевая вода, но тут пара знакомых рук подняли меня с земли. Я села, и знакомые голубые глаза возникли передо мной, едва я открыла свои. По еле заметному движению век я поняла, что миссия завершилась удачно. И в самом деле – я тут же увидела, как мальчишка кожевенника помчался к себе на чердак, прижимая к уху какую-то тряпицу; никто в толпе не обратил на его исчезновение ни малейшего внимания, все были поглощены новой сенсацией.

Жители деревни, столь жестокие по отношению к мелкому воришке, со мной были сама доброта. Меня со всей осторожностью подняли и перенесли в дом Дунканов, где угостили бренди и чаем, укутали одеялами и окружили сочувствием. Мне разрешили уехать только после того, как Джейми потребовал, чтобы меня оставили в покое, потом поднял меня с кушетки и повел к двери, невзирая на увещевания хозяев.

Я снова сидела в седле перед ним, мою лошадь мы вели в поводу; я поблагодарила Джейми за помощь. Он отмахнулся от моей благодарности:

– Не за что!

– Но для вас это было рискованно, – настаивала я. – Увы, я не сразу поняла, что подвергаю вас опасности своей просьбой.

– А! – только и сказал он на это, но минуту спустя добавил с коротким смешком: – Уж не считаете ли вы меня трусливее английской барышни?

Спускались сумерки, и Джейми пустил лошадей рысью. Мы почти не разговаривали по дороге, а когда добрались до замка, он попрощался со мной коротким: «Всего доброго, мис-трес сассенах!» Но я почувствовала, что между нами зародилась дружба глубже той, которая сводится лишь к беспечной болтовне под яблонями.

Глава 10

Присяга

Следующие два дня прошли в ужасной суете: прибывали новые гости, приготовления шли полным ходом. Моя медицинская практика резко сократилась; отравленные выздоровели, а всем прочим некогда было болеть. Кроме заноз у парнишек, которые носили дрова для растопки, да незначительных ожогов у девушек в кухне, никаких происшествий не случилось.

Зато сама я находилась в напряжении. Этой ночью или никогда! Миссис Фиц сообщила мне, что все мужчины клана Маккензи этой ночью соберутся в холле и будут присягать на верность Колуму. Во время столь важной церемонии вряд ли кто-то станет следить за конюшней.

В те часы, когда я помогала на кухне и в саду, я запасалась провизией, которой должно было хватить на несколько дней. У меня не было фляжки для воды, но я решила заменить ее стеклянным кувшином из врачебного кабинета. Зато есть крепкие ботинки и – благодаря заботе Колума – теплый плащ. Возьму лошадку поспокойнее; во время посещения конюшни после обеда я высмотрела себе такую. Денег нет, но мои пациенты надарили мне кучу мелких вещей, в том числе разные украшения и ленточки. Если придется, можно попробовать обменять их на что-то необходимое.

Мне было не слишком приятно платить таким образом за гостеприимство Колума и дружеское отношение остальных обитателей замка, но что делать? Я подумала и решила, что придется уехать без прощаний. Бумаги для письма у меня не было, а рисковать и искать ее в кабинете у Колума я не отважилась.

Через час после наступления темноты я пробралась в конюшню и чутко прислушалась – нет ли там кого. Кажется, все ушли в холл. Дверь была затворена, я осторожно толкнула ее, и она бесшумно открылась, повернувшись на кожаных петлях.

Воздух внутри был теплый, и в нем слышались шорох соломы и фыркание отдыхающих лошадей. Темно было, как под шляпой владельца похоронного бюро, по любимому выражению моего дяди Лэмба. Немногочисленные окна здесь слишком малы и узки, чтобы пропускать слабый свет ночного неба. Выставив руки вперед, я осторожно пошла к главной части конюшни по шуршащей соломе.

Я шарилла руками в темноте, пытаюсь нащупать стойло и двинуться дальше. Руки, увы, хватали пустоту, зато я наткнулась на какое-то весьма солидное препятствие под ногами и с невольным криком, эхом отозвавшимся в каменной постройке, повалилась на пол.

«Препятствие» повернулось и чертыхнувшись ухватило меня за руки. Я оказалась прижатой к телу какого-то рослого мужчины, который задышал мне в самое ухо.

– Кто это? – зашипела я, стараясь вырваться. – Что вы тут делаете?

По-видимому, узнав мой голос, противник ослабил хватку.

– Я мог бы задать вам такой же вопрос, сассенах, – прозвучал глубокий и мягкий голос Джейми Мактавиша, и я вздохнула с облегчением.

Зашуршала солома, и он сел.

– Впрочем, я догадываюсь, – сухо добавил он. – Думаете, далеко удастся ускакать темной ночью на незнакомой лошади? С учетом того, что утром половина клана Маккензи пустится за вами в погоню.

Я была невероятно зла.

– Они за мной не погонятся. Они же в холле. Я бы очень удивилась, если бы тот из них, кто утром сможет встать на ноги, пустился бы следом за кем бы то ни было.

Джейми рассмеялся, встал и протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Он отряхнул солому с моего платья – излишне тщательно, как мне показалось.

– Вроде бы это звучит резонно, сассенах, – сказал он, как будто сомневался в моей способности рассуждать здраво в нынешних обстоятельствах. – Или звучало бы, если бы Колум не установил вахту и сторожевые посты вокруг замка и в лесу. Вряд ли он оставил бы замок незащищенным и собрал всех мужчин клана, способных сражаться, в холле. Хорошо еще, что камень не горит, не то что дерево...

Я сообразила, что он намекает на резню в Гленко, совершенную неким Джоном Кэмпбеллом по подлому сговору с властями: он предал мечу тридцать восемь членов клана Макдональд и сжег дом, где лежали их тела. Я быстро подсчитала в уме. Это произошло около пятидесяти лет назад – не так уж давно, чтобы принятые Колумом меры показались неоправданными.

– Во всяком случае, нельзя было выбрать более неподходящую ночь для бегства, – продолжал Джейми.

Мне показалось немного странным то, что он осуждает не мое намерение бежать, а неудачный план.

– Мало того что кругом охрана и все лучшие всадники на много миль находятся в замке, так еще на дорогах полно народа, который направляется сюда, чтобы участвовать в тинчале и в играх.

– В тинчале?

– Тинчал – это охота. Обычно на оленей, но в этот раз, может быть, на кабана. Один из конюхов говорил Алеку, что в восточном лесу появился здоровенный кабан.

Джейми положил свою большую руку мне на спину и повернул меня лицом к длинной светлеющей щели в приоткрытой двери конюшни.

– Идем, – сказал он. – Я отведу вас обратно в замок.

Я отодвинулась от него и сказала сердито:

– Не беспокойтесь, я сама найду дорогу.

Он твердо взял меня за локоть.

– Надеюсь, что найдете. Но не думаю, что вам стоит встречаться с охранниками Колума один на один.

– С чего бы это? – огрызнулась я. – Я ничего плохого не делала, а гулять за воротами замка не запрещено.

– Нет, не запрещено, – ответил он, задумчиво глядя в темноту. – Сомневаюсь, что они захотели бы вас беспокоить, но, вероятнее всего, стражи стоят на посту в компании фляжки. Выпивка – приятный друг, но не слишком разумный советчик в том, что называется приличным поведением, особенно если милая хрупкая барышня натывается на вас в темноте.

– Я же наткнулась в темноте на вас, – храбро возразила я. – К тому же я не очень-то хрупкая и не особенно милая, тем более сейчас.

– Я был сонный, но не пьяный, – заметил Джейми. – И, оставляя в стороне вопрос о вашем норове, должен заметить, что вы намного меньше любого из стражей Колума.

Я оставила эту реплику без ответа – разговор заходил в тупик – и попробовала другую тактику.

– А почему вы спите в конюшне? – спросила я. – Разве у вас нет постели?

Мы в это время шли по огороду около кухни, и лицо Джейми освещал только слабый свет звезд. Он был сосредоточен, смотрел под ноги, но при этих словах бросил на меня быстрый взгляд.

– Ай¹⁵, – произнес он и некоторое время продолжал молча идти, прежде чем ответить: – Я решил, что мне лучше не высовываться.

– Потому что не хотите присягать Колуму Маккензи? – предположила я. – И не хотите, чтобы из-за этого поднялся лишний шум?

¹⁵ Ай – шотландское слово, означающее согласие.

Он снова поглядел на меня – с любопытством.

– Вроде того.

Одни из боковых ворот гостеприимно стояли открытыми, и фонарь, который горел рядом на камне, бросал на дорожку желтую полосу света. Мы уже почти достигли этого сигнального огня, когда чья-то рука зажала мне рот, и земля ушла у меня из-под ног.

Я сопротивлялась, но мой противник носил толстые перчатки, которые я не могла прокусить, и был к тому же, как и предупреждал Джейми, намного крупнее меня.

У Джейми, как видно, были тоже некоторые трудности – судя по звукам борьбы и проклятиям. Борьба закончилась внезапным сильным ударом и взрывом шотландской ругани. Раздался чей-то смех.

– Боже правый, да это же молодой парень, племянник Колума! Припозднился ты к присяге, паренек, а? Кто это с тобой?

– Девчонка, – отвечал на это человек, который держал меня, – ничего себе, славная, да и не тощая тоже.

Он убрал свою руку с моих губ и беспардонно схватил меня за другое место. Я возмущенно завопила, крутанулась, ухватила его за нос и дернула. Он отпустил меня с ругательствами, от которых у иных завяли бы уши. Я поскорее отступила в сторону, подальше от вонючего перегара, и почувствовала прилив благодарности к Джейми. Его намерение проводить меня оказалось ненапряжным.

Он, кажется, смотрел на это иначе, тщетно стараясь отделаться от вцепившихся в него мужчин. В их действиях не было ничего враждебного, однако они были тверды в своих намерениях. Они направлялись к воротам и волокли Джейми за собой.

– Да позвольте же мне хотя бы переодеться, – протестовал он. – Не могу я присягать в таком виде.

Его попытка улизнуть под благовидным предлогом пошла прахом из-за внезапного появления Руперта, одетого так, словно он собрался на свадьбу – пестрая рубашка, кафтан, отделанный золотым галуном. Он выскочил из ворот, как пробка из бутылки.

– Об этом ты не тревожься, – заявил он, глядя на Джейми сверкающими от возбуждения глазами. – Мы тебя прямо там приоденем.

Он кивнул в сторону входа, и Джейми вынужден был идти за ним.

Мощная рука ухватила меня за локоть, и я подчинилась и вошла во двор замка.

Руперт находился в приподнятом настроении, как, впрочем, и все остальные мужчины, которых я увидела в замке. Их там было человек шестьдесят или семьдесят, все одеты в лучшее платье и увешаны кинжалами, мечами, пистолетами, спорранами; они толпились во дворе, недалеко от дверей в холл. Руперт указал куда-то, и мужчины увлекли Джейми в маленькую освещенную комнату. Ее использовали в качестве гардеробной; на столах и на полках по стенам лежало множество разнообразной одежды.

Руперт окинул Джейми критическим взглядом, особое внимание уделив соломе в волосах и заляпанной рубахе. Покосился он и на мои волосы, в которых тоже торчали соломинки, и его толстая физиономия расплылась в масляной улыбке.

– Неудивительно, что ты поздно, парень, – сказал он и ткнул Джейми в ребро. – Уилли! – окликнул он кого-то. – Нам тут нужна кое-какая одежонка. Что-нибудь для племянника лэрда. Да поживее, дружище!

Джейми, сжав губы в жесткую линию, смотрел на окружающих мужчин – шестерых членов клана, возбужденных предстоящей церемонией и преисполненных гордости за род Маккензи. Патриотический дух поддерживался обильными порциями эля из бочонка, который я заметила во дворе. Глаза Джейми остановились на мне, в них светилось мрачное недовольство. Определенно он винил меня.

Он, разумеется, мог сказать, что не намерен присягать Колуму, и вернуться в конюшню... если его желанием было оказаться побитым или чего похуже. По-прежнему глядя на меня, он приподнял брови, пожал плечами и сдался на милость Уилли, который уже спешил к нему с белоснежной рубашкой и со щеткой для волос в руке. Сверху лежал голубой берет из бархата с кокардой, за которую была засунута веточка падуба. Я взяла его в руки, чтобы лучше рассмотреть, пока Джейми облачался в чистую рубашку и со сдерживаемой яростью причесывал щеткой волосы.

Кокарда была круглая, с удивительно тонкой гравировкой. В центре – пять вулканов, изрыгающих пламя, а по краю бежал девиз: *Luceo non Ugo*.

– Свечу, но не сгораю, – перевела я надпись вслух.

– Верно, барышня. – Уилли одобрительно кивнул мне. – Это девиз Маккензи.

Он забрал берет у меня из рук и передал его Джейми, а сам пошел за остальной одеждой.

– Я... я прошу прощения, – негромко сказала я, пользуясь отсутствием Уилли и подойдя поближе к Джейми. – Я не предполагала...

Джейми, который недовольно рассматривал кокарду, взглянул на меня с высоты своего роста, и жесткая линия губ немного смягчилась.

– Не тревожьтесь обо мне, сассенах. Это должно было произойти рано или поздно.

Он отцепил кокарду от шапочки и, усмехнувшись, взвесил ее на ладони.

– Вы знаете мой девиз, барышня? – спросил он. – Я имею в виду – девиз моего клана?

– Нет, – ответила я. – Какой же он?

Джейми подбросил кокарду вверх, поймал ее и осторожно уложил в спорран, холодно глянув через распахнутую дверь на членов клана Маккензи, толкущихся беспорядочными группами.

– *Je suis prest*, – ответил он на очень хорошем французском.

Он обернулся и посмотрел на Руперта и еще одного громадного Маккензи, которого я не знала: лица у обоих пылали от возбуждения и от горячительных напитков, коих, судя по всему, было выпито немало. Руперт держал в руках длинный тартан цветов Маккензи.

Недолго думая, второй мужчина потянулся к пряжке на килте Джейми.

– Сассенах, вам лучше уйти, – посоветовал Джейми. – Женщине здесь делать нечего.

– Я понимаю, – ответила я и получила в награду кривую улыбку.

На Джейми тем временем надели новый килт, а старый просто сдернули вниз, и, таким образом, нормы приличия остались соблюдены. Руперт и второй мужчина взяли Джейми под руки и повели к выходу.

Я вышла и направилась к лестнице на галерею для менестрелей, тщательно избегая смотреть на членов клана, мимо которых шла. Свернув за угол, я остановилась и прижалась к стене, чтобы никто меня не заметил. Подождав, пока коридор опустеет, я шмыгнула в дверь, ведущую на галерею, и поспешно закрыла ее за собой, прежде чем кто-нибудь успеет выйти из-за угла и заметить, куда я скрылась. Откуда-то сверху на лестницу падал свет, и я вполне благополучно поднялась по разбитым ступеням. Карабкаясь туда, откуда шел свет и доносился шум, я думала о последней фразе нашего с Джейми разговора.

Je suis prest – я готов.

Мне оставалось надеяться, что это так.

Галерея была освещена сосновыми факелами, которые то и дело ярко вспыхивали в своих гнездах, окруженных черными пятнами вековой сажки. Несколько лиц повернулось в мою сторону, едва я показалась на галерее. Судя по всему, здесь, наверху, собрались все женщины замка. Я узнала Лаогеру, Магдален и нескольких девушек, которых мне приходилось встречать в кухне, – и конечно же, величественную фигуру миссис Фицгиббонс, занявшую почетное место возле балюстрады.

Заметив меня, она дружески кивнула, приглашая к себе, и женщины потеснились, чтобы дать мне пройти. Я подошла к перилам – весь холл открылся предо мной.

Стены украсили ветками мирта, тиса и падуба; аромат этих вечнозеленых деревьев витал по галерее, смешиваясь с запахами дыма и мужских тел. Внизу было множество мужчин, и у всех одежда в цветах клана – у иных просто плед, наброшенный прямо на рабочую рубаху, и потрепанные клетчатые штаны, или берет. Узоры варьировались, но цвета были одни и те же – темно-зеленый и белый.

Большинство, однако, были одеты как Джейми: килт, плед и берет, у многих прикреплены кокарды. Я отыскала глазами Джейми; по-прежнему мрачный, он стоял у стены. Руперт затерялся в толпе, но двое крупных Маккензи стояли по обе стороны от Джейми, точно телохранители.

Шум и блуждание в холле поулеглись после того, как постоянные обитатели замка оттеснили вновь прибывших к нижней части зала.

Вечер был сегодня особенный, и кроме юнца, который обычно играл на волынке в одиночестве, появились еще два волынщика; гордая осанка одного из них, а также сделанные из слоновой кости наконечники трубок волынки говорили о том, что это признанный мастер. Он кивнул двум другим, и зал наполнился густым гудением. Меньше боевых волынок Северной Шотландии, эти все же производили достаточно шума.

Но вот в басовую мелодию влилась пронзительная трель, от которой у слушателей закипела кровь. Женщины вокруг меня затрепетали, и я вспомнила строчки из «Мэгги Лодер»¹⁶:

Я Рэб-певец, известный всем в округе,
И сходят девушки-красавицы с ума,
Едва возьму свою волынку в руки...

Женщины на галерее если и не сходили с ума, то точно пришли в восторг и, свешиваясь через перила, оживленно переговаривались и восхищались то одним, то другим из прогуливавшихся по залу нарядных мужчин. Какая-то девушка обратила внимание на Джейми и предложила подружкам полюбоваться им. Тотчас началась воркотня и шушуканье по поводу его наружности. Впрочем, многие говорили не столько об этом, сколько о том, что он явился присягнуть. Я заметила, что Лаогера, увидев его, просияла, и припомнила, как Алек говорил тогда, что отец ни за что не выдаст дочь за того, кто не состоит в клане Маккензи. В самом ли деле он племянник Колума? Возможно, это лишь хитрость. Уловка, что защитит человека, оказавшегося вне закона.

Мелодия достигла кульминации и вдруг оборвалась. В полной тишине Колум Маккензи появился в верхних дверях и торжественно прошагал к сооруженной в зале небольшой платформе. Он не пытался скрыть свою немощь, но и не выставлял ее напоказ на сей раз. В своем лазурно-голубом кафтане с золотой вышивкой, с серебряными пуговицами и розовыми шелковыми манжетами он выглядел великолепно. Килт из тонкой шерсти был чуть ниже колен, почти целиком закрывая ноги и короткие чулки. Берет голубой, но в кокарду воткнуты перья, а не веточка падуба. Весь зал задержал дыхание, когда Колум занял свое место на платформе. Кем бы он ни был, но актер из него что надо.

Колум повернулся к собравшимся, воздел руки и приветствовал всех громким кличем:

– Тулах Ард!

– Тулах Ард! – заревел зал в ответ. Женщина рядом со мной задрожала в экзальтации.

Затем Колум произнес короткую речь на гэльском. В нее то и дело врывались громкие крики одобрения, а сразу после этого началась церемония присяги.

¹⁶ Старинная шотландская народная баллада.

Первым к платформе подошел Дугал Маккензи. Он остался стоять перед ней, и головы братьев оказались на одном уровне. Дугал оделся нарядно, но на его коричневой бархатной куртке не было золотого шитья, и он не отвлекал внимания от Колума во всем его церемониальном величии.

Дугал вынул из ножен дирк и опустил на одно колено, держа оружие острием вверх. Голос у Дугала был не такой звучный, как у Колума, но все же достаточно громкий для того, чтобы каждое его слово услышали во всех уголках зала.

– Клянусь крестом нашего Господа Иисуса Христа и священным железом, что я держу в руке, хранить верность и преданность клану Маккензи. Если рука моя когда-нибудь поднимется против вас в мятеже, пусть это священное железо поразит меня в сердце.

Он опустил дирк и поцеловал его в том месте, где рукоятка сходится с лезвием; затем вложил оружие в ножны. Все еще коленапреклоненный, Дугал протянул Колуму сложенные в замок руки, тот взял их в свои и поднес к губам в знак того, что принимает присягу. Затем он поднял Дугала на ноги.

Обернувшись, Колум взял серебряную чашу с двумя ручками по бокам с накрытого тарганом столика. Он поднял ее обеими руками, отпил из нее и протянул Дугалу. Тот сделал большой глоток и вернул чашу. Поклонившись лэрду клана Маккензи, он отошел в сторону, давая место следующему человеку.

Процедура повторялась с удручающим однообразием – от клятвы до глотка из кубка. Прикинув количество людей, я снова подивилась способности Колума пить не пьянея. Я как раз занималась подсчетами, сколько же ему придется выпить до конца вечера, когда увидела, что следующим в очереди стоит Джейми.

Дугал после присяги остался позади Колума. Он заметил Джейми раньше брата, так как тот принимал клятву от кого-то еще, и я увидела удивление у него на лице. Дугал подошел к брату и что-то тихонько сказал ему. Глаза Колума были прикованы к человеку, стоявшему перед ним, но он весь мгновенно напрягся. Он тоже был удивлен – неприятно удивлен, как мне показалось. Атмосфера в холле, и так наэлектризованная в начале церемонии, теперь как будто сгустилась. Если бы Джейми отказался от присяги, перевозбужденные члены клана могли просто растерзать его на части. Я незаметно вытерла взмокшие ладони о подол платья, переживая острое чувство вины за то, что по моей милости Джейми угодил в столь опасную ситуацию.

Он выглядел спокойным. В зале было жарко, но Джейми не вспотел. Он терпеливо ждал своей очереди, не выказывая волнения: а ведь сотня окружающих его хорошо вооруженных мужчин немедленно совершит расправу, если кто-то хоть намеком оскорбит клан. Вот уж действительно «Je suis prest»! Или он решил последовать совету Алека?

Как только подошла очередь Джейми, я сжала ладони, так что ногти впились в кожу.

Он изящно опустил на одно колено и поклонился Колуму. Но вместо того, чтобы выхватить из ножен кинжал, поднялся на ноги и посмотрел Колуму в лицо. Прямой как стрела, он казался выше ростом и шире в плечах, чем любой из присутствующих; он возвышался на несколько дюймов над сидящим на платформе Колумом. Я взглянула на Лаогеру. Когда Джейми выпрямился, она побледнела и сжала кулаки, как и я.

Все взгляды в зале были прикованы к Джейми, но он заговорил так, словно вокруг не было никого, кроме Колума. Он заговорил – голосом таким же глубоким и звучным, как у Колума.

– Колум Маккензи, я пришел сюда как родич и союзник. Я не даю вам клятву, ибо уже присягнул на верность своему роду.

В толпе поднялся негромкий ропот, однако Джейми продолжал, не обращая внимания на него:

– Но я согласен отдать вам то, чем располагаю: мою помощь и мою добрую волю, когда бы они ни понадобились. Я обязуюсь повиноваться вам как родичу и лэрду, и я считаю себя связанным этим словом до тех пор, пока остаюсь на землях клана Маккензи.

Он умолк и стоял, высокий, прямой, держа руки по бокам. «Теперь черед Колума делать ход, – подумала я. – Одно лишь слово, один знак – и кровь молодого человека будут завтра утром смывать со ступеней».

Какое-то мгновение Колум стоял неподвижно, затем улыбнулся и протянул руки. Джейми, помедлив, вытянул навстречу свои.

– Для нас честь ваше предложение дружбы и доброй воли, – громко произнес Колум. – Принимаем ваш обет повиновения и приветствуем вас как союзника клана Маккензи.

Напряжение в зале сразу растаяло, а по галерее пронесся еле заметный вздох облегчения, когда Колум отпил из чаши и протянул ее Джейми. Молодой человек принял кубок с улыбкой. Однако вместо короткого церемониального глотка он, осторожно держа наполненную до краев чашу, принялся пить из нее. И продолжал пить под восхищенные и уважительные возгласы зрителей, которые с растущим интересом наблюдали за тем, как двигается шея у пьющего из чаши. Мне подумалось, что у него вот-вот закончится воздух, но ничего подобного. Он выпил все до последней капли, опустил чашу и вручил сосуд Колуму.

– Большая честь для меня, – проговорил он хрипло, – быть союзником клана, где пьют такой прекрасный виски.

Эти слова были встречены одобрительным ревом, и когда Джейми пошел к выходу, его то и дело останавливали, чтобы пожать руку или дружески хлопнуть по спине. По-видимому, в клане Маккензи не один Колум питал слабость к драматизму.

Жара на галерее была удушающая, да еще дым снизу шел; у меня разболелась голова перед самым концом церемонии, о котором, как я поняла, коротко сказал Колум. Трезвый после шести чаш виски, он говорил все тем же твердым голосом, который эхом отражался от каменных стен. Мне подумалось, что по крайней мере этой ночью у него не будут болеть ноги, несмотря на то что он так долго стоял.

Снизу донеслись крики, снова загудели волынки, и церемониальная торжественность сменилась буйным разгулом. Все радостно приветствовали появление бочонков с элем и виски на столах, а следом за спиртным внесли подносы с овсяными лепешками и хаггисом – национальным блюдом из овечьей требухи и мяса, которые смешивают с мукой и овсянкой. Миссис Фиц, которая отвечала за застолье, бесстрашно свесилась с балюстрады, наблюдая за поведением слуг, разносивших угощение, – в основном подростков, которым еще было слишком рано приносить присягу.

– А где же фазаны? – бормотала миссис Фиц, оглядывая столы. – А фаршированные угри? Черт бы побрал этого Мунго Гранта, я с него шкуру спущу, если он сжег угрей!

Она решительно начала проталкиваться к выходу из галереи, не в силах передать в руки не слишком надежного Мунго Гранта такую ответственную вещь, как праздничное угощение.

Решив не упускать возможности, я двинулась следом за ней, поскольку миссис Фиц оставила за собой широкий проход. Ко мне присоединились еще несколько женщин.

Миссис Фиц, обернувшись и увидев за собой нас, сурово нахмурилась.

– А вы, барышни, немедленно расходитесь по своим комнатам, – распорядилась она. – Если не хотите оставаться наверху, лучше бегите к себе, да побыстрее. Не бродите по коридорам и не прячьтесь по углам. Во всем замке нет теперь ни одного трезвого мужчины, а через час они будут совсем пьяные. Нынче вечером девушкам тут не место.

Толкнув дверь, она осторожно выглянула в коридор. Убедившись, что все тихо, она начала по одной выпускать девиц, требуя, чтобы они немедленно шли в свои спальни на верхнем этаже.

– Вам не нужна помощь? – спросила я, идя рядом с ней по коридору. – В кухне?

Она покачала головой, благодарно улыбнувшись.

– Нет, милая, не нужна. Вы тоже отправляйтесь к себе, вам тут опасно оставаться, как и другим.

И она ласково подтолкнула меня в спину, направляя в сторону темного перехода.

После встречи со стражами я была склонна последовать ее совету. Мужчины в холле буйствовали, плясали и пили, не пытаясь себя сдерживать. Женщинам тут и вправду не место. Но найти отсюда дорогу к моей комнате представляло некоторую трудность. С этой частью замка я была мало знакома, помнила только, что этажом выше есть проход к моей комнате, но никак не могла отыскать лестницу.

Повернув за угол, я наткнулась на кучку мужчин. Я их не знала, они явно прибыли из каких-то отдаленных владений клана и не отличались хорошими манерами. Во всяком случае, я так подумала, заметив, что один из них, не озаботившись поиском отхожего места, справлял нужду прямо в углу коридора.

Я решила вернуться туда, откуда пришла, – неважно, есть там лестница или нет. Меня остановило сразу несколько пар рук, и я оказалась прижатой к стене, окруженная бородастыми похотливыми шотландцами, от которых несло виски.

Не особо церемонясь, один из мужчин обхватил меня за талию, а другую руку запустил под корсаж. Он наклонился поближе, касаясь моего уха щетиной.

– Как насчет подарить сладкий поцелуй храбрым парням из клана Маккензи? Тулах Ард!

В ответ я осыпала его проклятиями и изо всех сил отпихнула от себя. Он был так пьян, что едва держался на ногах и повалился прямо на своего приятеля. Я метнулась в сторону и кинулась бежать, сбросив на ходу свои нелепые туфли.

Еще одна тень выросла передо мной, и я остановилась. Впереди один, а гонится за мной по меньшей мере десяток, и они могут схватить меня, несмотря на свое состояние. Я ринулась вперед, намереваясь обойти его, но он ловко преградил мне путь, и я остановилась так внезапно, что пришлось упереться руками ему в грудь – иначе было не миновать столкновения. Это оказался Дугал Маккензи.

– Какого дьявола... – начал он, но тут же увидел мужчин у меня за спиной.

Дугал отгеснил меня за спину и рявкнул что-то по-гэльски моим преследователям. Они запротестовали в ответ, но после короткой перепалки – просто стая волков, делящих добычу! – компания удалилась в поисках другой жертвы.

– Спасибо вам, – поблагодарила я Дугала, немного оглушенная произошедшим. – Спасибо. Я... пожалуй, я пойду. Здесь опасно оставаться.

Дугал посмотрел на меня, взял за руку и повернул лицом к себе. Он был весь взъерошенный, лохматый – явно не стоял в стороне от возлияний в холле.

– И правильно, барышня, – сказал он. – Вам здесь оставаться не стоит. Но поскольку вы уже тут, придется заплатить выкуп.

В полутьме его глаза мерцали. Он неожиданно привлек меня к себе и поцеловал. Его язык коснулся моего, и я почувствовала привкус виски. Обеими руками он обхватил меня за бедра и прижал к себе так, что я почувствовала напряженную мужскую плоть сквозь все свои юбки.

Дугал отпустил меня столь же неожиданно, как и привлек. Неровно дыша, он кивнул и махнул рукой в сторону холла. Потом пригладил упавшую на лоб непокорную прядь.

– Уходите, барышня, – сказал он. – Пока не пришлось заплатить цену повыше.

И я ушла. Босиком.

Помня события прошедшей ночи, я предполагала, что обитатели замка встанут поздно и спустятся вниз за похмельной кружкой эля только к полудню. Однако шотландские горцы из клана Маккензи оказались куда крепче, чем я думала, – еще до рассвета замок гудел, словно

улей; в коридорах бодро перекрикивались, звенело оружие, грохотали сапоги – мужчины собирались на тинчал.

Было холодно и туманно, но Руперт, которого я встретила во дворе по пути в холл, заверил меня, что это лучшая погода для охоты на кабана.

– У этого зверя шкура такая толстая, что холод ему не страшен, – объяснял он мне, сосредоточенно натачивая наконечник копья на точильном камне. – Кабаны расслабляются в тумане и не замечают охотников, так-то.

Я решила не заострять внимания на том, что и охотники увидят кабана только в тот момент, когда наткнутся на него.

Едва солнечные лучи прорезали туман красным золотом, охотники собрались на переднем дворе, усыпанные, словно блестками, каплями воды и с горящими от радостного предвкушения глазами. Мне приятно было узнать, что женщины в охоте не участвуют, ограничиваясь лишь проводами с блюдами лепешек и элем. Я увидела, какое количество мужчин, вооруженных копьями, топорами, луками, кинжалами, движется в восточный лес, и мне стало немного жаль кабана. Хотя спустя час место жалости заняло подобие уважения – когда меня внезапно вызвали на окраину леса перевязать человека, в тумане наскочившего на зверя.

– Черт меня дерит! – воскликнула я, осматривая рваную рану на ноге, тянущуюся от колена до щиколотки. – Это кабан сделал? У него что, зубы из нержавеющей стали?

– А? – только и смог ответить раненый, который побледнел от шока и был слишком потрясен, чтобы поддерживать разговор, но те, кто нес его сюда из леса, поглядели на меня с любопытством.

– Неважно, – бросила я, туго затягивая повязку на поврежденной икре. – Отнесите его в замок, попросим миссис Фиц дать ему горячей похлебки и теплое одеяло. Рану надо зашить, а у меня нет с собой нужных инструментов. – В тумане раздавался эхом стук колотушек. И вдруг над деревьями прозвучал такой душераздирающий вопль, что поблизости от меня вспорхнул из тайного укрытия фазан и, хлопая крыльями от страха, улетел.

– А это что еще такое?

Я подхватила бинты, доверила своего пациента заботам приятелей и бегом кинулась в лес.

Под сенью ветвей туман был гуще, и я видела не дальше пары футов перед собой, но продолжающиеся крики и треск веток вели меня в верном направлении.

Он обошел меня сзади. Прислушиваясь к крикам, я не слышала его и не замечала до тех пор, пока он не стал удаляться – огромная темная масса на нелепых маленьких копытах, передвигающаяся с немыслимой скоростью и почти бесшумно.

Я была так поражена его появлением, что даже не успела испугаться. Просто молча смотрела в туман на том месте, где растаял темный приземистый силуэт. Потом, подняв руку, чтобы убрать волосы, свисающие на лоб кудрявыми колечками, я увидела на коже красную полосу. Глянула вниз – такая же осталась на моей юбке. Животное было ранено. Может, это оно кричало? «Нет, – подумала я. – То был крик смертельно раненного человека. А зверь пробежал мимо меня слишком бодро».

Я перевела дух и продолжила путь в тумане в поисках раненого.

У подножия невысокого холма я нашла его, окруженного товарищами. Они накрыли мужчину своими пледами, чтобы ему было тепло, однако ткань, укрывающая ноги, была угрожающе влажной и темной. Широкая полоса вспаханной черной земли на склоне показывала, где спускался человек, а втоптанная в грязь сухие листья и растревоженная копытами почва у подножия – место, где кабан атаковал. Я опустила на колени возле раненого, откинула пледы и приготовилась к осмотру.

Меня прервали: крики мужчин заставили меня повернуть голову, и я еще раз увидела, как из-за деревьев возник знакомый угрожающий силуэт животного.

На этот раз я успела разглядеть кинжал, торчащий в боку у зверя, – быть может, его всадил тот, кто лежал передо мной на земле. Мелькнули окровавленные желтые клыки и обезумевшие маленькие красные глазки.

Мужчины, не меньше меня пораженные появлением зверя, начали хвататься за оружие. Быстрее всех среагировал высокий человек, что выхватил копьё у оцепеневшего соседа и выступил вперед.

То был Дугал Маккензи. Он двигался почти расслабленно, копьё нес низко и держал обеими руками, словно полную лопату грязи. Он шел на зверя, что-то тихо приговаривая на гэльском, как будто выманивал кабана из-под дерева, где тот остановился.

Первая атака оказалась внезапной, как взрыв. Кабан промчался мимо так быстро и так близко, что коричневый охотничий тартан Дугала шевельнулся от поднятого зверем ветра. Кабан мгновенно развернулся и снова бросился на врага – весь летящая напряженная мышца. Дугал отскочил, как тореадор, и ударил кабана копьём. Назад, вперед, раз за разом. Это напоминало танец, соперники с силой упирались в землю, но двигались с такой скоростью, что казалось – они не ходят, а летают.

Бой шел всего минуту или около того, но минута эта была долгой! Кончилось все тем, что Дугал, увернувшись от острых клыков, мощным ударом вонзил копьё между выпиравшими лопатками зверя. От жуткого визга у меня мурашки забегали по коже. Кабаны глазки дико забегали, отыскивая того, кто ранил его; животное шло, пошатываясь из стороны в сторону, и острые копыта утопали в мягкой почве. Визг продолжался, перейдя в оглушительное крещендо, тяжелое тело накренилось, кинжал глубже вонзился в плоть. Кабан начал рыть копытами землю, разбрасывая комья грязи. Визг оборвался внезапно. На мгновение повисла тишина, потом зверь хрюкнул в последний раз и больше не двигался.

Дугал не стал ждать конца агонии; он обошел дергающуюся тушу и приблизился к раненому. Опустившись на колени, он подsunул руку под плечи жертвы, заменив мужчину, который поддерживал раненого до сих пор. Кровь кабана забрызгала Дугалу лицо, несколько капель, уже высыхающих, попало на волосы сбоку.

– Бодрее, Джорди, – с неожиданной мягкостью произнес он. – Держись, дружище. Я убил его. Все в порядке.

– Дугал? Это ты, друг?

Раненый повернул голову к Дугалу и постарался открыть глаза.

Я принялась нащупывать пульс и с возрастающим изумлением слушала, как Дугал, неистовый, беспощадный Дугал тихо и ласково говорит с пострадавшим, прижимая его к себе, как ребенка, и приглаживая спутанные волосы.

Я откинулась назад и опустила на грудь одежды, лежащую на земле. Глубокая рана длиной примерно восемь дюймов тянулась по внутренней стороне бедра, кровь из нее шла непрерывно, но не толчками – значит, бедренная артерия не повреждена, кровь можно остановить.

Ничего нельзя было поделать с другой раной – на животе; острые кабаны клыки прошили кожу, мышцы и повредили брыжейку и кишечник. Крупных сосудов здесь не было видно, однако кишечник порван в нескольких местах, я хорошо видела это в зияющей отверстии раны. Такие ранения ведут к фатальному исходу даже в стерильных условиях современной операционной с ее инструментарием, шовным материалом и антибиотиками. Содержимое кишечника попадает в брюшную полость и инфицирует ее. А здесь, не имея под рукой ничего, кроме чеснока да цветков тысячелистника...

Я встретила глазами с Дугалом, который тоже смотрел на ужасную рану.

– Он будет жить? – едва слышно, одними губами, спросил Дугал через голову раненого.

Я отрицательно покачала головой. Дугал помедлил, потом потянулся вперед и развязал жгут на бедре. Он посмотрел на меня, видимо, ожидая возражений, но я только кивнула. Я могла остановить кровотечение и переправить раненого в замок на носилках. Это обрело бы

его на долгую агонию, инфекцию и гангрену, которая в конце концов непременно убила бы его, терзающегося от невыносимой боли. Дугал дарил ему легкую смерть – под небом, на ковре из листьев, окрашенных его кровью и кровью зверя, который поразил его. Я подползла на коленях по сырым листьям к умирающему и поддержала ему голову.

– Скоро станет легче, – сказала я, голос мой звучал ровно – к этому-то я давно приучила себя. – Боль сейчас утихнет.

– Да. Уже... легче. Я не чувствую рук... и ног тоже... Дугал... ты здесь? Ты здесь, друг?

Умиравший слепо хватал воздух коченеющими руками. Дугал твердо взял его руки в свои и зашептал что-то раненому на ухо.

Спина у Джорди выгнулась в спазме, каблук глубоко зарылись в мокрую землю – тело протестовало против того, с чем уже смирился разум. Время от времени он резко вздыхал – потеря крови лишала его кислорода, он задыхался.

Лес затих. В тумане не пели птицы, и мужчины, ожидавшие конца под деревьями, тоже молчали – как эти деревья. Дугал и я склонились над телом, все еще бормоча слова утешения – горестное напутствие тому, кто уходил в небытие.

Дорога вверх к замку прошла в молчании. Я шла рядом с погибшим, которого уложили на носилки из сосновых веток. Следом за нами на таких же носилках несли тело его врага. Дугал шел впереди один.

Едва мы вошли через ворота на главный двор, я увидела толстую приземистую фигуру отца Бейна, опоздавшего к отпущению грехов своего прихожанина.

Я сразу поспешила к лестнице, которая вела к моему кабинету, но Дугал окликнул меня. Мимо нас в часовню пронесли укрытое пледом тело Джорди, и мы остались вдвоем в опустевшем коридоре. Дугал взял меня за запястье и внимательно посмотрел в глаза.

– Вам приходилось видеть умирающих мужчин и прежде, – сказал он ровным голосом. – Смертельно раненных.

Не вопрос, а почти обвинение.

– Многих, – ответила я так же просто. Высвободив руку, я покинула его, а сама направилась помогать живому пациенту.

Смерть Джорди, пусть и ужасная, прервала празднества лишь ненадолго. Поминальную службу провели в тот же день, а игры начались на следующее утро.

Игр я почти не видела, так как была слишком занята оперативным лечением их участников. Единственное, что могу с уверенностью сказать о шотландских играх, – они не для слабаков. Я бинтовала ноги тем, кто неудачно пытался станцевать между мечей, накладывала шину на сломанную ногу незадачливой жертвы неудачно брошенного молота, снабжала касторкой и сиропом из настурции детей, объевшихся сладостей. И к вечеру я просто лишилась сил.

Я вскарабкалась на стол в кабинете, чтобы глотнуть через окошко немного свежего воздуха. С поля, где проходили игры, неслись крики, смех и музыка. Отлично. Новых пациентов нет, и надо надеяться, не будет до завтра. Что там, Руперт говорил, у них по расписанию? Стрельба из лука? Хмм. Я проверила запас бинтов и закрыла за собой дверь.

Покинув замок, я спустилась по склону к конюшням. Могу же я, в конце концов, позволить себе побыть в компании существ, которые не болтают и не истекают кровью. Еще я хотела отыскать Джейми как-там-его-настоящая-фамилия, чтобы еще раз попросить у него прощения за то, что втянула в историю с присягой. Правда, он справился с этим недурно, но явно не оказался бы там, если бы не я. Что касается сплетен о нашей с Джейми связи, которые мог распускать Руперт, то об этом я решила не думать.

Не хотелось думать и о собственном положении, но рано или поздно придется. План бегства потерпел сокрушительное фиаско в начале собрания, но может, стоит рискнуть в конце? Правда, большинство лошадей сейчас в разгоне, но замковые лошади, скорее всего, доступны.

Отсутствие одной из них спишут на случайную кражу – мало ли негодяев ошивается вокруг ярмарки и на игровом поле? А в суете отъездов меня не сразу хватятся.

Я медленно брела вдоль загона, обдумывая бегство. Главная трудность заключалась в том, что я только примерно представляла, где нахожусь и в каком направлении ехать. Благодаря моей медицинской практике в последние дни меня теперь знали в лицо почти все представители клана Маккензи в Леохе и за его пределами, стало быть, я не смогу свободно спрашивать о дороге.

Рассказал ли Джейми Дугалу или Колуму о моей неудачной попытке бежать в ночь присяги? Возможно, не рассказал – ни тот ни другой не давали мне понять об этом. В загоне лошадей не было. Я толкнула дверь конюшни, и сердце мое затрепетало в груди при виде Джейми и Дугала, сидящих бок о бок на связке сена. Они не меньше удивились моему появлению, чем я им, однако оба галантно поднялись и предложили мне присесть.

– Не беспокойтесь, – сказала я и повернулась к двери. – Я совсем не хотела вас прерывать.

– Вы как раз вовремя, барышня, – возразил Дугал. – То, что я сейчас говорил Джейми, касается и вас.

Я бросила на Джейми быстрый взгляд, но он отрицательно мотнул головой. Значит, не рассказывал Дугалу о моей попытке бежать.

Я села поодаль от Дугала. Встреча с ним в коридоре в ночь присяги была свежа в памяти, хотя он не напоминал мне о ней ни словом, ни взглядом.

– Через два дня я уезжаю, – заявил Дугал. – И беру с собой вас обоих.

– Куда? – потрясенно спросила я. Сердце снова забилося.

– В поездку по землям клана Маккензи. Колум путешествовать не может, а нам нужно посетить арендаторов, которые не приехали на собрание. Это моя задача. Ну и есть еще дела в разных местах.

– Но зачем вам я? То есть я хотела сказать, почему мы оба?

Дугал подумал, прежде чем ответить.

– Н-ну, – протянул он, – Джейми отлично управляется с лошадьми. Что касается вас, барышня, то Колум считает, что вам пойдет на пользу визит в Форт-Уильям. Начальник может помочь... разыскать ваших родственников во Франции.

«Или помочь вам, – подумала я, – выяснить, кто я такая. Что еще они от меня скрывают?» Дугал смотрел на меня, ожидая реакции.

– Очень хорошо, – спокойно сказала я. – Прекрасная мысль.

Внешне я осталась невозмутимой, но в душе у меня все пело. Какая удача! Теперь мне не надо бежать из замка. Большую часть пути я проделаю с Дугалом, он сам довезет меня. А уж из Форт-Уильяма я найду дорогу на Крэг-на-Дун и сама. К каменному кругу. И с божьей помощью – домой.

Часть 3 В пути

Глава 11 Разговоры с юристом

Мы выехали из замка Леох через два дня, перед рассветом. Лошади осторожным шагом поднимались на каменный мост по две, по три и даже по четыре в ряд, вслед нам неслись громкие прощания и напутствия и крики диких гусей. Я все оглядывалась – до тех пор, пока громада замка не скрылась за полотном мерцающего тумана. Мысль о том, что я никогда больше не увижу ни это мрачное каменное здание, ни его обитателей, вызывала во мне чувство неожиданной утраты.

Стук копыт звучал в тумане приглушенно. Странно звучали в сыром воздухе и человеческие голоса: сказанное на одном конце колонны порой совершенно четко и ясно слышалось на другом ее конце, а слова, произнесенные совсем рядом, превращались в смутное бормотание. Казалось, мы едем по некоей призрачной стране, населенной духами. Голоса, будто отделившись от тел и начав самостоятельное существование, плыли по воздуху, то отдаляясь, то снова приближаясь.

Мне выпало ехать между вооруженным мужчиной, которого я не знала, и Недом Гоуэном, щуплым писарем, которого я видела в холле во время суда. Впрочем, как позже выяснилось, он не просто писарь, а по дороге, побеседовав с ним, я окончательно поняла его роль в жизни замка.

Нед Гоуэн был солиситором – так называют ходатаев по делам, поверенных, или адвокатов. Он родился, вырос и получил образование в Эдинбурге. Маленький немолодой мужчина хрупкого сложения, он носил сюртук из тонкого черного сукна, отделанный шелком, шерстяные чулки, полотняную рубашку с воротником, отделанным едва заметным кружевом, и штаны из материи, представлявшей собой удачный компромисс между потребностями жизни в дороге и профессиональным статусом. Тонкие очки в золотой оправе, опрятная ленточка, которой были перехвачены волосы, и шляпа из синего фетра дополняли образ. Он представлял собой настолько каноничного юриста, что я не могла смотреть на него без улыбки.

Он ехал рядом со мной на смирной кобыле, к седлу с обеих сторон были приторочены большие сумки из потертой кожи. Он объяснил мне, что в одной из них лежат его профессиональные инструменты – чернильница, перья и бумага.

– Для чего же предназначена вторая? – спросила я, посмотрев на сумку – в отличие от первой она казалась совсем пустой.

– Она предназначена для налога, собранного с арендаторов нашего лэрда, – отвечал поверенный, похлопав по сумке рукой.

– Очевидно, ожидаются крупные поступления, – предположила я.

Мистер Гоуэн благодушно пожал плечами.

– Не такие уж крупные, моя дорогая. В большинстве своем выплаты поступают в пенсах и полупенсах – в мелкой монете. Не секрет, что мелкая монета занимает больше места, чем деньги крупного номинала. – Он улыбнулся быстрой кривоватой улыбкой. – Но все же эту увесистую кучку меди и серебра легче перевозить, чем остальную часть дохода лэрда.

Он обернулся и бросил взгляд на две большие, запряженные мулами телеги, сопровождавшие нас.

– Мешки с зерном и репа обладают, по крайней мере, тем преимуществом, что они неподвижны. Я не возражал бы и против домашней птицы, если она в клетках и со связанными лапками. Даже против коз я ничего не имею, хотя они причиняют определенные неудобства своей всеядностью. Одна съела в прошлом году мой носовой платок, но тут я сам оплошал – кончик платка торчал у меня из кармана. – Тонкие губы растянулись в улыбке. – В этом году я, однако, поставил одно условие. Мы не станем принимать живых свиней.

Необходимость охранять сумки мистера Гоуэна и телеги объясняла сопровождение из двадцати вооруженных мужчин в походе за рентой. Все они ехали верхом, и еще в отряде были выючные животные, нагруженные продовольствием для всех участников поездки. Миссис Фиц, провожая меня и щедро осыпая напутствиями, предупредила также, что условия путешествия будут самыми примитивными, многие ночи придется провести, разбив придорожный лагерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.